№ 3

ВЕСТНИК

КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВНОМЕРЕ:

Историческая записка о Екатеринодарском уездном училище за 1830 г. как уникальный источник по истории казачьего образования

Процесс и результаты обеспечения населения Северного Кавказа промышленными товарами широкого потребленияв годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война в исторической памяти современной российской молодежи

2026

№ 3

JOURNAL

KUBAN STATE UNIVERSITY

HISTORICAL SCIENCES

IN THE ISSUE:

Historical note on the Yekaterinodar county School for 1830 as a unique source on the history of Cossack education

The process and results of providing the population of the North Caucasus with industrial consumer goods during the Great Patriotic War

The Great Patriotic War in the historical memory of modern Russian youth

2026

ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026. № 3

Издается с 2026 года

ISSN: 3033-7860

Свидетельство о регистрации СМИ: серия ПИ № ФС77-90263
от 16 октября 2025 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Шевцова Анастасия Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ОГРН 1022301972516)

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ

350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, каб. 248. Электронныйадрес: vestnik@hist.kubsu.ru

JOURNAL OF KUBAN STATE UNIVERSITY

HISTORICAL SCIENCES

2026. No. 3

Published since 2026

ISSN: 3033-7860

Media Registration Certificate: Series PI No. FS77-90263
dated October 16, 2025
Issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media

EDITOR-IN-CHIEF

Kasyanov Valery Vasilievich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Advanced Doctor in Sociological Sciences, FullProfessor, Head of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Vartanian Egnara Gaikovna, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of General History and International Relations at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Stepanova Lilia Gennadievna, Advanced Doctor in Historical Sciences, Docent, Professor at the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

RESPONSIBLE SECRETARY

Shevtsova Anastasia Pavlovna, Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (OGRN 1022301972516)

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE AND PUBLISHER

350040, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropolskaya Street, 149, office 248
E-mail:vestnik@hist.kubsu.ru

РЕДАКЦИОННАЯКОЛЛЕГИЯ

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Дударев Василий Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, первый проректор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия)

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института наследия (Россия)

Иващенко Александр Стефанович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия)

Кузнецов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Перенижко Оксана Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Ракачев Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Смертин Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Федина Ирина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Чикаева Карина Суреновна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета (Краснодар, Россия)

Чупрынников Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия)

EDITORIAL BOARD

Vartanyan Egnara Gaykovna, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of General History and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Dudarev Vasily Sergeevich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Senior Research Officerat the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, First vice-president of the State Academic University of Humanities (Moscow, Russia)

Eremeeva Anna Natanovna, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Chief Research Officer at the Department of Complex Problems of Cultural Studies of the Southern Branch of the Institute of Heritage (Russia)

Ivashchenko Alexander Stefanovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of General History of the Adygea State University (Maikop, Russia)

Kuznetsov Igor Valerievich, Ph.D.of Historical Sciences, Senior Research Officer at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Matveev Oleg Vladimirovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Perenizhko Oksana Alexeevna, Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Rakachev Vadim Nikolaevich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of Sociology, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Smertin Yuri Grigorievich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Stepanova Lilia Gennadievna, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Fedina Irina Mikhailovna, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Chikaeva Karina Surenovna, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of Sociology and Cultural Studies at Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russia)

Chuprynnikov Sergey Alekseevich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of History, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙСОВЕТ

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия)

Евтушенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Илиева Марчева-Атанасова Ильяна, доктор, профессор, заведующий сектором Института исторических исследований Болгарской Академии наук (БАН) (София, Болгария)

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия)

Острога Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой таможенного дела и международной логистики факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Пономарева Мария Александровна, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Фонт Марта, доктор исторических наук, профессор Университета Печ (Печ, Венгрия)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на «Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки» обязательна

ISSN3033-7860

© Кубанский государственный университет, 2026

© Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки, 2026

© Авторы публикаций, 2026

EDITORIAL COUNCIL

Baranov Andrey Vladimirovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Political Science, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Bugai Nikolay Fedorovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Chief Research Officer at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yevtushenko Alexander Sergeevich, Ph.D. of Historical Sciences, Dean of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Ivanov Alexander Gavrilovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Ilieva Marcheva-Atanasova Ilyana, AdvancedDoctor, Full Professor, Head of the Sector of the Institute of Historical Research of the Bulgarian Academy of Sciences (BAN) (Sofia, Bulgaria)

Isupov Vladimir Anatolyevich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

Kryuchkov Igor Vladimirovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of General History of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Ostroga Viktor Aleksandrovich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Customs and International Logistics, Faculty of International Relations, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

Maria Alexandrovna Ponomareva, Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Director of the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Font Marta, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the University of Pec (Pec, Hungary)

When selecting articles, the editorial board is guided by the publication's scientific and editorial policy and compliance with the principles of publication ethics.
The editorial board's point of view may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

Reprint is allowed with the consent of the editorial board of the journal. Link to the Bulletin of Kuban State University. Historical sciences" is required

ISSN3033-7860

© Kuban State University, 2026
© Journal of the Kuban State University. Historical Sciences, 2026
© Autory publications, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Слободенюк В.В. Развитие медицины в Черноморском казачьем войске в первой половине XIX в.: фронтирные вызовы и военно-войсковая организация 11
Иванцов И.Г., Дубинин И.В. Историческая записка о Екатеринодарском уездном училище за 1830 г. как уникальный источник по истории казачьего образования 25
Shevtsova A.P. A.N. Novosiltsev's Kudako Oil Field and the Birth of the Russian Oil Industry 37
Басте Р.Ю. Культурно-просветительские учреждения Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны 53
Панарин А.А., Панарина Е.В. Процесс и результаты обеспечения населения Северного Кавказа промышленными товарами широкого потребления в годы Великой Отечественной войны 61
Касьянов В.В. Великая Отечественная война в исторической памяти современной российской молодежи..... 76
Гавчук Г.С., Авдеева М.Д., Иванов Н.А., Шмидт А.К., Ким А.Р. Историческая память о Великой Отечественной войне в региональных музеях: практики коммеморации 2015–2024 гг. 86

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Шманяк В.А. «Поворот на Восток»: влияние мировых экономических и политических процессов на российско-центральноазиатские отношения (на примере Узбекистана) 97

ПУТЬ В НАУКУ

Горбунов А.А. Проблемы развития садоводства на осваиваемых территориях Черноморского побережья и Закубанья в 1860-х гг. (на основе материалов периодической печати) 115

РЕЦЕНЗИИ

Подвальнов Е.Д., Выслоужилова Д. Диалог культур потомков Руса и Чеха в исторической динамике (рецензия на монографию П. Лозовюка и К.В. Шевченко «Очерки истории русско-чешских культурных связей: события – личности – идеи»)..... 129
Колесников В.А. Достойный вклад в полковую историографию Кубани. Рецензия на монографию Соколова А.Ю. «Сведения о личном составе и награжденных казаках станиц Кавказского казачьего полка первоначального состава и 1-й бригады Кавказского линейного казачьего войска – Кубанского казачьего войска» (исследование и справочные материалы) 139

КНИЖНЫЙ ОБЗОР

Шевченко А.А. Историко-культурное наследие Кубани в книгах Издательства «Традиция» 159

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

Slobodenyuk V.V. The development of medicine in the Black Sea Cossack army in the first half of the nineteenth century: frontier challenges and military organization 11
Ivantsov I.G., Dubinin I.V. Historical note on the Yekaterinodar county School for 1830 as a unique source on the history of Cossack education……..... 25
Shevtsova A.P. A.N. Novosiltsev's Kudako Oil Field and the Birth of the Russian Oil Industry..... 37
Baste R.Yu.Cultural and educational institutions of the Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War……..... 53
Panarin A.A., Panarina E.V. The Process and Results of Providing the Population of the North Caucasus with Industrial Consumer Goods During the Great Patriotic War.... 61
Kasyanov V.V. The Great Patriotic War in historical memory modern Russian youth 76
Gavchuk G.S., Avdeeva M.D., Ivanov N.A., Schmidt A.K., Kim A.R. Historical memory of the Great Patriotic War in regional museums: commemorative practices from 2015 to 2024 86

UNIVERSAL HISTORY

Shmanyak V.A. “Pivot to the East”: the impact of global economic and political processes on Russian-Central Asian relations (using Uzbekistan as an example) 97

THE PATH TO SCIENCE

Gorbunov A.A. Problems of Developing Horticulture in the Developing Territories of the Black Sea Coast and the Trans-Kuban Region in the 1860s (Based on Periodical Press Materials). 115

REVIEW

Podvalnov E.D., Vyslouzhilova D. The Dialogue of the Cultures of the Descendants of Rus and Czech in Historical Dynamics (Review of the Monograph by P. Lozovuk and K.V. Shevchenko “Essays on the History of Russian-Czech Cultural Relations: Events – Personalities – Ideas”)..... 129
Kolesnikov V.A. A Worthy Contribution to the Regimental Historiography of the Kuban. Review of the monograph: Sokolov A.Yu. Information about the personnel and awarded Cossacks of the villages of the Caucasian Cossack Regiment of the original composition and the 1st Brigade of the Caucasian Linear Cossack Host – the Kuban Cossack Host (research and reference materials). 139

BOOK REVIEW

Shevchenko A.A. The Historical and Cultural Heritage of the Kuban Region in the Books Published by the “Traditsiya” Publishing House 159

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК94(470.62)"18"+61(09)

Научная статья/ Research article

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ФРОНТИРНЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЕННО-ВОЙСКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Слободенюк Виктория Владимировна
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Wik22@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития врачебного дела в Черноморском казачьем войске в первой половине XIX в. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью медико-санитарного аспекта истории региона, несмотря на солидный корпус трудов по казачьей тематике. Показаны ключевые особенности и проблемы организации медицинской помощи в условиях военного фронтира, природно-климатических и эпидемиологических вызовов.

Эмпирическая база исследования основана на материалах Государственного архива Краснодарского края (фонды 249, 250, 324, 329, 374).На основе документов проанализированы кадровый дефицит, взаимодействие войсковой и народной медицины, а также противоэпидемические меры.

Теоретической базой исследования по различным направлениям изучения данного феномена послужили работы Ф.А. Щербины, Е.Д. Фелицына, И.Д. Попко, С.Б. Манышева, А.М. Ильина, Н.С. Ткаленко, Р.Э. Герман и др.

Изученная региональная модель здравоохранения представляла собой симбиоз военно-медицинской, войсковой и народной составляющих, а борьба с эпидемиями чумы и холеры эволюционировала от пассивных карантинных кордонов к санитарно-просветительской деятельности.

Медицина выступала каналом «мягкой силы» во взаимоотношениях с горским населением, создавая пространство для сотрудничества даже в условиях Кавказской войны. Накопленный в этот период опыт, несмотря на фрагментарность, стал фундаментом для последующего системного развития здравоохранения на Кубани.

Ключевые слова: Кавказ, Черноморское казачье войско, Кавказская война, горцы, история медицины, эпидемии в XIX в., чума, холера.

Для цитирования: *Слободенюк В.В.* Развитие медицины в Черноморском казачьем войске в первой половине XIX в.: фронтирные вызовы и военно-войсковая организация // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 11–24.

THE DEVELOPMENT OF MEDICINE IN THE BLACK SEA COSSACK ARMY IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY: FRONTIER CHALLENGES AND MILITARY ORGANIZATION

Slobodenyuk Victoria Vladimirovna
Kuban State University, Krasnodar, Russia
Wik22@yandex.ru

Abstract. This article examines the formation and development of medical care in the Black Sea Cossack Host in the first half of the 19th century. The relevance of the study is due to the insufficient study of the medical and sanitary aspects of the region's history, despite a substantial body of literature on Cossack topics. The key features and challenges of organizing medical care in military frontier conditions, as well as natural, climatic, and epidemiological challenges, are highlighted.

The empirical basis of the study is based on materials from the State Archives of Krasnodar Krai (collections 249, 250, 324, 329, and 374). These documents are used to analyze personnel shortages, the interaction between military and traditional medicine, and anti-epidemic measures.

The theoretical basis for the study in various areas of this phenomenon was developed in the studies of F.A. Shcherbina, E.D. Felitsyn, I.D. Popko, S.B. Manyshev, and A.M. Ilyina, N.S. Tkalenko, R.E. German et al.

The regional healthcare model studied represented a symbiosis of military medical, military, and public health components, while the fight against plague and cholera epidemics evolved from passive quarantine cordons to public health education.

Medicine acted as a channel of "soft power" in relations with the mountain population, creating space for cooperation even during the Caucasian War. The experience accumulated during this period, despite its fragmentation, became the foundation for the subsequent systemic development of healthcare in Kuban.

Key words: Caucasus, Black Sea Cossack Army, Caucasian War, highlanders, history of medicine, epidemics in the 19th century, plague, cholera.

For citation: *Slobodenyuk V.V.* The Development of Medicine in the Black Sea Cossack Host in the First Half of the 19th Century: Frontier Challenges and Military Organization. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 3, P. 11–24

Введение

Здравоохранение является важнейшей сферой социальной жизни. Изучение его весьма значимо, так как во все времена государство искало и ищет пути достижения высокого уровня организации медицинской помощи населению. При этом важно понимать, как на те или иные изменения отреагируют регионы. Становление здравоохранения на территории современной Кубани важно для понимания исторических корней региональной медицины. Сюжеты о первых войсковых госпиталях и лазаретах, первых врачах, о борьбе с эпидемиями обладают значительным потенциалом в историческом просвещении, а также формировании региональной идентичности. Рассматривая состояние медицинской

составляющей быта Черноморского казачьего войска в первой половине XIX в., можем заметить ее уникальность. Медицина в изучаемом регионе представляет собой симбиоз трех составляющих – военно-медицинской, войсковой и народной.

Неотъемлемой частью быта местного населения в изучаемый период была война. Госпитали и лазареты, подчиняющиеся военному ведомству, кордонные линии стали частью повседневности. Отсюда и войсковой характер медицинского обеспечения. Врачи содержались за счет войсковой казны, при этом часто выполняли обязанности как медицинского, так и полицейского характера. Важным аспектом в регионе была народная медицина. Использовалась широкая практика самолечения, знахарства, применения средств растительного и животного происхождения. Регион был сплетением традиций многих народов, в том числе горцев, что накладывало свой отпечаток на врачевание.

Данная модель стала ярким примером того, как на имперской окраине, в условиях перманентного военного напряжения и ограниченности ресурсов, складывается особый тип медицинской помощи. Изучение данного феномена дополняет сведения о провинциальном и фронтирном развитии медицины на просторах Российской империи.

История здравоохранения является частью социальной истории общества и, несмотря на всплеск интереса к теме медицины в условиях эпидемии COVID-19, мало изучена во многих своих исторических проявлениях. Это можно объяснить тем, что проблематика изучения данного вопроса находится в междисциплинарном пространстве на стыке истории и медицины. Несмотря на солидный корпус трудов по истории Черномории (Ф.А. Щербина [23], Е.Д. Фелицын [22], И.Д. Попко [18]), медико-санитарный аспект остается на периферии исследовательского внимания, носит фрагментарный характер. Всплеск интереса в среде современных историков к данной теме пришелся на 1990-е, а затем и 2000-е гг. Отдельным аспектам истории медицины в данном регионе посвящены работы З.Р. Аликовой [1], Р.Э. Герман [4], Д.Н. Гречишко, А.Н. Рябикова [5], Н.С. Ткаленко [21], С.Б. Манышева [10] и др.

Эмпирическую базу исследования составили материалы Государственного архива Краснодарского края. Фонд 249 «Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска» включает ряд дел, содержащих информацию о формировании медицинских учреждений, об образовании фельдшеров, о лазаретах и госпиталях. Особый интерес представляют дела, которые касаются взаимодействия казаков и горского населения, обращения с ранеными. Некоторые дела фонда посвящены повивальным бабкам и их особым функциям в условиях военного времени.

Отдельным аспектом изучения является реакция власти и общества на эпидемии, которые охватывали регион в первой половине XIX в. Интерес представляют методы борьбы в этот период с проявлениями чумы, холеры. Фонд 249 содержит переписку государственных служащих по вопросам

карантинной линии в условиях чумы. Фонд 250 «Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794–1842 гг.» содержит комплекс документов за 1801–1802 гг., отражающих сбор информации об эпидемической ситуации в Закубанье. Фонды 324 «Екатеринодарский частный карантин, г. Екатеринодар, 1801–1861 гг.» и 329 «Екатеринодарский меновой двор Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1830–1846 гг.» дают сведения о вспышке чумы и реакции властей на данный вызов. Фонд 374 «Канцелярия наказного (войскового) атамана Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар» содержит переписку и распоряжения, связанные с угрозой и проникновением холеры в Кавказскую область в 1830-е гг.

Методологическую базу составляют принципы научной объективности и историзма. Историко-сравнительный метод применялся для выявления региональных особенностей становления организации медицинской помощи населению. Историко-системный метод использовался для изучения целостности объекта, механизмов, обеспечивающих его деятельность.

Цель работы – показать процесс становления и развития врачебного дела в Черноморском казачьем войске в первой половине XIX в., выяснить его ключевые проблемы и особенности в условиях военно-фронтирной специфики региона.

Поставленные задачи:

– показать природно-климатические и санитарно-эпидемиологические условия региона как факторы, определяющие развитие медицины;

– проанализировать кадровую ситуацию медицинского персонала;

– раскрыть особенности взаимодействия войсковой медицины с традиционной;

– изучить организацию борьбы с массовыми инфекциями (чума, холера).

Основная часть

Состояние медицинского обеспечения в регионе в первой половине XIX в.

Обращаясь к вопросу развития медицины в Российской империи, отметим, что она находилась в стадии активного развития, что отражалось не только в поиске эффективных методов лечения, но и в активном строительстве специализированных больниц и клиник. Ещё одной особенностью развития российской медицины первой половины XIX в. было увеличение количества высших учебных медицинских заведений. В России оформилось два главных центра медицинских знаний. Это Медико-хирургическая академия в Санкт-Петербурге, где развивались хирургия, анатомия, топографическая анатомия. И медицинский факультет

Императорского Московского университета, где уделяли большое внимание терапии, физиологии и патологии.

Министерство внутренних дел взяло под свой контроль лекарственное обеспечение аптек, сбор и методику выращивания лекарственных трав, подготовку медицинского персонала, а также вело борьбу с фальсификацией медикаментов. Были изданы специальные инструкции по отлову пиявок. В целях борьбы с шарлатанством и выдачей лекарств по фальшивым рецептам Министерство внутренних дел с 1809 г. стало ежегодно издавать «Российские списки врачей» [20], составленные на основании сведений, представляемых врачебными управами. Нельзя отрицать тот факт, что опыт, накопленный медиками Российской империи в полевых и стационарных условиях в первой половине XIX в., существенно повлиял на дальнейшее развитие всей отечественной медицины.

Интерес представляет вопрос развития медицинского обеспечения на границах империи, особенно имеющих природно-климатические особенности. Таковой была земля Черноморского казачьего войска. Данная территория представляла собой прикубанские плавни, лиманы, низины, что было природным очагом малярии. К этому добавлялись вспышки чумы, холеры, высокая травматичность в условиях военного времени.

Безусловно, войсковой компонент в формировании административных органов власти преобладал, однако стоит отметить, что здесь действовали и правила по управлению гражданской медицины. Система управления гражданской медицинской службой в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. менялась несколько раз. Сначала управление было сосредоточено в руках Медицинской коллегии, которая была учреждена по указу императрицы Екатерины II в 1763 г. В начале 1790-х гг. назрела необходимость реформирования как системы здравоохранения в империи в целом, так и организации ее на местах. В 1802 г. прошла реорганизация административного аппарата, созданы министерства, а руководство медицинским обеспечением в империи подчинено Министерству внутренних дел, в котором эти вопросы были переданы Медицинскому совету, а также второй и третьей экспедициям. В 1811–1819 гг. вопросами медицины управляло Министерство полиции, а после его слияния с Министерством внутренних дел к последнему отошли эти функции [19, с. 60].

Черномория была отдаленным от культурной жизни регионом, с «нездоровым климатом» и военной опасностью. По понятным причинам сюда не желали ехать выпускники университетов и медико-хирургических академий. Для многих Кавказ воспринимался как место ссылки или как определенный этап для скорейшей выслуги. Кадровый вопрос здесь был не просто административной трудностью, а выражением самой сущности региона как пространства риска. Казачье руководство неоднократно своими донесениями докладывало о проблемах здешних мест. Темрюкский смотритель, оправляя рапорт, пишет, что «крайне нужно в ведомость мою

иметь медицинского чиновника в разумении умирающих людей…» [13, л. 42]. И такие обращения исчисляются десятками документов. Одним рапортом ведомство отвечает: «Я бы конечно не отказал Вам в назначении для войска медицинских чиновников, особливо в теперешнее время и потому еще больше, что вы имеете в том значительный недостаток, когда бы в таковых людях дозволено мне бы сделать, но в таких обстоятельствах, когда их и здесь и вообще в управляемой мною губернии нет не только полного числа медиков, но даже и необходимого» [13, л. 10].

Красноречиво о состоянии медицины в регионе сказал лекарь Х. Ван-Гален, находящийся в свое время на службе: «Изъяны в медицинском деле обычны для кавказских войск, по невнимательности петербургского начальства к сей области, столь важной в краю, порождающем более недугов, чем где бы то ни было в империи» [2].

Войсковое начальство принимало меры для привлечения лекарей – повышало жалование, досрочно присваивало чины, выделяло дополнительные земельные наделы. В исторической справке КубГМУ «Становление медицины территории Кубанского войска» упоминается тот факт, что 7 сентября 1794 г. в Екатеринодар прибыл штаб-лекарь Иван Боровиковский. Однако по причине отсутствия казенной аптеки в Черномории он не имел медикаментов. В начале XIX в. для борьбы с малярией в Екатеринодар были направлены ещё два лекаря: Петр Антоновский (из Черноморского флота) и младший лекарь Николай Ольховский (из 3-го Егерского полка). В дальнейшем лекари приезжали в земли войска, однако проблема с медицинскими кадрами не была решена еще продолжительный период.

В документах ГАКК есть ряд дел, посвященных деятельности так называемых повивальных бабок. Из числа выпущенных воспитанниц Повивального института Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома в сентябре 1835 г. на Кавказ отправилисьПелагея Павлова и Варвара Андреева. Из документов следует, что бабок «необходимо привести к узаконенной присяге» [12, л. 24]. О создании им особых условий говорит предписание Бейсугскому Начальству, к которому они должны прибыть. Указано, что им нужно «отвести самую удобную квартиру, покровительство и пособия» [12, л. 24 об.].

Среди мер, которые принимало войсковое начальство для улучшения медицинского обеспечения региона, было обучение мальчиков фельдшерскому искусству. В канцелярии наказного атамана Кубанского казачьего войска содержится переписка о предоставлении 50 мальчиков для обучения искусству при лазаретах с определением им пожалования из войсковой суммы по 35 р. 87 к. серебром [17, л. 1].

Кавказская война и сопутствующее ей освоение региона породили особую ситуацию в сфере здравоохранения. Здесь создается медицинская инфраструктура, однако это происходит в условиях перманентного военного конфликта и суровых природно-климатических условий.

Создаются госпитали, лазареты, аптеки. Материальная база станет лишь частью проблемы, главным аспектом которой являлись люди. Кадровый голод в медицине Кавказа был главной административной трудностью, отражал все ключевые напряжения фронтирного существования.

Медицина как канал взаимодействия с горским населением

Медицина на Кавказе в первой половине XIX в. базировалась на переплетении развивающейся государственной военной медицины, первых ростках гражданского здравоохранения и многовековых традициях местных лекарей. Врачеватели нередко были выходцами из горских племен. На первую половину XIX в. приходится Кавказская война, через призму которой рассматриваются отношения между Российской империей и горскими обществами, носящие военный характер. Однако даже в условиях военных действий существовали каналы мирного взаимодействия народов. Одним из весьма показательных каналов являлась медицина. Врачевание, санитарные меры, реакция на эпидемии – все это формировало пространство, в котором военное противостояние временно отступало на второй план, уступая место сотрудничеству и культурному влиянию.

Приметой времени в регионе была перманентная война. Медицина Российской империи только формировала в новых землях структуру медицинских организаций, испытывая в этом отношении еще большие сложности. На новых землях, освоение которых шло активным ходом, были свои традиции врачевания. Данное искусство у местных народов относилось к сакральным практикам, методы лечения тщательно скрывались [10, с. 29]. Говоря о месте лекарей в социальной структуре горского общества, отметим, что они не были привилегированной группой, однако пользовались существенным авторитетом в обществе. Горские лекари умели очень много в области медицины: владели техникой лечения ран, оспопрививания, делали операции, в отдельных случаях достаточно сложные. Для лечения многих заболеваний народы Северного Кавказа использовали природные богатства своего края: травы, различные грязи, горячие источники. Об этом много написано этнографами, изучающими быт горцев. Нас интересует вопрос взаимодействия российских властей и горского населения. Присутствие армии Российской империи в первой половине XIX в. на Кавказе означало не только насильственное подчинение, но и определенные добровольные, в отдельных случаях достаточно добрососедские отношения. Одним из эпизодов этого стало лечение горцев в госпиталях и лазаретах региона. Документы подтверждают информацию о том, что в отношениях войскового руководства и горского населения были примеры доброжелательного отношения. Донесение командующему в войске Черноморском от 8 февраля 1824 г. просит обратить внимание на то, что в короткое время умерло 7 душ из числа военнопленных черкес, в Гривенском ауле содержащихся. Предполагается, что смерть наступила вследствие худого их содержания. В донесении упоминаются просьбы

следующего содержания: «человеколюбивое сострадание требует обратить на них наше внимание», «доставить добродетельные всевозможные средства, как в продовольствии, так и содержании лучшем к заболевшим» [8, л. 3]. Добрососедские отношения в условиях войны с горскими народами стали и необходимостью, так как слишком обширны были факторы взаимодействия. Медицинское обслуживание становилось инструментом мягкой силы, чтобы наладить обмен пленными, о чем свидетельствуют отдельные факты. Из ранее обозначенного донесения читаем, что «необходимо предупредить напрасную смертность известными лекарственными средствами, чего требует от нас человечность и еще и то, что мы у них выкупаем закубанских единоверцев, страдающих в невольнических узах» [8, л. 3 об.].

Важной составляющей отношений казаков и горского населения было экономическое измерение, которое заключалось в организации торговых отношений. Меновые дворы и стихийные базары возникали на кордонной линии и служили точками, где горцы предлагали казакам продукты и ремесленные изделия, а порой и средства народной медицины. Отдельные виды лекарственных средств имели спрос у казачьего населения и могли обмениваться на соль, ткани, порох и железные изделия. Центральным властям важно было держать данные отношения под контролем. Поэтому в регион отправлялись чиновники, медики, которые могли дать анализ происходящей в регионе ситуации. Таким примером является экспедиция штаб-лекаря Ф.К. Мильгаузена, который отправляется в 1823 г. для обозрения Кавказской карантинной линии. В инструкции, данной лекарю Министерством внутренних дел, есть следующие задачи: обратить внимание на медицинские части и действия врачей; узнать подробно про связи казаков с заграничными народами; посмотреть, там ли заведены карантины, где существуют большие торговые связи; обратить внимание на то, какие товары получаются с одной и другой стороны; товары приобретаются платой или обменом и др. [16, л. 2 об.].

Медицинские обмены формировали узкий слой посредников – лекарей и торговцев, которые хорошо ориентировались в казачьей и горской среде, став частью культурного обмена. Экономическое сотрудничество становилось важным фактором, позволяющим найти точки соприкосновения между враждующими силами и стать проводником положительной имперской политики в отношении окраин. При этом медицинские товары и услуги становились одной из устойчивых «валют» сотрудничества.

Власть и общество в условиях эпидемий

Земля Черноморского казачьего войска с точки зрения природно-климатических условий была неблагоприятной для проживания территорией. Малярийные плавни Кубани, изнуряющая жара степей, перепады горного климата – все это формировало репутацию непригодного

региона для приезжающих в эти края. Высокая смертность, заболеваемость самих врачей, их постоянная и быстрая ротация станет зеркалом экстремальных условий, в которых жил регион.

Все это сопровождалось неоднократными эпидемиями, которые уносили тысячи человеческих жизней. Вспышки холеры и чумы в первой половине XIX в. наносили колоссальный ущерб, парализуя деятельность меновых и торговых дворов, разрушая привычный образ жизни. Одной из первых эпидемий, с которыми столкнулись черноморские казаки, была вспышка чумы в 1796 г. Началась она на ачуевских рыбных промыслах, а затем распространилась по всему региону. Помимо людских жертв, болезнь несла огромные хозяйственно-финансовые убытки, так как населению приходилось сжигать дома, рыболовецкие снасти [23, с. 132]. Сложная эпидемиологическая ситуация осложнялась контактами черноморских казаков с местным населением. Вспышки чумы не были редкостью: они фиксировались в 1796, 1801–1802, 1820-е, 1830-е гг. Это подтверждает переписка чиновников региона. В начале XIX в. чума охватила селения горцев, о чем свидетельствует ряд рапортов чиновников Екатеринодарского менового двора и Бугазской карантинной конторы, а также показания самих горцев и закубанских жителей. Рапорт чиновника Константинова от 30 декабря 1801 г. сообщает о появлении заразной болезни у закубанских черкес, у одного из которых «вымерла вся семья из пяти человек» [14, л. 25]. Сохранились рапорты Навагинского пехотного полка от июня 1822 г., сообщавшего о начале заразительной болезни в натухайском владении у реки Пшиш. Последствия для жителей отдельных аулов были достаточно серьезными: вымирало по 13, 20 семей в селениях. Население, пытаясь спастись от чумы, стало скрываться в лесах и «каждое утро до восхода солнца купалось в реке Кубань и купало собственный скот» [6, л. 58]. В документах 1830-х гг. встречаются сведения о чуме, также упоминаются ограничительные меры для борьбы с нею. В январе 1830 г. «на время чумы разрешено было общаться с закубанцами только по личному распоряжению войскового атамана Черноморского казачьего войска» [15, л. 8].

1830-е гг. осложняли ситуацию в регионе еще и эпидемией холеры, которая проникла в Российскую империю через Персию и Астрахань. В конце августа 1830 г. Кавказское областное правление с тревогой рапортовало о появлении болезни в Кизляре, куда были экстренно командированы штаб-лекарь и инспектор Врачебной управы [3, л. 5].

Говоря о мерах, которые принимались местными властями, отметим, что первоначально они не имели последовательности и не приносили существенных результатов. Войсковое правление опиралось на постановления и инструкции, которые давали центральные власти, но сама медицинская система Российской империи не была готова к тем вызовам, с которыми столкнулась. Историк медицины Л.Ф. Змеев прямо указывал, что в те годы царила полная медицинская беспомощность перед неведомой инфекцией [9, с. 145]. Необходимость противодействия эпидемиям

заставила войсковую администрацию ввести систему карантинов. Однако и это не всегда приводило к желаемым результатам. Карантинные кордоны перекрывали пути сообщения, что приводило к срыву полевых работ, падежу скота, оттоку населения из зараженных мест. Казаки часто нарушали меры, которые устанавливались, в силу невыгодности их соблюдения. Кроме того, продолжались и набеги со стороны горцев, которые тоже становились угрозой распространения опасных инфекций. Да и военные действия не прекращались, что тоже накаляло ситуацию.

Тем не менее, эпидемии стали важным катализатором трансформации медицинской помощи в положительном ключе. Реалии требовали от центральных и местных властей новых мер, и они принимались, тем самым повышая общий уровень развития здравоохранения. В первые два десятилетия XIX в. власти проводили анализ ситуации, собирая сведения о протекании болезни, о заболевших, о смертности среди населения. Изначально центральные власти, представленные Министерством внутренних дел, делали ставку на отработанные веками методы, сначала это касалось чумы, потом холеры. Предписывалось устроить кордоны, а прибывающие товары и вещи подвергать обязательному «очищению – окуриванию уксусом и хлориновой известью. Однако уже в сентябре 1830 г. в циркуляре министра графа Закревского прозвучало важное признание: «Недостаточность одних карантинных мер видна из опыта» [6, л. 5]. Как справедливо отмечали исследователи, сухопутные кордоны на Северном Кавказе не могли остановить инфекцию, поскольку она распространялась, прежде всего, по речным артериям, которые перекрыть административными методами было достаточно сложно.

Существенный перелом в организации противоэпидемической кампании произошел в 1840-е гг., когда вновь появилась холера в соседней Ставропольской губернии. Власти Черноморского войска действовали принципиально иначе, чем в 1830-е гг., когда выходили абстрактные циркуляры. 30 июля 1847 г. по распоряжению наказного атамана генерал-майора Г.А. Рашпиля в Екатеринодаре был учрежден Временный Черноморский Войсковой Комитет о мерах к пресечению холеры [6, л. 4]. В его состав вошли старший член Войскового правления, инспектор Войсковой врачебной управы, главный доктор Екатеринодарского войскового госпиталя, городской полицмейстер и протоиерей Екатеринодарского Духовного правления.

С введением комитета менялся сам подход к борьбе с эпидемиями. Вместо угроз кордонами комитет развернул кампанию по санитарному просвещению, уделяя особое внимание профилактике заболеваний. В отдаленные населенные пункты рассылались «Наставления», которые предписывалось «прочитать на станичных сборах» и разъяснить казакам в доступной форме. В инструкциях подробно перечислялись причины болезни: «сырой, болотистый воздух», «нечистота в домах», «пьянство» и др. Примечателен тот факт, что отдельные указания носили

психологический характер. Авторы наставлений подчеркивали, что «боязнь заболеть сама по себе привлекает болезнь» [7, л. 7]. Это свидетельствовало о том, что происходит переход от пассивной полицейской изоляции к осознанной гигиенической культуре.

Эффективность даже таких передовых на тот момент мер оставалась ограниченной. Препятствием оставался вакуум в фундаментальных знаниях врачей, нехватка персонала и отсутствие достаточного количества образовательных учреждений, ориентированных на обучение медицинскому делу. Для успешной борьбы с эпидемиями требовались комплексные мероприятия, организация помощи населению, устройство инфекционных больниц, оздоровление населенных пунктов, обеззараживание воды и др. Однако реализовать все это не представлялось возможным, в том числе и по причине ведущейся Кавказской войны. Усилия властей прежде всего направлялись на решение военно-политических и экономических задач в регионе. На протяжении первой половины XIX в. уровень развития здравоохранения значительно повысился, причиной того стали взаимодействия различных народов, проживающих на Кавказе; меры, которые принимались в ходе борьбы с эпидемиями; мероприятия, проводимые в условиях военных действий. Однако многие процессы стали началом прогресса, который будет развиваться в последующие десятилетия.

Заключение

Таким образом, становление и развитие врачебного дела в Черноморском казачьем войске в первой половине XIX в. представляло собой сложный и противоречивый процесс, протекающий в экстремальных условиях военного фронтира. Природно-климатические и санитарно-эпидемиологические условия региона выступали основополагающим фактором в становлении местного здравоохранения. Болотистая местность, малярийные плавни, резкие перепады температур создавали постоянный фон повышенной заболеваемости, а регулярные эпидемии чумы и холеры превращали борьбу с инфекциями в вопрос выживания всего войскового сообщества. Данные факторы делали регион непривлекательным для квалифицированных медиков и требовали от местных властей административных мер, которые решали бы эти вопросы. Кадровая проблема вынуждала повышать жалование, присваивать чины, улучшать условия жизни медицинского персонала.

Взаимодействие войсковой медицины с народной традицией носило двойственный характер. С одной стороны, власти стремились контролировать и унифицировать медицинскую помощь по имперским стандартам; с другой – в условиях военного времени и нехватки кадров они часто обращались к опыту местных лекарей, что приводило к установлению отдельных контактов между казаками и горцами. Это формировало особое пространство «мягкой силы», где медицинская помощь становилась не

только гуманитарным инструментом, но также политическим, временно отодвигая военное противостояние на второй план.

Организация борьбы с массовыми инфекциями продемонстрировала эволюцию подходов от пассивной карантинной изоляции к осознанной санитарно-просветительской деятельности. Если в первые десятилетия XIX в. власти полагались преимущественно на полицейские меры (кордоны, запрет торговли, ограничение контактов), то к середине века произошел существенный перелом. Накопленные в этот период знания и практики, несмотря на свой фрагментарный и вынужденный характер, стали тем фундаментом, на котором в последующие десятилетия выстраивалось системное медицинское обслуживание региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2000.
2. Ван-Гален Г. Два года в России. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Van_Galen/text.php.
3. Временный Войсковой комитет по пресечению эпидемической болезни холеры войскового правления Черноморского казачьего войска// ГАКК. Ф.374. Оп. 1. Д. 2.
4. Герман Р.Э. Борьба с эпидемиями как фактор освоения Российской империей пространства Кавказа в первой половине XIX в. // Вестник государственного и муниципального управления. Социальные науки. Экономика и бизнес. Политологические науки. 2023. № 1. С. 178–190.
5. Гречишко Д.Н. К истории борьбы с эпидемиями и особо опасными инфекциями на Кубани в XIX – начале XX вв. // Современная научная мысль. 2003. № 4. С. 30–38.
6. Дневные журналы заседаний Комиссии по борьбе с холерой // ГАКК. Ф.374. Оп. 1. Д. 10.
7. Дневные журналы // ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 30.
8. Донесение о смертности между племенными черкесами в Гривенском ауле и о подаче им медицинской помощи // ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д 877.
9. Змеев Л.Ф. Медицина в России до Петра Великого и в последующий период. СПб., 1868.
10. Манышев С.Б. Из истории взаимовлияния народной медицины и государственной системы здравоохранения на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 6. С. 29–33.
11. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817–1864 гг.): материальный аспект: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
12. О назначении в округа войска повивальных бабок // ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 1446.
13. О недостатке в войске медицинских чинов и об освидетельствовании умерших казаков // ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.674.
14. О принятии мер предосторожности против заразных болезней, появившихся в городе Анапе // ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 24.
15. Об отмене прежнего распоряжения о закрытии сатовки на меновых дворах с черкесами по случаю эпидемии за Кубанью // ГАКК Ф. 329. Оп.1. Д. 9.

16. Обозрение Кавказской карантинной линии штаб-лекарем Мильгаузеном // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д.859.

17. Переписка с войсковым правлением об увеличении числа учеников в войсковой фельдшерской школе и выдаче вознаграждения Пономаренко за обучение учеников фельдшерскому делу // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2453.

18. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: в 2 ч. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1858. Ч. 1. 2.

19. Потемкин И.А., Климов А.Ю., Янченко И.Л., Слепцова Т.В. Исторический очерк о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4(48). С. 58–66.

20. Российский медицинский список: списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек на 1825 г. Петроград. Упр. гл. врачебного инспектора М-ва внутренних дел, 1809–1916.

21. Ткаленко Н.С. Меры российских властей по развитию здравоохранения на Северо-Западном Кавказе в 20–30-е годы XIX в. // Известия высших учебных заведений. 2024. № 2. С. 80–90.

22. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа. URL: https://rusneb.ru/catalog/001908_000036_F10FE95C-1C09-4429-8BE9-EC46F7753FE7/

23. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. М.: Вече, 2013.

REFERENCES

1. Alikova Z.R. IstoriianarodnoimeditsinySevernogoKavkaza [The history of traditional medicine in the North Caucasus]: avtoref. dis. ... d-ra med. Nauk. M., 2000. 42 s.

2. Van Galen G. Two years in Russia.

3. On the Cancellation of the Previous Order to Close the Satovka at the Exchange Yards with Circassians Due to the Epidemic Beyond the Kuban// State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). F. 329 Op. 1 D. 9.

4. German R.E. Borba s epidemiiami kak factor osvoeniia Rossiiskoi imperie i prostranstva Kavkaza v pervoipolovine XIX veka [The fight against epidemics as a factor in the Russian Empire's exploration and development of the Caucasus region in the first half of the 19th century.]. Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniia. Sotsialnye nauki, Ekonomika i biznes, Politologicheskie nauki. 2023. № 1. S. 178 –190.

5. Grechishko D.N. K istori i borby s epidemiiami i osobo opasnymi infektsiiami na Kubani v XIX – nachale XX vv. [On the history of the fight against epidemics and particularly dangerous infections in the Kuban region in the 19th – early 20th centuries.].Sovremennaia nauchnaia mysl. 2003. № 4. S. 30–38.

6. Daily logs of the meetings of the Commission for the Fight against Cholera// State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). F.374. OP. 1. D. 10.

7. Daily Journals // State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). F. 324 Op. 1 D. 30.

8. Report on the mortality rate among tribal Circassians in the Grivensky aul and on the provision of medical care to them// State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). F. 249. OP. 1. D. 877.

9. Zmeyev L.F. Medicine in Russia before Peter the Great and in the Subsequent Period. St.Petersburg, 1868. 211 p.

10. Manyshev S.B. From the history of the mutual influence of traditional medicine and the state healthcare system in the North Caucasus in the first half of the 19th century // News of higher education institutions. North Caucasian region.Social sciences.2013, No. 6. Pp. 29–33.

11. Nechitailov, Maxim Vladimirovich. Everyday life of soldiers and officers of the Caucasian Corps (1817-1864): material aspect: dissertation of candidate of historical sciences: Stavropol, 2005.

12. On the appointment of midwives to the military districts // GAKK F. 249. Op. 1. D. 1446.

13. On the shortage of medical personnel in the army and on the examination of deceased Cossacks // GAKK F. 249. Op. 1. D. 674.

14. On the adoption of precautionary measures against contagious diseases that have appeared in the city of Anapa // GAKK F. 250 Op. 2 D. 24.

15. On the rescinding of the previous order closing trade at the exchange yards with the Circassians due to the epidemic beyond the Kuban // GAKK F. 329 Op. 1 D. 9.

16. Review of the Caucasian quarantine line by staff doctor Milgauzen // GAKK F. 249. Op. 1 D. 859.

17. Correspondence with the military board regarding an increase in the number of students in the military paramedic school and the issuance of a reward to Ponomarenko for training students in paramedic work // GAKK F. 249. Op. 1. D. 2453.

18. Popko, I. D. Chernomorskie kazaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu: v 2 ch. [The Black Sea Cossacks in their civilian and military life: in 2 parts] SPb : Tip. Mor. m-va, 1858. Ch. 1.; Ch. 2.(in Russian).

19. Potemkin I.A., KlimovA.Yu., I.L. Yanchenko, Sleptsova T.V. Historical Essay on the Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4(48). P. 58–66.

20. Russian Medical List: Lists of Doctors, Veterinarians, Dentists, Pharmacists, and Pharmacies for 1825. Petrograd: Office of the Chief Medical Inspector of the Ministry of Internal Affairs, 1809-1916.

21. Tkalenko N.S. Mery rossiiskikh vlastei po razvitiiu zdravookhraneniia na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20–30-e gody XIX veka [Measures taken by the Russian authorities to develop healthcare in the North-Western Caucasus in the 1820s–1830s.] Izvestiiavysshikhuchebnykhzavedenii. 2024. № 2. S. 80–90.

22. Felitsyn E.D. Materialy dlia istorii Severnogo Kavkaza [Materials for the History of the North Caucasus]. Rezhim dostupa: https://rusneb.ru/catalog/001908_000036_F10FE95C-1C09-4429-8BE9-EC46F7753FE7

23. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack Host. Moscow, Veche, 2013.

Сведения об авторе

Слободенюк Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, Wik22@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-9029-7256

About the Author

Slobodenyuk Viktoria Vladimirovna, Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., 350040, Krasnodar, Russian Federation, Wik22@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-9029-7256

УДК 94(470.62):37(09)

Научная статья / Research article

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ЕКАТЕРИНОДАРСКОМ УЕЗДНОМ УЧИЛИЩЕ ЗА 1830 г. КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Иванцов Игорь Григорьевич
Военная академия защиты информации им. С.М. Штеменко,
Краснодар, Россия
IIG23@yandex.ru

Дубинин Игорь Владимирович
Динской механико-технологический техникум, ст-ца Динская,
Краснодарский край, Россия
titlo@yandex.ru

Аннотация. Зарождение народного образования, просвещения и воспитания в области Черноморского казачьего войска в начале XIX в. являлось показателем состояния общекультурного развития региона. Появление в полностью военизированной и, по сути, прифронтовой окраине Российской империи учебных заведений свидетельствовало об активности местной общественности, уровне государственной поддержки в этом вопросе. В 1803 г. в городе Екатеринодаре открылась первая войсковая школа. В следующем году на базе войсковой школы начало свою работу войсковое училище. Его смотрителем стал уважаемый в войске протоиерей Кирилл Васильевич Россинский, бескорыстный и деятельный поборник казачьего народного просвещения в области Черноморского казачьего войска. В первые годы после открытия училище было чисто казачьим. Материальные средства, оборудование, помещения, поиск и подбор учительских кадров, а также организация учебного дела велась за счет войсковых средств. Заведывание учебной частью находилось в ведении смотрителя училища, хозяйственная деятельность – на наказном атамане и войсковой канцелярии. 1 октября 1819 г. Черноморская войсковая канцелярия приняла постановление о преобразовании войскового училища в гимназию, но в 1829 г. в силу ряда сложных причин гимназия была понижена в ранге и опять преобразована в уездное училище, статус гимназии был опять восстановлен только в 1851 г. Статья посвящена деятельности училища в 1830 г., реконструированной на основании первого отчета о состоянии училища после его реформирования.

Ключевые слова: гимназия, К.В. Россинский, народное просвещение, Екатеринодарское уездное училище, Черноморское казачье войско.

Для цитирования: *Иванцов И.Г., Дубинин И.В.* Историческая записка о Екатеринодарском уездном училище за 1830 г. как уникальный источник по истории казачьего образования // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 25–36.

A HISTORICAL NOTE ON THE EKATERINODAR DISTRICT SCHOOL FOR 1830 AS A UNIQUE SOURCE ON THE HISTORY OF COSSACK EDUCATION

Ivantsov Igor Grigorievich
Military Academy of Information Protection named after S.M. Shtemenko,
Krasnodar, Russia
IIG23@yandex.ru

Dubinin Igor Vladimirovich
Dinskoy Mechanical and Technological College, Dinskaya,
Krasnodar Territory, Russia
titlo@yandex.ru

Abstract. The emergence of public education, enlightenment and education in the field of the Black Sea Cossack army at the beginning of the 19th century was an indicator of the state of general cultural development of the region. The appearance of educational institutions in the completely militarized and, in fact, front-line outskirts of the Russian Empire testified to the activity of the local community, the level of state support in this matter. In 1803, 1 military school was opened in the city of Yekaterinodar. The following year, a military school began its work on the basis of a military school. Archpriest Kirill Vasilyevich Rossinsky, respected in the army, became his caretaker, a disinterested and active champion of Cossack public education in the field of the Black Sea Cossack army. In the first years after its opening, the school was purely Cossack. Material means, equipment, premises, search and selection of teachers, as well as the organization of educational affairs were carried out at the expense of military means. The head of the educational unit was under the jurisdiction of the superintendent of the school, economic activity - on the ataman and the military chancellery. On October 1, 1819, the Black Sea Military Chancellery adopted a resolution on the transformation of the military school into a gymnasium, but in 1829, due to a number of complex reasons, the gymnasium was demoted and again transformed into a county school, and the status of the gymnasium was again restored only in 1851. The article is devoted to the activities of the school in 1830, reconstructed on the basis of the first report on the state of the school after its reform.

Key words: gymnasium, K.V. Rossinsky, public education, Ekaterinodar district school, Black Sea Cossack army.

For citation: *Ivantsov I.G., Dubinin I.V.* A historical note on the Ekaterinodar District School for 1830 as a unique source on the history of Cossack education.Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 3, P. 25–36.

Введение

Тема восстановления и уточнения фактов истории формирования и повседневной деятельности первых учебных заведений на Кубани начала XIX в. всегда интересовала представителей исторического сообщества, как и читателей, становилась предметом многих исследований.

Истории формирования сети учебных заведений дореволюционной Кубани посвятил свою статью Г.Г. Давитлидзе [2]. Реализация российской

образовательной политики на Кубани и в Черноморье в первой четверти XIX в. – тема исследования М.Ф. Титоренко [14]. Развитие образования на Кубани в первой половине XIX в. стало темой исследования Т.М. Логиновской [7].

Развитию образования на Кубани с начала XIX в. и до реформ 1860-х гг. были посвящены исследования Т.Г. Письменной [10] и А.Д. Лаек [6], а также О.В. Шкилевой [15] и Е.В. Манузина [8]. Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примерах Кубанской области) стало темой исследований коллектива авторов.

Статья, посвященная деятельности войскового протоиерея К.В. Россинского по созданию учебных заведений в Черномории в начале XIX в., была опубликована Е.А. Курдюмовой [5]. Судьба книг из библиотеки Екатеринодарского войскового училища, оказавшихся волею судьбы в фондах Национальной библиотеки Финляндии, стала темой статьи И.В. Дубинина и И.Г. Иванцова [3].

Основной источник для написания статьи – материалы фонда 15 «Дирекция народных училищ Ставропольской губернии». 1811–1919 гг., которые хранятся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) (г. Ставрополь). Дело № 429 этого фонда содержит в своем составе «Историческую записку об Екатеринодарском уездном училище за 1830 г.», которая и стала основой статьи.

Цель данной статьи – изучение содержания принципов и условий деятельности Екатеринодарского уездного училища в 1830 г., организация учебного процесса в его поступательном развитии, изменение статуса этого учебного заведения от училища к гимназии и снова к училищу, последствий этих реформ. Кроме того, изученные материалы способствовали выявлению региональных особенностей на этапе складывания системы народного образования в области Черноморского казачьего войска.

В ходе исследования авторы обращались к принципам историзма и объективности, которые позволили рассмотреть зарождение системы народного образования с учетом хронологических рамок и конкретной исторической обстановки, сложившейся в Черномории в первой трети XIX в. Воссоздать историческую картину и особенности означенного периода в сфере народного образования населения молодого казачьего региона.

Основная часть

После переселения в Черноморию запорожских казаков и основания города Екатеринодара остро встала проблема нехватки грамотных кадров для войска. Для ее решения 1 августа 1803 г. по решению наказного атамана Черноморского казачьего войска Федора Яковлевича Бурсака в войсковой столице был открыта первая школа для казачьих детей, одной из главных

задач которой была подготовка грамотных управленческих кадров для войска.

14 декабря 1806 г. школа была преобразована в уездное начальное училище. Это во многом произошло и стараниями войскового протоиерея, первого кубанского просветителя К.В. Россинского, начавшего «помышлять о распространении просвещения в войске, где грамотность едва проявлялась и где только что начиналась оседлость» [4].

«…Первым его Смотрителем назначен был основатель его – Россинский». На этом новом поприще он не только оправдал доверие Правительства, но и удивлял всех необыкновенною своею деятельностью и успехом начатого предприятия; в самое короткое время училище наполнилось воспитанниками, вызваны был и хорошие наставники, между которыми сам Россинский был примерным преподавателем Закона Божия. Но этого мало, – Протоиерей, при ограниченности своих личных средств, постоянно содержал на свой счет, у себя в доме более двенадцати учеников – детей бедных родителей, – следуя словам Христа – «вера без дел мертва».

По его ходатайству, в 1811 г. к училищу были прибавлены гимназические классы, «чем и положено было им основание к открытию впоследствии полной гимназии». После этого К.В. Россинский «начал ходатайствовать об открытии в Екатеринодаре полной Гимназии» [4]. В первые годы работы училища в нем было 108 воспитанников (97 мальчиков и 11 девочек).

Правительство, полагаясь на него как на человека вполне оправдавшего общее доверие, вняло и последнему его ходатайству, под конец даже личному; открытие в Екатеринодаре Гимназии было Высочайше утверждено 1 декабря 1819 г. Первым же ее директором назначен был опять Протоиерей Россинский. «Приняв на себя с новою должностью новые труды и обязанности, он употребил всевозможные старания, ходатайства и просьбы, чтобы выписать из России истинно хороших учителей для Гимназии и некоторых из них содержал в своем доме на своем иждивении, – если они располагали оставить службу при Гимназии по недостаточности содержания; места не бывших на лицо учителей всегда занимал сам, оставляя жалование в пользу учебного места; и точно также, без жалования, преподавал он Закон Божий, как в училище, так и в Гимназии и исправлял должность Смотрителя, а потом Директора…» [4].

Просуществовала войсковая гимназия чуть больше 10 лет. Главной причиной ее закрытия стала малое количество учеников. Этому способствовало несколько причин, главной из них было то, что «не малое число здешних жителей, по приверженности их к старинному методу обучать детей своих первоначально непременно славянскому букварю (граматке), псалтырю и потом тотчас письму охотнее поручают для обучения своих детей грамоте частным лицам; для утверждения же их в жизни отдают в какие-либо присутственные места к канцелярским служителям, к которым поступают и многие из учащихся в Училище, не

докончив в нем ученья, по воле своих родителей или опекунов, под предлогом скорейшего у них навыка к канцелярским делам. Здешнее юношество, не видя никаких преимуществ зависящих от знания наук, которое здесь не предпочитается знанию простой грамоте, малую имеют склонность к учению в училище» [1, л. 49 об].

Кроме этого, жизнь в Черномории в то время была довольно тяжела. Казачья служба проходила в походах или на кордоне, а дети в это время помогали матерям по хозяйству.

Поэтому 8 декабря 1828 г. вышел указ Министерству народного просвещения «О распоряжениях к преобразованию гимназий и училищ, на особых положениях устроенных» [9, 210–211 стлб], в котором говорилось: «Существующую в Екатеринодаре гимназию уничтожить, и, соединив училищные заведения области Кавказской и Войска Черноморского под одно управление, привести оныя в то положение, как утвержденными нашими штатами назначено» [9, 211 стлб].

Таким образом, Екатеринодарская гимназия была закрыта и на ее базе в 1829 г. снова открылось уездное училище.

В Государственном архиве Ставропольского края хранится интересный документ, первый отчет о состоянии училища после его реформирования – «Историческая записка об Екатеринодарском уездном училище за 1830 г.» [1, л. 44–52 об], в котором говорится, что «училище сие, по распоряжению Главного Правления училищ воспоследовавшему в конце прошлого 1829 года, на основании Высочайшего Указа, на имя Господина Министра Народного Просвещения, состоявшегося в 8 день декабря 1828 года, присоединено в сем 1830 г. к Дирекции Кавказских училищ; до сего же времени оно: сперва зависело непосредственно от Университета, а потом по учреждению Дирекции существовавшей в Войске Черноморском зависело от сей последней» [1, л. 51–51 об].

В связи с реформированием и переподчинением учебного заведения была скорректирована образовательная политика: «25 июля последовало предписание оной об усилении преподавания учебных предметов, положенных для таковых училищ, а в особенности исторических; вследствие коего со второй половины сего года начаты преподаваться в 1 классе сего училища: всемирная и отечественная история и всеобщая и отечественная география. Начинавшиеся преподаваться до сего времени со 2 класса» [1, л. 51 об].

Нужно было решать вновь возникшие организационные вопросы: «Педагогических советований было в сем году два: одно в июне месяце, на коем рассуждаемо было, как относительно перевода учеников в высшие классы, так и о том: какие бы меры должно принять, дабы науки положенные для уездных училищ могли быть проходимы в большем количестве и как бы в них учащиеся более были утверждаемы; для достижения чего положено было ходатайствовать у Высшего училищного начальства о дозволении открыть при сем училище, положенный по уставу

1828 г. 3 класс, в котором учители изъявили согласие преподавать учебные предметы далее, без прибавки жалования. Другое же советование было в начале декабря, в коем рассуждаемо было: о мерах к возбуждению вящемого прилежания в учащихся и о способах преподавать учебные предметы так, чтобы все учащиеся не только бы не встречали затруднения в основательном оных уразумеваний, но и во всегдашнем удержании в памяти выученного» [1, л. 51 об. – 52].

Уездному училищу от гимназии досталось помещение и проблемы, связанные с размещением учеников: «Для помещения своего Училища сие имеет: деревянный, рубленный под железной крышей о семи комнатах дом, и при нем деревянный же рубленный под камышовой крышей о четырех комнатах флигель. Дом училищный выстроен в 1807, а флигель 1803 г. Классы училища в начале сего 1830 г. по апрель месяц помещались в флигеле, а с апреля по 1 октября в главном доме с сего же времени они опять перемещены в флигель. Помещение классов в флигеле по тесноте в нем комнат неудобно» [1, л. 44–44 об]. Размещалось здание уездного училища в центре войсковой столицы рядом с Городским садом. В непосредственной близости находились войсковая канцелярия и правление, суд, тюрьма, архив и иные административные здания.

Не менее остро стояла проблема жилья для учителей и служащих училища: «Квартир постоянных при училищных чиновники онаго не могли иметь; ибо хотя училищный флигель и мог бы быть определен для оных, но неудобность места, где он находится, и не имение при нем двора, а более то, что при обоих училищных зданиях нет вовсе никаких необходимых для хозяйства построек; а кроме того и случающиеся в войске необходимости в занятиях училищного дома, а иногда вместе с ним и флигеля, также воспрещают иметь оныя при училищном доме» [1, л. 44 об].

Несмотря на эти трудности, к началу 1830 г. в училище работали 5 учителей. «Исправляющий должность Штатного смотрителя Черноморского казачьего войска артиллерии хорунжий Андрей Андреев сын Кучеров, он же учитель рисования; определенный в должность штатного смотрителя 1828 г. мая 31 дня; в должность учителя рисования 1829 г. ноября 6 дня. Он до 1830 г. отправляя сии должности, состоял учителем военных наук и рисования при бывшей Черноморской гимназии» [1, л. 47], который 23 апреля 1830 г. был уволен по собственному желанию [1, л. 47 об.]. 19 марта вместо него «определен в сию должность» «из старших учителей гимназии, Иосиф Григорьев сын Банче-Осмоловский» [1, л. 48].

«Законоучитель священник Екатеринодарского Воскресенского собора Михаил Васильев сын Шелестов. Учитель математических наук Черноморского казачьего войска 5-го пешего полка урядник Никита Васильев сын Милашевич; поступил в сию должность из бывшей Черноморской гимназии по окончании в оной наук.

Учитель исторических наук того же казачьего войска 11-го конного полка урядник – из студентов, кончивший курс наук в университете по

юридическому факультету Петр Иванов сын Литевский, поступил в сию должность из канцелярии Черноморского казачьего войска Наказного атамана. Учитель нижнего отделения Титулярный советник Алексей Кузьмин сын Гогин поступил в должность сию из Слободско-Украинского губернского правления» [1, л. 47–47 об], который «умер 20 апреля на 42 году его жизни [1, л. 47 об]. На его место 12 июля был принят «Петр Алексеев сын Волошин – из казачьих детей Малороссийских казаков, окончивший учение в Переясловском Поветовом училище» [1, л. 48].

Благодаря стараниям К.В. Россинского в училище была собрана достаточно большая для того времени библиотека, которая «в начале сего 1830 г. состояла из 318 томов книг, журналов и разного рода мелких сочинений и 15 других учебных пособий; в числе томов книг: богословских и философских 31, математических, естественно-исторических и физических 10, исторических и географических 19, литературных 11, журналов, речей и других мелких сочинений 247. В числе пособий: атласов 2, карт географических 2, таблиц хронологических 2, пропись российская 1» [1, л. 45 об], таблиц азбучных 2 и коллекции рисунков 2. Приращение сей библиотеки в течение сего года состояло в 144 томах книг, журналов и других мелких сочинений; в числе коих покупкой приобретено на счет экономической суммы училища книг 7 томов – исторических 2 и математических 5, журналов же 24 номера, а остальные 113 томов причислены к сей библиотеке бывшего Директора Черноморских училищ Протоиерея Россинского, в замене утраты книг из сей библиотеки, воспоследовавшей во время заведывания им училищами еще до 1826 года. В числе сих последних томов книг: богословских и философских 39, математических и физических 4, исторических и географических 27, литературных 35, речей и других мелких сочинений 8. Итак, к концу сего года в училищной библиотеке состояло: богословских и философских книг70 томов; математических, естественно-исторических и физических 14; исторических и географических 48; литературных 51; журналов, речей и других мелких сочинений 279; других учебных пособий 15.

Кроме этого, в «училище всем 1830 г. хранились и служили пособиями библиотека и кабинеты, упраздненной в сем году Черноморской гимназии; библиотека сия заключает в себе томов книг, журналов, разного рода мелких сочинений и других пособий 1609». «А кабинеты: физических штук – 14; математических – 13; естественных произведений – 8» [1, л. 46–46 об].

При училище работал «книжный магазин довольно значительный, в коем разнородных книг и учебных пособий, в начале сего года состояло 45 экземпляров, а томов 920; в конце же года за продажею оставалось экземпляров 44, а томов 909. Некоторых из них необходимых для учащихся вовсе не было, а другие, хотя и были в начале года, но в малом количестве, по невысылке же оных в течение года вновь, как вероятно полагать должно

по неотпечатке – встречались некоторые затруднения в снабжении таковыми пособиями учащихся» [1, л. 46 об].

В первые годы работы училища количество обучающихся в училище доходило до 200 человек, «судя по количеству жителей в Войске Черноморском число учащихся должно бы кажется простираться в сем училище каждогодно до 200…» [1, л. 48 об].

На начало 1830 г. в училище было «дворянских детей – 44; обер-офицерских – 1; казачьих – 18; мещанский – 1. А всего – 64. Все учащиеся мужского пола и на собственном содержании» [1, л. 48].

В нижнем отделении обучалось 27 дворянских и 12 казачьих детей, в первом классе 10 дворянских, 2 казачьих и 1 мещанский сын, во втором – 7 дворянских, 4 казачьих и 1 обер-офицерский сын [1, л. 48 об].

К началу 1830/1831 учебного года количество учеников увеличилось. Прибавилось 10 дворянских, 9 казачьих, 1 обер-офицерский сын и количество обучающихся составило 84 человека. В нижнем отделении – 32 дворянских, 16 казачьих и 1обер-офицерский сын. В первом классе – 15 дворянских и 6 казачьих сыновей. Во втором – 7 дворянских, 5 казачьих и по одному обер-офицерскому и мещанскому сыну [1, л. 48 об].

К концу 1830 г. количество учеников снова сократилось. Убыло 2 дворянских и 4 казачьих сына. На конец года в нижнем отделении стало 30 дворянских, 14 казачьих и 1 обер-офицерский сын. В первом классе 15 дворянских и 5 казачьих сыновей. Во втором – 7 дворянских, 4 казачьих и по одному обер-офицерскому и мещанскому сыну [1, л. 49].

Экзамены проходили строго, сказывались традиции прошлых лет, когда училище еще было гимназией, поэтому из 78 допущенных учеников справиться с ними смогли далеко не все.

В нижнем отделении к экзаменам было допущено 56 человек, в 1-м классе – 12 и 10 человек во 2-м классе. В итоге из нижнего отделения в 1-й класс было переведено 15 человек. Из первого класса во второй смогли перейти 7 человек. Из второго класса к выпуску или переводу в третий класс: «буде бы позволило Высшее Училищное начальство открыть, как положенный по уставу 1828 года» [1, л. 50 об] подошли 6 человек. Впоследствии по той причине, что третий класс так и не был открыт, 2 человека выбыло, а четверо, по желанию родителей или опекунов, остались во втором классе еще на один год [1, л. 49 об– 50 об].

Несмотря на снижение статуса учебного заведения, большинство учеников показали неплохие результаты. В нижнем отделении 10 человек на отлично сдали Катехизис, 9 священную историю, 7 арифметику и 8 чистописание. В 1-м классе на отлично сдали Катехизис – 3 человека, российскую грамматику – 5, арифметику – 6, начала латинского языка – 4, начала немецкого и французского языков по 1 и чистописание 3.

Выпускной класс показал самые хорошие результаты. Отличные результаты в Катехизисе показали 6 человек, во всемирной истории – 7, в российской грамматике 6, в математической географии 7, во всеобщей 5, в

российской 6, в арифметике 6, в геометрии 2, в физике 5, в началах латинской грамматики 6, в началах немецкого и французского языков по 1 и в чистописании 6 человек [1, л. 50–50 об].

На первом торжественном акте после преобразования училища присутствовало мало гостей, «причина тому, как вероятно уничтожение в сем году бывшей в Войске Черноморском гимназии, ибо многие из знатных особ под сим предлогом отказались присутствовать в том месте, где еще остаются памятники существовавшего здесь высшего учебного заведения» [2, л. 50 об]. Кроме нескольких родителей и опекунов гостями были «непременный член Войсковой канцелярии подполковник и Кавалер Григорий Кондратьевич Табанец, подполковник и Кавалер Василий Наумович Кривцов и майор 27-го Егерьского полка Бруцен с двумя того же полка обер-офицерами. Все сии особы, а более последняя, обращали внимание на успехи учеников наукам, в коих они были испытуемы, более же всего на физические опыты, кои делаемы были при испытании в физике, для доказательства различных свойств воздуха» [1, л. 50 об-51].

Приветственную речь читал «ученик 2 класса Есаульский сын Григорий Зарывний, а благодарственную… ученик того же класса Есаульский сын Григорий Лавровский» [1, л. 51].

К 1 января 1830 г. в общем фонде училища находилось 25 614 р. 99 ½ к. [1, л. 44]. В течение года на счет училища из Феодосийского уездного казначейства в качестве штатной суммы поступило 1 257 р. 61¾ к. и из Войсковой канцелярии сверхштатно 1000 р. [1, л. 45]. Причем в предыдущем, 1829 г., от войска поступило всего лишь 500 р. [1, л. 45 об].

Кроме того, часть денег правление училища ссужало под процент, поэтому дополнительно в течение года поступило 93 р. 19 ½ к. Так как не все заемщики платили вовремя, то штрафные суммы в количестве 209 р. 40 к.тоже пополнили общий фонд училища. Всего же в течение 1830 г. скопилось 28 155 р.91 ½ к. К 1 января 1831 г., учитывая расходы, финансовые средства училища составили 26 215 р. 70 ½ к., что на 600 р. больше, чем в предыдущем 1829 г. [1, л. 45 об].

Войсковую столицу довольно часто посещали высокопоставленные персоны, в силу своих должностных обязанностей объезжавшие различные учреждения Екатеринодара. Понимая важность образования для будущего развития Черноморского казачьего войска, они немало внимания уделяли учебным учреждениям, поэтому при любом удобном случае посещали их с инспекциями.

Не стал исключением и 1830 г. В октябре «по случаю осмотра… в то время Присутственных мест и всех заведений Войска Черноморского» [2, л. 52 об], в городе остановился Главнокомандующий на Кавказе, Фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский, который 11 октября в сопровождении состоящего по особым поручениям С.С. Жуковского и будущего наказного атамана Черноморского казачьего войска Н.С. Завадовского, посетил с визитом училище [1, л. 52].

Заключение

Выявленный в фондах Государственного архива Ставропольского края документ не только представляет собой яркую историческую иллюстрацию развития первых десятилетий образования на Кубани, но и позволяет судить об отношении к нему местного казачьего населения и высшего военно-административного руководства. Составить понятие, за счет каких материальных средств происходило финансирование образовательного процесса в начале XIX в. в таком молодом российском регионе, как Черномория.Кроме того, он дает представление о педагогических кадрах того времени и их квалификации, об иных проблемах, которые стояли перед образовательными учебными учреждениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 15. Оп. 1. Д. 429.
2. Давитлидзе Г. Г. Формирование сети учебных заведений дореволюционной Кубани: историко-аналитический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 25–35.
3. Дубинин И. В., Иванцов И.Г. Книги из библиотеки Екатеринодарского войскового училища в Национальной библиотеке Финляндии // Культура и образование. 2020. № 2(37). С. 80–88.
4. Золотаренко В.Ф. Краткая биография Протоиерея Черноморского войска, Кирилла Россинского // Кавказ. Газета политическая и литературная. Тифлис. 1849. № 16.
5. Курдюмова Е. А. Деятельность войскового протоиерея К. В. Россинского по созданию учебных заведений в Черномории в начале XIX века (начало формирования системы образования на Кубани) // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Славянск-на-Кубани, 16–18 сентября 2016 г. / под ред. М.Ю.Беляевой, Н.А. Серогодского, Н.С. Балаценко. Славянск-на-Кубани, 2016. С. 30–33.
6. Лаек А.Д., Письменная Т.Г. Развитие образования на Кубани в первой четверти XIX в // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Славянск-на-Кубани, 20–23 октября 2017 года. Славянск-на-Кубани, 2017. С. 76–81.
7. Логиновская Т.М. Развитие образования на Кубани в первой половине XIX века // История и обществознание. 2017. № XIV. С. 24–27.
8. Манузин Е.В. Просвещение на Кубани в первой половине XIX в. // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Славянск-на-Кубани, 16 сентября 2014 г. / под ред. М.Ю.Беляевой, Н.А. Серогодского. Славянск-на-Кубани, 2014. С. 272–275.
9. О распоряжениях к преобразованию гимназий и училищ, на особых положениях, устроенных. Указ министерству народного просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1828. Декабря 8. Т.2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое. 1825–1839. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук., 1864.

10. Письменная Т.Г., Лаек А.Д. Развитие образования на Кубани в 20-х – 60-х гг. XIX в. // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы III Всерос. науч. конф., Славянск-на-Кубани, 20–23 октября 2017 г. Славянск-на-Кубани, 2017. С. 108–112.

11. Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примере Кубанской области) / В.С. Молчанова, Л.Л. Баланюк, Е.В. Видищева, И.И. Потапова // Былые годы. 2019. Т. 3, № 53. Ч.1. С. 1049–1058.

12. Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примере Кубанской области) / В.С. Молчанова, Л.Л. Баланюк, Е.В. Видищева, И.И. Потапова // Былые годы. 2019. № 54(4). Ч. 2. С. 1524–1536.

13. Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примере Кубанской области) / В.С. Молчанова, Л.Л. Баланюк, Е.В. Видищева, И.И. Потапова // Былые годы. 2020. № 55(1). Ч. 3. С. 88–104.

14. Титоренко М.Ф. Реализация российской образовательной политики на Кубани и в Черноморье в первой четверти XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 79–82.

15. Шкилева О.В. Из истории образования на Кубани (дореформенный период) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № S2. С. 23–26.

REFERENCES

1. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 15. Op. 1. D. 429.

2. Davitlidze G.G. Formation of the network of educational institutions of pre-revolutionary Kuban: historical and analytical aspect // Bulletin of the Adyghe State University. 2006. No. 2. P. 25–35.

3. Dubinin I.V., Ivantsov I.G. Books from the library of the Ekaterinodar Military School in the National Library of Finland // Culture and Education. 2020. No. 2(37). P. 80–88.

4. Zoltarenko V.F. A brief biography of the Archpriest of the Black Sea Host, Kirill Rossinsky // Kavkaz. A Political and Literary Newspaper. Tiflis. 1849. No. 16.

5. Kurdyumova E.A. The activity of the military archpriest K.V. Rossinsky in creating educational institutions in Chernomoriya in the early 19th century (the beginning of the formation of the education system in Kuban) // Resources of the Region: Cultural and Historical Development in the Context of Science and Education: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Slavyansk-on-Kuban, September 16–18, 2016 / ed. by M.Yu. Belyaeva, N.A. Serogodsky, N.S. Balatsenko. Slavyansk-on-Kuban, 2016. P. 30–33.

6. Laek A.D., Pismennaya T.G. Development of education in Kuban in the first quarter of the 19th century // North Caucasus: Problems and Prospects for the Development of Ethno-Confessional Relations: proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Slavyansk-on-Kuban, October 20–23, 2017. Slavyansk-on-Kuban, 2017. P. 76–81.

7. Loginovskaya T.M. Development of education in Kuban in the first half of the 19th century // History and Social Studies. 2017. No. XIV. P. 24–27.

8. Manuzin E.V. Enlightenment in Kuban in the first half of the 19th century // Resources of the Region: Cultural and Historical Development in the Context of Science and Education: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Slavyansk-on-Kuban, September 16, 2014 / ed. by M.Yu. Belyaeva, N.A. Serogodsky. Slavyansk-on-Kuban, 2014. P. 272–275.

9. On the orders for the transformation of gymnasiums and schools established on special regulations. Decree to the Ministry of Public Education // Collection of Decrees of the Ministry of Public Education. 1828. December 8. Vol. 2. Reign of Emperor Nicholas I. 1825–

1855. First Section. 1825–1839. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1864.

10. Pismennaya T.G., Laek A.D. Development of education in Kuban in the 1820s–1860s // North Caucasus: Problems and Prospects for the Development of Ethno-Confessional Relations: proceedings of the III All-Russian scientific conference, Slavyansk-on-Kuban, October 20–23, 2017. Slavyansk-on-Kuban, 2017. P. 108–112.

11. Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. Development of the primary education system in the Cossack territories in 1803–1917 (on the example of the Kuban region) // Bylye Gody. 2019. Vol. 3, No. 53. Part 1. P. 1049–1058.

12. Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. Development of the primary education system in the Cossack territories in 1803–1917 (on the example of the Kuban region) // Bylye Gody. 2019. No. 54(4). Part 2. P. 1524–1536.

13. Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. Development of the primary education system in t the Cossack territories in 1803–1917 (on the example of the Kuban region) // Bylye Gody. 2020. No. 55(1). Part 3. P. 88–104.

14. Titorenko M.F. Implementation of the Russian educational policy in Kuban and Chernomorye in the first quarter of the 19th century // Historical and Socio-Educational Thought. 2012. No. 1. P. 79–82.

15. Shkileva O.V. From the history of education in Kuban (pre-reform period) // Izvestiya of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences. 2007. No. S2. P. 23–26.

Информация об авторах

Иванцов Игорь Григорьевич, доктористор ических наук, доцент, профессор 1 кафедры Военной академии защиты информации им. С.М. Штеменко, ул. Красина, д. 4. 350063 г. Краснодар, Российская Федерация, IIG23@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3820-3642

Член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации.

Дубинин Игорь Владимирович, соискатель Северно-Кавказского федерального университета, библиотекарь Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Краснодарского края «Динской механико-технологический техникум», ул. Красная 152, 353204 ст. Динская, Краснодарский край, Российская Федерация, titlo@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0006-5217-985X

Information About the Authors

Ivantsov Igor Grigorievich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Docent, Professor at the 1st Department of the S.M. Shtemenko Military Academy of Information Protection, Krasina Street, 4. 350063 Krasnodar, Russian Federation, IIG23@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3820-3642

Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Dubinin Igor Vladimirovich, Applicant of the North Caucasus Federal University, Librarian of the State Budgetary Professional Educational Institution of the Krasnodar Territory "Dinskoy Mechanical and Technological College", 152 Krasnaya Street, 353204 Dinskaya Station, Krasnodar Territory, Russian Federation, titlo@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0006-5217-985X

УДК 94(470.62)

Научная статья / Research article

A.N. NOVOSILTSEV'S KUDAKO OIL FIELD AND THE BIRTH OF THE RUSSIAN OIL INDUSTRY

Shevtsova Anastasia Pavlovna
Kuban State University, Krasnodar, Russia
shevtsova-ap@yandex.ru

Annotation. The article examines the history of the Kudakinsky oil production enterprise, which was founded in 1864 by retired Colonel A.N. Novosiltsev in the valley of the Kudako River (Kuban Region). Based on an analysis of a wide range of sources and historiography, the author shows that this was the first place in Russia where the transition from handicraft methods of oil extraction to industrial mechanized drilling took place. The field was the first to use percussion drilling with mandatory reinforcement of the well walls with metal casing pipes, in-field pipelines, and a deep-well pump. In 1870, production at Kudako reached 14% of Russia's total oil production. Despite the tragic end, Novosiltsev's activities laid the technological and organizational foundation for Russia's subsequent oil industry, making the Kudako River Valley the "cradle" of Russian oil production.

Key words: Kudako Oil Production enterprise, A.N. Novosiltsev, Russian Oil Industry, Kuban Region, Percussion Drilling, History of Technology, Private Entrepreneurship.

For citation: *Shevtsova A.P.* Novosiltsev's Kudakinsky Oil Field and the Emergence of the Russian Oil Industry // Bulletin of the Kuban State University. Historical Sciences. 2026. No. 3, P. 37–52.

КУДАКИНСКИЙ ПРОМЫСЕЛ А.Н. НОВОСИЛЬЦЕВА И ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Шевцова Анастасия Павловна
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
shevtsova-ap@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история Кудакинского нефтепромысла, заложенного в 1864 г. отставным полковником А.Н. Новосильцевым в долине реки Кудако (Кубанская область). На основе анализа широкого круга источников и историографии автор показывает, что именно здесь впервые в России был осуществлен переход от кустарных способов добычи нефти к промышленному механизированному бурению. На промысле были впервые применены ударное бурение с креплением скважин металлическими обсадными трубами, внутрипромысловые трубопроводы, глубинный насос. В 1870 г. добыча на Кудако достигала 14% общероссийской нефтедобычи. Деятельность Новосильцева, несмотря на трагический финал, создала технологический и организационный фундамент для всей последующей нефтяной

промышленности России, что позволяет по праву именовать долину реки Кудако «колыбелью» отечественной нефтедобычи.

Ключевые слова: Кудакинский нефтепромысел, А.Н. Новосильцев, нефтяная промышленность России, Кубанская область, ударное бурение, история техники, частное предпринимательство.

Для цитирования: *Шевцова А.П.* Кудакинский промысел А.Н. Новосильцева и зарождение российской нефтяной промышленности // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 37–52.

Introduction

The history of Russia's oil industry has traditionally been examined by researchers primarily through the lens of the Baku oil fields, which by the end of the 19th century had indeed become the main center of domestic oil production. However, this perspective creates a distorted understanding of how the industry actually began: the Baku period, despite its significance, was not the starting point. The first industrial-scale oil gusher in Russia erupted not on the Absheron Peninsula, but in the valley of the Kudako River (now in Krymsky District of Krasnodar Krai).

It was here, in Kuban, those technologies such as mechanized percussion drilling with metal casing pipes, in-field pipelines, and deep-well pumps were first applied. These innovations, tested at the field of retired Colonel A.N. Novosiltsev, became the foundation for the subsequent development of the oil industry in Russia.

A significant place in the historiography belongs to V.S. Ziv's work "Foreign Capital in the Russian Oil Industry" (1916), written during the pre-revolutionary period [15]. This study, based on rich factual material, provides valuable information on the scale of foreign investment in the oil industry, including in Kuban, making it an important source for contemporary researchers.

Soviet historiography laid the foundation for the study of the domestic oil industry. The key work of this period was the fundamental study by S.M. Lisichkin, "Essays on the History of the Development of the Domestic Oil Industry" [16], covering the pre-revolutionary period. Based on the analysis of archival materials, this work demonstrated the role of Russian engineers and scientists in the development of the oil industry, including in Kuban, and showed that many technical achievements (drilling of inclinedwells, chiselwithplug-in blades,domesticdrillingrigs) were first developed and applied exactlyin Russia, rather than borrowed from abroad. Another work by this author deserving attention is "Outstanding Figures of Domestic Oil Science and Technology," where he continued this line, focusing on the contribution of Russian engineer-innovators to the establishment of the industry [17].

The studies of K.P. Ponomarev, S.I. Shteinberg, and M.M. Dubovitsky [13, 14, 20] examine Kuban oil production in the context of foreign capital activity, limiting themselves to general conclusions and, in our view, not paying sufficient attention to the technological and organizational contribution of Novosiltsev. Yet

it was precisely his enterprise that became the "testing ground" where methods of industrial extraction of "black gold" were first successfully appliedin Russia.

A significant contribution to the study of Kuban oil has been made by E.M. Bagaeva, author of a series of works on the history of the region's oil industry. In her article "The Origin of the Oil Industry in Kuban (60s-70s of the 19th century)," she examines the initial stage of the industry's formation, highlighting the key role of A.N. Novosiltsev and the technical significance of the transition to mechanized drilling [1]. In another work, "British Capital in the Oil Industry of Kuban at the Beginning of the 20th Century," she analyzes the activities of English companies in the Maikop region during the oil boom of 1909–1911 [2]. Bagaeva's works are valuable for their engagement with a wide range of archival materials and their departure from a one-sidedly negative assessment of foreign capital.

A special place in the historiography belongs to the series of publications by B.B. Ponomarev devoted to the Kudako oil production. In his article "Kudako – Russia's First Oil Productionenterprise," based on the plan by G.D. Romanovsky, eyewitness accounts, and the results of a 2009 survey of the field's territory near Kudako, he produced a virtual 3D reconstruction of the enterprise [19]. Ponomarev identified the key events of the initial period of the oil production enterprise development and assessed their degree of influence on the subsequent development of the industry, which is of considerable interest for historians of technology.

The study of the history of the Kudako oil production enterprise has not only narrowly historical but also relevant practical significance. In the context of contemporary discussions about the need for technological sovereignty and import substitution, the study of domestic experience in technical innovation becomes particularly important.

The story of Novosiltsev, despite its tragic ending, demonstrates that Russian engineers and entrepreneurs already in the 1860s were capable not only of borrowing but also of independently developing advanced technologies that compete with their global counterparts.

Furthermore, this topic is important for overcoming the "Baku-centricity" that persists in historical scholarship. The study of the Kudako oil production enterprise allows for the reconstruction of a more complete picture of the formation of the oil industry in the Russian Empire, showing that alongside the Absheron direction, there existed and actively developed a North Caucasian vector, which subsequently acquired strategic significance with the discovery of the Grozny and Maikop fields.

The significance of this research is also determined by the fact that it introduces into scholarly circulation materials from the State Archive of Krasnodar Krai that have not previously been the subject of special historical-technical analysis. The analysis of these documents allows not only for clarification of the chronology and circumstances of Novosiltsev's work but also

for assessment of the scale of his enterprise, its technological sophistication, and its significance for the development of the entire South Russian region.

Finally, the study of the Kudako field's history also has a memorial aspect. In 1937, a monument was erected at the site of the first well, and it was restored in 1958. However, in contemporary historical consciousness, this fact has been largely forgotten. The restoration of scholarly memory of the Kudako field and its founder is an important task not only from a scholarly but also from an educational perspective. As Academician I.M. Gubkin rightly noted, it is the valley of the Kudako River that is the "cradle" of the domestic oil industry.

The purpose of this article is to reconstruct the history of the Kudako oil production enterprise based on the analysis of archival materials and published sources, to demonstrate its technological significance and its place in the history of the Russian oil industry. The chronological framework of the study covers the period from 1864 to 1942 – from the beginning of Novosiltsev's work to the destruction of the enterprise during the German occupation.

The source base consists of materials from the State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). The following funds and files are most significant for the study of the Kudako field:

F. 252. Op. 2. D. 2168 – contains correspondence regarding the progress of drilling operations at Kudako, including the dispatch from Novosiltsev's authorized representative Vladimir Peters about the first oil gusher on February 3, 1866 [4].

F. 252. Op. 2. D. 2808 – includes information on the activities of A.F. Durasov at the Kudako oil production enterprise [5].

F. 257. Op. 2. D. 2256 – materials on Novosiltsev's cooperation with American specialists and the reasons for the termination of their contract [6].

F. 454. Op. 7. D. 627 – contains detailed descriptions of the state of the enterprises, including eyewitness accounts (in particular, by Dr. F. Landa) of the oil gusher at Kudako [7].

F. 460. Op. 1. D. 17, 30 – statistical data on oil production in the 1870s, an inventory of the field's buildings, and acts of acceptance and transfer of Novosiltsev's property [8, 9].

F. 574. Op. 1. D. 5889 – a letter from D.I. Mendeleev to the Ataman of the Kuban Cossack Host N.N. Karmalin with his impressions of visiting the Kudakooil production enterprises in 1880 [10].

F. 583. Op. 1. D. 684 – materials on Novosiltsev's attempts to obtain financial support and the circumstances of his being declared bankrupt [11].

F. R-1540. Op. 1. D. 17 – contains sketches of the monument to the first oil well, erected in 1937, as well as photographs of its remains [12].

A particularly important place among the archival sources is occupied by D.I. Mendeleev's letter held in GAKK, written on July 7, 1880, from Novorossiysk. The scientist, who visited the fields in the Kudako River valley, where by that time the American entrepreneur G. Tveddle was in charge, shared his impressions of the state of affairs and expressed a scholarly conjecture: "...one

must expect a great deal of oil here, it is located along a long straight line parallel to the ridge... in the direction established by Novosiltsev – from Kudako to Ilskaya" [10].

The methodological basis of the research is the principle of historicism, which presupposes the examination of a phenomenon in its development and specific historical context. Both general scientific (analysis, synthesis, systematization) and special historical (historical-genetic, problem-chronological, comparative-historical) methods have been employed.

Main Part

Until 1861, the oil production in Kuban was restricted by the "exclusive right of the CossackHost to exploit oil wells" [21, p. 127; 23, p. 35; 24, p. 76]. But everything changed in the second half of the 19th century. The first to invest his money in oil production was retired Colonel A.N. Novosiltsev [23, p. 35]. Under an agreement with the Boad of the Kuban Cossack Host, he took a lease for eight years on all oil sources. According to the terms of the contract, drawn up for the period from May 1, 1864, to May 1872, Novosiltsev was obliged to build an oil refinery, which was to be transferred free of charge to the Cossack Host government upon expiration of the contract.And also a part of the lands had been granted to participants of the Caucasian War.

Novosiltsev chose Temryuk District as the site for the development of oil production.

In the Russian Genealogical Book, published by PyotrDolgorukov in Part I of the 1857 edition on page 168, it is written: "Ivan Novosiltsev, a tradesman from Oryol who entered service under Empress Elizabeth, acquired nobility and the rank of chief officer.... His son PyotrIvanovich was a general-proviantmeister of the army, had three sons: 1st Nikolai Petrovich, senator, comrade of the Minister of Internal Affairs, had three sons: Ardalion Nikolaevich, of His Majesty's Life Guards Cuirassier Regiment" [22, p. 474].

He entered this regiment as a cadet on September 27, 1833; in 1835 he was awarded the rank of cornet; in 1840 he was made a knight of the Order of St. Anna, 3rd class, and subsequently received the 2nd class as well; in 1849 he received the Order of St. Vladimir; the Order of St. Stanislav, 2nd class was received by him in 1857; he served in the Ministry of Internal Affairs [16]. From this, one can conclude that ArdalionNikolaevich was by no means a timid man [22, p. 475].

Fig. 1, 2. Ardalion Nikolaevich Novosiltsev, according to: http://historybiz.ru/novosilcev-ardalion-nikolaevich.html; https://призыв24.рф/obshhestvo/76572-160-let-pervomu-neftjanomu-fontanu-rossii?puk=b7dec0e2-ad2d-418d-b48a-56acaf20c4de

In 1862 he retired and headed to the Caucasus to invest his money in oil exploration and production. It is difficult to say why he chose exactly Kuban, but by that time he had some assumptions about the presence of oil there. This is, in principle, logical, as he had interesting acquaintances: D.I. Mendeleev spoke very highly of him [18, p. 209]; two mining engineers who worked in the Caucasus from 1861 to 1873, Gilev Konstantin Vasilievich and Konshin Afanasy Mikhailovich [18, p. 210], provided himsome information about Kuban oil fields; Lisenko Konon Ivanovich, professor of chemistry; Potylitsyn Alexei Lavrentievich, professor of chemistry at Warsaw University and director of the Novo-Alexandrovsky Institute, met with him repeatedly and later visited his oil enterprises on the Kudako River [18, p. 212; 21, p. 130]. For organizing oil-production, Novosiltsev chose an advanced method for its time, known as Edwin Drake's technology – great depths well production. Drilling operations were entrusted to mechanic Vladimir Peters and locksmith Karl Sikorsky. Mining engineer Friedrich Koshkul identified a promising area for geological exploration–in the region of the Kuban tributaries, the Kudako, Psif, and Psebepsrivers. The drilling itself was carried out according to contemporary standards: using the method of mechanical percussion drilling with mandatory reinforcement of the well walls with metal casing pipes, which allowed for drill to significant depths and prevented rock collapse [13; 14; 20; 18, p. 215].

Beginning in 1864, together with citizens of the United States of America, Shandar and Green Clay, he began exploratory work on the Taman Peninsula near the stanitsas of Novotitarovskaya and Vyshesteblievskaya, as well as in the valleys of the Kudako and Psif rivers. These American engineers were associates of Rockefeller himself [12, p. 7; 13; 14; 15].

In the first case, two years of work yielded no results, with more than 200 thousand rubles spent (a considerable sum even by the standards of the time). Moreover, in his letters to friends, ArdalionNikolaevich complains that the Americans worked poorly, deliberately dragging out the process, and complained that conditions in Russia were unsuitable. "...It's the devil knows what," mining engineer M.M. Yushkin exclaimed bitterly, "these Yankees only know how to deliberately slow down exploration of deposits, conceal the results of their geological surveys, and distort laboratory analysis data. God knows–this is nothing other than a conscious deception of Russian public opinion..." [14, p. 14].

Another Russian mining engineer, Gilev, also spoke of this in his articles: the Americans were interested in only one thing–convincing the Russians of the barrenness of new geological explorations in Kuban [6, p. 13].

Novosiltsev terminated the contract with the Americans and invited Russian specialists to work, focusing on the valleys of the Psif, Kudako, and Psebepsrivers [6, p. 13].

By 1864, an area of 7,800 desyatins on the Kudako River, by permission of March 3 of that year, had been transferred for use to Count N.I. Evdokimov, where an estate called "Kudako" was organized. Nevertheless, exploratory work for oil extraction was carried out on these lands.

In the summer of 1865, on the recommendation of geologist F.G. von Koschkul, exploratory work began on the Kudako [16; 17; 19, p. 123]. In August of that year, mining engineer captainGilev visited the Kudako oil enterptise. "Here he saw five wells near the former oil pits, the distance between which did not exceed 7 meters. Their depth was from 16 to 22 meters. Drilling had been underway since the beginning of August. Two wells, drilled up to 12 meters, were gushing, producing up to three barrels a day in the first days" [1, p. 37]. In October of that year, the field's mechanic Vladimir Peters reported that "much oil had been discovered at Kudako." According to his testimony, production from these wells was about 7 tons per day [19, p. 123].

February 3, 1866, became a remarkable day. Novosiltsev's authorized representative Vladimir Peters informed the commander of the Adagum Regiment: "I inform you that during my last trip to the Kudako tract, February 3rd after incredible efforts, stone was pierced, and a stream of pure oil burst forth with extraordinary noise, yielding without the aid of a locomobile or workers' assistance, by means of pipes alone, from 1,500 to 2,000 buckets every 24 hours. I bring this to your attention for reporting to whom it may concern" [4, fol. 56].

This was the first oil gusher in Russia. It attracted the attention of the domestic press, which described the "wonder of nature" in great detail. The newspaper Russky Invalid (No. 59) published a note about this event. And diplomatic channels received inquiries about the state of oil affairs in Kuban [23, p. 36]. It should be noted that Emperor Alexander II also kept an eye on developments in Kuban. Thus, in the diary of the Minister of Internal Affairs PyotrValuev, there is a record that during a report on March 31, 1867, the

Emperor instructed him to "take care of Colonel Novosiltsev's enterprise regarding the Taman and Caucasian oil production enterprises" [18, p. 211].

Here is what the explorer of Kuban, Temryuk physician Fyodor Landa, wrote about his impressions in his article "Oil on the Banks of the Kudako River": "...the view of the Kudako valley is very original: the oil-blackened high derrick, workers in black shirts with gaunt faces from fever, the sharp smell throughout the valley, the bends of the river filled with hot black thick liquid, giving it the appearance of one of the rivers of ancient Tartarus, the majestic fountain, splashing upwards in a giant black sheaf–all this somehow strangely harmonizes with the glitter of gold into which man transforms the dark liquid he extracts from the mysterious bowels of the earth" [7, p. 14].

The early successes at the Kudako field made the name of Guards Colonel Novosiltsev widely known in Russia. The gusher of "black gold" prompted enterprising chroniclers to even give him a sonorous nickname–"the Russian Croesus," drawing an analogy with the king of ancient Lydia, known for his enormous wealth [18, p. 212].

The first extracted oil gave ArdalionNikolaevich hope, and he, counting on future large profits, took a loan from the Cossack Host treasury. With this money, Novosiltsev built, on the site of the abolished Phanagoria fortress near Taman, a technically well-equipped oil refinery. The annual projected capacity was designed to process 1.5 million poods of oil and 800 thousand poods of kerosene. The cost of construction and equipment of the plant amounted to more than 400 thousand rubles. However, ArdalionNikolaevich's oil entrepreneurship failed [7, p. 22]. There were several reasons for this: construction costs did not justify income. Most of the oil extracted at the Kudako field was lost due to poor organization of the enterprise, work on it and logistics. During floods of the Kudako, Adagum, and Kuban rivers, masses of oil usually were washed away from the oil reservoirs by water, heavily polluting the surrounding area. The plant itself did not operate at full capacity, as proper oil delivery was not organized. The oil was transported in barrels of 60 buckets by horse-drawn transport along a dirt road from the "Kudako" estate to Taman. The road ran along a specially adapted causeway to shorten the route through the swampy floodplains. During winter and spring thaw, due to heavy rainfall and rising water levels in the swampy floodplains, the road and causeway became impassable, and some sections were submerged. Transporting oil by horse-drawn transport during this period was impossible [23, p. 36].

In 1868, the state of the buildings at the Kudako oil enterprise was as follows: 25 sazhens from the oil wells, a tourluchny house was built for the field's employees. The house was 28 1/2 sazhens long, 10 wide, and 4 1/2 sazhens high, covered with a reed roof. The entire building had 8 rooms, a kitchen, a corridor, and a balcony on four wooden columns at the front. The balcony and two extensions to the house were covered with an iron roof, plank floors in the rooms, plank ceilings smeared with clay and covered with reeds, and 4 Dutch stoves. A tourluchny barracks for workers, one Dutch stove with a range, a bakery with a

Russian stove, and next to it a hearth with three boilers for cooking. An adobe building – a warehouse for materials, to which on one side adjoined a warehouse for storing provisions and uniforms, and on the other, a carpentry workshop [9, pp. 36–38].

Operations involving freeing the wellbore from foreign objects, tools or equipment to resume drilling, lowering and lifting pipes, cleaning and straightening the wellbore have become a daily practice. Oil production was practiced both by gushing and by mechanized means. There were in-field pipelines, workshops for repairing and adjusting field equipment, and facilities for preparation, storage, and transport of commercial oil at the first Russian oil production. The largest oil refinery of the time was built. Supplies of finished petroleum products were organized to the markets of Moscow, Odessa, and Nizhny Novgorod [16; 17]. In addition to Kudako, A.N. Novosiltsev equipped oil production near the stanitsas of Ilskaya and Kholmskaya, and put into operation 57 buildings – workshops, offices, residential houses for workers and engineers, and a school for the children of Ilskayastanitsa. Finally, as a result of exploratory drilling, Novosiltsev correctly identified an oil-bearing zone about 20 km wide and 315 km long, running along the Greater Caucasus Range along the line Kudako – Kholmskaya – Ilskaya, which was noted by contemporaries as one of his main achievements [19, p. 123].

The "Kudako" estate, where the main section of the Kudako oil production was located, was granted by Empererto Count Evdokimov as property in 1868. Another oil source ended up on the lands of General Kesler, the third on the lands of Count Sumarokov-Elston. And Novosiltsev shoud been pay rent for the exploitation of the wells all landowners. The Cossack Host administration suddenly demanded immediate repayment of the loan. On May 31, 1871, Novosiltsev was declared an insolvent debtor and deprived of the right to dispose of funds and manage affairs [8, pp. 36-38].

At the end of the 1860s, Novosiltsev's oil company reached its peak. However, in the 1870s, it began to decline for several objective reasons. Firstly, the heavy terms of land lease imposed by the Cossack Host administration through the special tax-farming system (namely, the otkup) affected its development. Secondly, it was hampered by a lack of real government support and competitive struggle. Thirdly, the implementation of large-scale plans often borders on risk [1, pp. 37–39].

Novosiltsev's debts amounted to a huge sum: to the Ministry of Internal Affairs – 485 thousand rubles, to four persons under contracts – 75 thousand rubles, on promissory notes and borrowed funds to various persons – 614 thousand rubles, interest on promissory notes to the Ministry – 300 thousand rubles, total 1 million 474 thousand rubles and taking other minorcommitments into account, the amount increased by another 120–130 thousand rubles [7, p. 20].

Being on the verge of ruin and hoping for government support, A.N. Novosiltsev went to St. Petersburg. Having many influential friends, he believed he could negotiate a deferment, but the American citizen Tveddle played another

trump card – money and connections in the Cossack Host government. Novosiltsev's activities did not suit him at all; he himself wanted to extract Kuban oil and be a monopolist there. And ArdalionNikolaevich could not have known that a telegram had been sent from the Cossack Host Administration to St. Petersburg requesting that he be declared bankrupt and that the management of the oil wells be transferred to Herbert Tveddle [11, pp. 2–3]. Hoping for state support, in October 1878 he wrote to Alexander II:

"In my striving to develop such an important domestic industry as the oil business, I sacrificed not only all my fortune, not only drew in significant capital from private individuals, but even dared to resort to the August support of Your Imperial Majesty. The satisfaction of this sacred for the honor of a nobleman obligation constituted the goal of my life, but at this moment, after many years of heavy sacrifices, this business, brought to a beneficial conclusion, may perish entirely for me."

On April 29, 1872, a representative of the Kuban Host arrived at the Kudako tract to take ownership of Novosiltsev's buildings and property. In addition to the property listed in the 1868 inventory, the new deed of April 30, 1872, included: "an icehouse, tourluchny with a gable roof, a wing with an earthen floor – 2 rooms, an adobe wing, a smithy and locksmith's shop, a cooperage, a stable, 2 sheds. To the east of the office building – 2 oil reservoirs. They are fenced on three sides with planks, the reservoirs are wicker with plank bottoms. A wicker half-ruined fence that enclosed extensive earthen pits with oil." Count Evdokimov, not wishing to bother with the extraction, gave his estate for exploitation of oil wellsto engineer of communications Otto for an annual rent of 100 thousand rubles [8, p. 21].

After Evdokimov's death in 1873, the estate was bought by His Imperial Highness's Chamberlain Alexander Fedorovich Durasov, who personally began to extract oil and built a small refinery for the production of kerosene [5, p. 93].

On December 27, 1870, at two o'clock in the morning, a powerful oil and gas gusher was obtained from a borehole in the Natukhaevsky District. However, an emergency stop of the locomobile and an attempt to inspect its firebox led to the rapid ignition of the oil tanks, and then of the entire oil producnion. All production and residential buildings burned down there, people died, and there were many burned workers. The firefighting team from Krymskaya stanitsa, two companies of the 74th Stavropol Infantry Regiment, Cossacks from stanitsa Varenikovskaya, and settlers from Count Evdokimov's estates fought the fire for several days. With great difficulty, they managed to cope with this disaster [18, p. 215].

The financial problems of the extensive oil enterprise in Kuban grew like an avalanche. In early 1869, Ardalion Novosiltsev missed a payment of 75 thousand rubles for the first time, and the following year, the total debt on his obligations amounted to 1 million 474 thousand rubles, including 300 thousand in interest [18, p. 216].

In May 1871, by decree of the Senate, further management of Ardalion Novosiltsev's oil enterprise was entrusted to a special trusteeship consisting of three persons: one representative from the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Finance, another from the private creditors, and finally, an authorized person from the colonel himself. And although he managed to obtain a long-awaited extension of his monopoly right to develop oil-bearing Kuban lands for another ten years, from May 1, 1872, to May 1, 1882, he was still unable to properly improve matters. Subsequently, mining engineer G. Hoffman wrote: "The main driving force and soul of the entire enterprise must be considered Novosiltsev himself. He did not abandon attempts to find any possible way to save his undertakings" [18, p. 217].

In July 1876, the Cossack Host Administration described and declared the Phanagoria oil refinery to have passed into Host ownership. Through complex negotiationswith officials from the office of the Caucasus Viceroy in Tiflis, the Guards colonel managed to suspend this decision.Then desperate attempts began to obtain at least one more deferment of the loan repayment [18, p. 218].

In December 1878, Ardalion Nikolaevich Novosiltsev passed away. On the day of his death, as he was returning to Kuban after a trip to St. Petersburg, the Simferopol newspapers wrote: "...retired Colonel A.N. Novosiltsev, traveling to Kuban Region to his oil production, died, leaving debts totaling 1 million 474 thousand rubles..." [22, p. 478].

A modest monument at the Tikhvin Cemetery in the Alexander Nevsky Lavra with the epitaph: "...Ardalion Nikolaevich Novosiltsev, December 17, 1815 – December 6, 1878..." [22, p. 478].

Many prominent Russian scientists, industrialists, and entrepreneurs responded to the news of Novosiltsev's death. Dmitry Ivanovich Mendeleev: "...having begun the business too broadly and encountered various obstacles of another kind... he could not endure and soon died, having nevertheless shown all the significance of private enterprise initiative, which remained fruitless for Russian undertakings in the oil business..." [18, p. 220]. A kind of requiem for Ardalion Novosiltsev's work was the first exhibition of samples of Kuban oil and petroleum products at the World Exhibition in Paris in 1878 by retired captain Durasov [18, p. 220].

On March 21, 1879, the trusteeship concluded a contract with US citizen Herbert Tveddle, granting exclusive rights to exploration and oil production on an area of about 630 thousand desyatins of land, and also transferring to him the oil production near the Kievskaya, Kholmskaya, Ilskaya stanitsas, and the Phanagoria oil refinery, repair shops, and other production and residential buildings with an annual rent of 20 thousand rubles [18, p. 221].

On July 3, 1880, D.I. Mendeleev visited the Kudako oil tnterprises and was satisfied with both the quality and quantity of the oil. His letter addressed to N.N. Karmalin, the Ataman of the Kuban Cossack Host, is kept in GAKK [10, p. 12]. Mendeleev's companion on this trip was Professor Alexei Potylitsyn, who later, in 1885, published an extensive article in the Gorny Zhurnal (Mining Journal)

entitled "On the State of the Mining Industry in the Caucasus." He indicated that in 1880, oil was extracted at the Kudako oil production from two wells: "Pavlovskaya" and "Ivan Ivanovich." The first was 102 m deep and, using a pump, produced about 80 poods of oil daily; from the second, gushing well, 24.5 poods were extracted per day [18, p. 219].

GAKK preserves a certificate of oil production at the Kudako enterprises in 1881, which states: "From three operating wells, 24,000 poods of thick oil were extracted, worth 9,840 rubles. Of this amount, 15,000 poods went for distillation at the oil refinery. 5,275 poods of illuminating materials were obtained, worth 11,077 rubles. The average price per pood of illuminating material (kerosene) was 2 rubles 10 kopecks; the price of oil and residues (mazut) was 41 kopecks... The oil production operates in the Kudako tract on the estate of Actual State Councilor and Chamberlain of the Court of His Imperial Highness Alexander Durasov. Number of workers: 46. Belongs to Durasov." In 1882, he attempted to lay an oil pipeline to the Novorossiysk city, for which a petition was sent to the Cossack Host Economic Administration for the allocation of land for surveys [11, p. 16].

Although Alexander Fedorovich Durasov began construction of an estate located in the area of what is now Lvovsky khutor, where his family later lived until the October Revolution of 1917, he often left for St. Petersburg due to his duties related to his position as chairman of the parish trusteeship of the Church of the Annunciation of the Most Holy Theotokos in Novaya Derevnya, St. Petersburg, until his death in 1902 [22, p. 480].

In 1899, the Kudako oil enterprises were leased by the joint-stock company "Kudako," formed with the capital of well-known Russian oil industrialists Gukasov, Nobel, Lianozov, and others. Initially, the company increased the number of wells, oil production rose, and an oil pipeline was laid to stanitsa Krymskaya. But after three years, business activity declined. All affairs were conducted inefficiently, capital was spent unwisely, the oil-bearing area was small, and the lease terms were burdensome. The company ceased operations.

By 1902, the "Kudako" estate oil enterprises numbered 42 oil derricks [23, p. 39].

In the autumn of 1910, on the border of the "Kudako" estate and the land holdings of Prince Melikov, work on oil extraction was begun by the newly formed firm of Mr. Andreis. In the Kievskoye village gushing from one of the abandoned wells was observed twice. The gushing lasted half an hour, and oil was thrown to a height of 3 sazhens [23, p. 39].

In December 1917, the artel "Chernomorneft" was organized at the "Kudakinskie" oil fields, which existed until August 1942.

In 1937, during the days of the International Geological Congress held in the USSR, a monument was erected at the drilling site on the Kudako River in theKievskoyevillage in honor of the first oil well in Russia. On one of its faces, facing the numerous derricks of the field, it was inscribed: "The Discoverer of Oil in Russia, Well No. 1. Drilled by Colonel A.N. Novosiltsev in 1866." Delegates

of the XVII International Geological Congress attended the opening of this monument.

From August 4 to 7, 1942, the Crimean region was evacuated. On August 13–14, all 51 operating oil wells in the village of Kievskoye were completely disabled. The oil field was destroyed, and the enemy was unable to restore oil production at this site until September 1943. This may be the reason why the Germans destroyed the obelisk at the site of the first oil well [23, p. 40].

On February 16, 1958, a major regional event took place in the Kievskoye village – the unveiling of a new monument on the Kudako River to the first oil well. The meeting was opened by the chairman of the Krymsk Regional Executive Committee V.N. Lukyashko; next, the deputy chairman of the Executive Committee of the Regional Council of Working People's Deputies A.P. Danilov addressed those gathered with words of greeting. Also speaking at the meeting were the deputy chairman of the Krasnodar Economic Council A.G. Zadov, the chief geologist of the "Krasnodarneft" Administration S.T. Korotkov, the oldest oil worker A.F. Karmalito, and a 5th-grade student of Secondary School No. 12 in the Kievskoye village, Lida Korzh [12, p. 35].

Fig.3, 4. The modern view of the monument "Grandmother-Tower" and the view of the Kudako River near the Kudako Oil Fields. Photo by the author, July 2026

Conclusion

The history of A.N. Novosiltsev'sKudakooil enterprise is a vivid example of private entrepreneurial initiative that was ahead of its time. Despite the tragic ending – bankruptcy and the early death of its founder – Novosiltsev created what can rightly be considered the first industrial oil enterprise in Russia. It was at Kudako that technologies without which the modern oil industry is unthinkable

were first applied: mechanized percussion drilling with mandatory reinforcement of the well walls with metal casing pipes, in-field pipelines. It was here that oil was first obtained in Russia on an industrial scale.

Novosiltsev's activities were highly appreciated by his contemporaries. D.I. Mendeleev expressed confidence that "the name of the first driller of the Kuban region... will not be forgotten in Russia." I.M. Gubkin called the Kudako valley the "cradle" of the domestic oil industry. These assessments retain their significance today: the «Kudako» is not just a historical monument but also a symbol of the birth of one of the key industries of Russian industry.

At the same time, the history ofthis enterpriseреveals systemic problems that hindered the development of private enterprise in Russia at that time: the heavy terms of lease on Cossack Host lands, the lack of systematic government support, bureaucratic obstacles, and competition that sometimes turned into unscrupulous struggle.

The study of the Kudako oil production allows not only for the restoration of an important episode in the history of domestic technology and industry but also for a better understanding of the socio-economic mechanisms that determined the development of the Russian economy in the post-reform period.

REFERENCES

1. Bagaeva E.M. Zarozhdenie neftyanoy promyshlennosti na Kubani (60–70-e gody XIX v.) [The Origin of the Oil Industry in Kuban (1860s–1870s)] // Kulturnayazhizn Yuga Rossii. 2012. No. 2 (45). pp. 37–39.

2. Bagaeva E.M. Britanskiy kapital v neftyanoy promyshlennosti Kubani v nachale XX v. [British Capital in the Oil Industry of Kuban at the Beginning of the 20th Century] // Britantsyinarody Yuga Rossii: problemvzaimovliyaniya: sborniknauchnykhstatey [The British and the Peoples of Southern Russia: Problems of Mutual Influence: Collection of Scholarly Articles]. Krasnodar, 2015. pp. 186–198.

3. Baybakov N.K., Garushev A.R., Antoniadi D.G. Kuban – kolybel neftegazovoy promyshlennosti Rossii [Kuban – the Cradle of Russia's Oil and Gas Industry]. Krasnodar: Tsentr inform. iekon. razvitiyapechati, televideniyai radio Krasnodarskogo kraya, 2004.

4. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 252. Op. 2. D. 2168. Fol. 56.

5. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 252. Op. 2. D. 2808. Fol. 93.

6. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 257. Op. 2. D. 2256. Fol. 13.

7. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 454. Op. 7. D. 627. Fol. 20.

8. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 460. Op. 1. D. 17. Fol. 21.

9. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 460. Op. 1. D. 30. Fol. 36–38.

10. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 574. Op. 1. D. 5889. Fol. 12.

11. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. 583. Op. 1. D. 684.

12. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. R-1540. Op. 1. D. 17.

13. Dubovitsky M.M. Inostranniy kapital v neftyanoy promyshlennosti Kubani [Foreign Capital in the Oil Industry of Kuban] // Ob osobennostyakh imperializma v Rossii [On the Peculiarities of Imperialism in Russia]. Moscow: Nauka, 1963. pp. 362–382.

14. Dubovitsky M.M. Inostranniy kapital v neftyanoy promyshlennosti Kubanskoy oblasti (60–70-e gg. XIX v. – 1920 g.) [Foreign Capital in the Oil Industry of Kuban Region (1860s–1870s – 1920)]: Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Krasnodar., 1966.

15. Ziv V.S. Inostrannye kapitaly v russkoy neftyanoy promyshlennosti [Foreign Capitals in the Russian Oil Industry]. Petrograd: Tip. red. period. izd. M-vafin., 1916.

16. Lisichkin S.M. Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoy neftyanoy promyshlennosti. Dorevolyutsionny period [Essays on the History of the Development of the Domestic Oil Industry. Pre-RevolutionaryPeriod]. Moscow, Leningrad: Gostoptekhizdat, 1954.

17. Lisichkin S.M. Vydavshchiesya deyateli otechestvennoy neftyanoy nauki i tekhniki [Outstanding Figures of Domestic Oil Science and Technology]. Moscow: Izdatelstvo "Nedra", 1967.

18. Matveychuk A.A. Vo slavu rossiyskoy nefti: Perviy neftyanoy fontan Rossii: s 15 fevralya 1866 goda idet otschet industrialnogo etapa istorii otechestvennoy neftyanoy promyshlennosti [To the Glory of Russian Oil: The First Oil Gusher in Russia: From February 15, 1866, the Industrial Stage of the History of the Domestic Oil Industry Begins] // NeftRossii [Oil of Russia]. Moscow: Mosizdatinvest. 2006. No. 2. pp. 209–224.

19. Ponomarev B.B. Kudako – perviy neftyanoy promysel Rossii [Kudako – Russia's First Oil Field] // Neftyanoye khozyaystvo [Oil Industry]. 2009. No. 8. pp. 122–125.

20 Ponomarev K.P., Steiner S.I. Ocherki istorii neftyanoy promyshlennosti Kubani [Essays on the History of the Oil Industry of Kuban]. Moscow: Gostoptekhizdat, 1958.

21. Stepanov V.L. Neftyanaya promyshlennost Severnogo Kavkaza v pravitelstvennoy politik ekontsa XIX – nachala XX v. [The Oil Industry of the North Caucasus in Government Policy at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century] // Rossiyskayaistoriya [Russian History]. 2019. No. 6. pp. 127–147.

22. Stepanchenko A.P. Rodina russkoynefti [The Homeland of Russian Oil] // Muzeisegodnya: ottraditsionnykhpraktik k innovatsionnympodkhodam: Materialynauchno-prakticheskoykonferentsii, Krasnodar, 24–25 oktyabrya 2023 g. [Museums Today: From Traditional Practices to Innovative Approaches: Proceedings of the Scientific-Practical Conference, Krasnodar, October 24–25, 2023]. Krasnodar: OOO Izdatelstvo "Traditsiya", 2023. pp. 474–482.

23. Tsentsura Z.A., Dzhigil L.S. Istoriya Krymskogo rayona s drevnosti do 1945 goda [History of Krymsky District from Antiquity to 1945]. Krymsk, 2002.

24. Kharchenko A., Kharchenko V., Kisterev A. Mezhdu Ilem i Shebshem: Ocherki istorii Severskogo rayona Krasnodarskogo kraya [Between Il and Shebsh: Essays on the History of Seversky District of Krasnodar Krai]. Krasnodar, Izd.-poligraf. proizv. Predpriyatie, 1993.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багаева Е.М. Зарождение нефтяной промышленности на Кубани (60–70-е годы XIX в.) // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2 (45). С. 37–39.

2. Багаева Е.М. Британский капитал в нефтяной промышленности Кубани в начале XX в. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей. Краснодар, 2015. С. 186–198.

3. Байбаков Н.К., Гарушев А.Р., Антониади Д.Г. Кубань – колыбель нефтегазовой промышленности России. Краснодар: Центр информ. и экон. развития печати, телевидения и радио Краснодарского края, 2004.

4. ГАКК. Ф. 252. Оп.2. Д.2168. Л. 56

5. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2808. Л. 93.

6. ГАКК. Ф.257. Оп. 2 Д.2256. Л.13.

7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 627. Л. 20.

8. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.

9. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 30. Л. 36–38.

10.ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5889. Л. 12.

11. ГАКК. Ф.583. Оп.1. Д.684.
12. ГАКК. Р-1540. Оп. 1. Д.17.
13. Дубовицкий М.М. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России. М.: Наука, 1963. С. 362–382.
14. Дубовицкий М.М. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубанской области (60–70-е гг. XIX в. – 1920 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 1966.
15. Зив В.С. Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Петроград: Тип.ред. период. изд. М-ва фин., 1916.
16. Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М.; Л.: Гостоптехиздат, 1954.
17. Лисичкин С.М. Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники. М.: Издательство «Недра», 1967.
18. Матвейчук А.А. Во славу российской нефти: первый нефтяной фонтан России: с 15 февраля 1866 года идет отсчет индустриального этапа истории отечественной нефтяной промышленности // Нефть России. 2006. № 2. С. 209–224.
19. Пономарев Б.Б. Кудако – первый нефтяной промысел России // Нефтяное хозяйство. 2009. № 8. С. 122–125.
20. Пономарев К.П., Штейнер С.И. Очерки истории нефтяной промышленности Кубани. М.: Гостоптехиздат, 1958.
21. Степанов В.Л. Нефтяная промышленность Северного Кавказа в правительственной политике конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2019. № 6. С.127–147.
22. Степанченко А.П. Родина русской нефти // Музеи сегодня: от традиционных практик к инновационным подходам: материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 24–25 октября 2023 г. Краснодар: ООО Издательство «Традиция», 2023. С. 474–482.
23. Танцура З.А., Джигиль Л.С. История Крымского района с древности до 1945 года. Крымск, 2002.
24. Харченко А., Харченко В., Кистерев А. Между Илем и Шебшем: очерки истории Северского района Краснодарского края. Краснодар: Изд.-полиграф. произв. предприятие, 1993. С.76

Сведения об авторе

Шевцова Анастасия Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация shevtsova-ap@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-5074-7017

About the Author

Shevtsova Anastasia Pavlovna, Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street,350040, Krasnodar, Russian Federation, shevtsova-ap@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-5074-7017

УДК: 374.7(470.621)

Научная статья / Research article

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Басте Разиет Юсуфовна
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
raz.baste@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ деятельности учреждений культуры и народного образования Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Характеризуется роль данных учреждений в военных событиях, их практическая работа по патриотическому воспитанию советских людей, поиску новых форм и методов культурно-образовательной деятельности.

В качестве примерапривводится роль школьников и студентов, которые, стараясь оказать всяческую помощь учреждениям культуры, работали чтецами, книгоношами, помогали заведующим изб-читален, выступали с информациями, организовывали кружки по изучению специальности санитарок, оформляли лозунги для клубов и красных уголков. Одновременно они собирали лом, лекарственные травы, оказывали помощь семьям красноармейцев, разучивали песни, выступали на сценах клубов, изучали военное дело, принимали участие в полевых работах. Школьники и студенты выступали за отмену каникул, призывали к использованию их для нужд фронта и тыла.

Рассматривается проблема нехватки профессиональных кадров для работы в культурно-просветительских учреждениях Адыгеи, в связи с чем большое значение имело приобщение к восстановлению культурно-просветительских учреждений сельского и городского населения, что дало возможность многим учреждениям культуры стать центрами общественно-политической работы.

Ключевые слова: учреждения культуры и народного образования, Великая Отечественная война, военные условия, военное обучение, социальная сфера, избы-читальни, учебные заведения, Адыгейская автономная область.

Для цитирования: *Басте Р.Ю.* Культурно-просветительские учреждения Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 53–60.

CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE ADYGEAN AUTONOMOUS REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Baste RazietYusufovna
Kuban State University, Krasnodar, Russia
raz.baste@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of the activities of cultural and public education institutions of the Adygea Autonomous Region during the Great Patriotic War. The role of these institutions in military events, their practical work on the patriotic education

of Soviet people, the search for new forms and methods of cultural and educational activities is characterized. As an example, the role of schoolchildren and students is given, who, trying to provide every possible assistance to cultural institutions, worked as readers, booksellers, helped the heads of reading rooms, spoke with information, organized circles to study the specialty of nurses, designed slogans for clubs and red corners. At the same time, they collected scrap metal, medicinal herbs, provided assistance to the families of Red Army soldiers, learned songs, performed on club stages, studied military affairs, and took part in field work. Schoolchildren and students advocated the abolition of holidays, called for their use for the needs of the front and rear.

The article considers the problem of the shortage of professional personnel to work in cultural and educational institutions of Adygea, in connection with which it was of great importance to involve the entire rural and urban population in the restoration of cultural and educational institutions, which enabled many cultural institutions to become centers of socio-political work.

Key words: Cultural and public education institutions, the Great Patriotic War, military conditions, military training, social sphere, reading huts, educational institutions, Adygea Autonomous Region.

For citation: *Baste R.Yu.* Cultural and educational institutions of the Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War.Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, No. 3, P. 53–60.

Введение

В годы Великой Отечественной войны культурно-просветительские и образовательные учреждения сыграли значительную роль в укреплении морального духа народа, всемерно развивали патриотические инициативы советских людей, направленные на практическую реализацию лозунга «Все для фронта, все для победы!».

Военные условия требовали оперативности и гибкости в применении средств и методов культурно-просветительской работы, координации деятельности районных Домов культуры, изб-читален, библиотек, кинотеатров, активного использования материально-технической базы учреждений культуры.

Целью статьи является изучение условий работы культурно-просветительских учреждений Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Методологической основой работы выступает социальная история, которая помогает создать более целостную картину событий Великой Отечественной войны с учетом психологии и поведения отдельных социальных групп в экстремальных условиях военного времени.

Отечественная историография по данной теме определяется комплексным исследованием истории Северо-Западного Кавказа в годы войны, подготовленным М.Х. Шебзуховым [14, 16–21], а также работой авторского коллектива (Р.Ю. Басте, В.В. Касьянов, Ю.А. Яхутль), в которой рассматриваются отдельные этапы развития Адыгейской автономной области [5] и др. В статье также использована периодическая печать, которая в годы войны являлась важным источником информации [2, 3, 13].

Источниками для данного исследования послужили архивные материалы Национального архива Республики Адыгея.

Основная часть

Деятельность учреждений культуры и народного образования регламентировалась Наркомпросом РСФСР. В сентябре 1941 г. в письме «Работникам политико-просветительских учреждений, изб-читален, колхозных клубов, библиотек, музеев» определялись основные формы и методы их работы по укреплению дисциплины, организованности, мобилизации населения на выполнение задач военного времени [14, с. 270].

Работниками учреждений культуры активно использовались печатные средства информации, газеты и журналы для популяризации и распространения передовых форм работы с населением. Практиковались ежедневные читки распоряжений военных властей и местных организаций в избах-читальнях, библиотеках, колхозных бригадах, заводах, цехах и т.д. Рядом с данными учреждениями устанавливались стенды с материалами Советского Информбюро, вырезками из газет о героических подвигах красноармейцев, указы Президиума Верховного Совета СССР и другие документы [15, с. 270]. Так, в рамках реализации постановления СНК СССР «О подготовке населения к противовоздушной обороне» избы-читальни Гиагинского района Адыгейской автономной области оперативно организовали активное использование разнообразных источников передачи информации, экстренных сообщений по радио «последних новостей» [14, с. 271]. Много внимания уделялось военному обучению населения. В библиотеках, избах-читальнях выпускались боевые плакаты, схемы, таблицы. Распространялись также плакаты, выпущенные центральными органами печати.

В документах Национального архива Республики Адыгея отмечается инициатива заведующего избой-читальней аула Егерухай, инвалида войны Р.С. Дзыбова, который в рамках реализации приказа Наркомпроса РСФСР от 13 декабря 1941 г. «Об участии политико-просветительных учреждений в весенне-посевной кампании 1942 года» организовал агитационно-массовую работу в Доме колхозников, устроив для них регулярную читку газет [8, л. 2].

В связи с уходом в армию значительной части активистов их место занимали учителя, работая по совместительству, а нередко и школьники, подростки. Старшеклассники работали чтецами, книгоношами и инструкторами службы противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО). Ученики помогали заведующим изб-читален, выступали с информациями, организовывали кружки по изучению специальности санитарок, оформляли лозунги для клубов и красных уголков. Одновременно они собирали лом, лекарственные травы, оказывали помощь семьям красноармейцев, разучивали песни, выступали на сценах клубов,

изучали военное дело, принимали участие в полевых работах [14, с. 272]. Школьники и студенты выступали за отмену каникул, призывали к использованию их для нужд фронта и тыла. Так, в частности, учащиеся Лесомеханического техникума г. Майкопа обратились с просьбой о направлении их на производство, колхозные поля, заводы и фабрики для помощи рабочим [2].

Достаточно успешно происходила мобилизация на фронт, при этом призывались граждане 14 возрастных категорий, которые родились в диапазоне 1905–1918 гг. [6, с. 235]. Отмечается, что в первые недели боевых действий на фронт ушло более 20 тыс. жителей Адыгеи, а всего было мобилизовано за военный период более 600 тыс. чел. (до 1 млн по различным источникам).В качестве примера можно привести массовые заявления о добровольном направлении в действующую армию деятелей социальной сферы. Так, 60-летний врач из станицы Гиагинской А.С. Кузнецов, чьи дети,будучи студентами, уже служили в регулярных частях действующей армии, лично явился с просьбой зачислить его в действующую армию [3].

Примечательно, что в армию уходили не только юноши, отцы, сыновья и братья, но и в существенном количестве – девушки. Они готовились в качестве санитарок, медицинских сестер, даже рядовых бойцов. Ушли, например, две комсомолки – студентка педагогического училища А.С. Хворостенко, а также учительница А.Г. Дроздова, которые были одними из лучших представителей актива санитарно-оборонной работы области. Они направили заявление с просьбой о зачислении их в РККА в те воинские части, где находились их братья, просьба их была удовлетворена [4, с. 108].

Как отмечают исторические источники, повсеместно существовали трудности с поставками не только готовых изделий, но и сырья для их производства. Это особенно важно было при переходе промышленных объектов на нормативы работы в военное время. Для преодоления нехватки сырьевой продукции, а также оборудования в кратчайшие сроки были перенаправлены и задействованы абсолютно все областные ресурсные центры, особое внимание было уделено тяжелой промышленности. Например, для реализации государственных заказов по производству боеприпасов по постановлению бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) от 12 сентября 1941 г. было дополнительно мобилизовано различное оборудование с других предприятий, также активно ремонтировалось то оборудование, которое уже давно было либо списано, либо находилось в нерабочем состоянии.

На всей территории Адыгейской автономной области было развернуто социалистическое соревнование, участниками которого стали рабочие и инженерно-технические работники.Так, в связи с началом боевых действий большинство работников производственных мастерских Механического техникума г. Майкопа было мобилизовано либо добровольно ушли на

фронт. В кратчайшие сроки их рабочие места были заполнены учениками местных техникумов, и работа по выпуску готовой продукции не прекращалась. Отметим, что на непрофилированные предприятия поступали заказы по производству оружия. К примеру, в ноябре 1941 г. поступил государственный оборонный заказ по массовому производству корпусов боевых гранат. Данный вид деятельности не был профильным на территории области, однако в кратчайшие сроки прошло обучение работников предприятия по производству корпусов гранат и уже к концу 1941 г. область вышла на высокие показатели производства данного вида оружия – 132,5% [12, с.122].

Наиболее популярным из всех видов искусств в годы войны оставалось кино. Документальные кадры боевой хроники живо интересовали советских людей, что привело к активизации деятельности районных отделов кинофикации. В связи с нехваткой кадров создавались краткосрочные курсы по подготовке киноработников, практиковались коллективные просмотры и обсуждение кинофильмов. Также очень сложно было доставлять киноленты в отдельные села, аулы, а часть кинопередвижек вообще прекратила работу. Так, в Адыгейской автономной области из 26 кинопередвижек, имевшихся до войны, работало только 12 [14, с. 273].

В освобожденных районах местные органы власти активно содействовали быстрому восстановлению учреждений культуры, использованию разнообразных форм и методов работы с учетом последствий оккупации и задач, вытекавших из новой политической, хозяйственной и военной обстановки. В области в 1941–1942 гг. насчитывалось 7 районных Домов культуры, 164 избы-читальни, 135 массовых библиотек. После освобождения, к 1943 г. количество Домов культуры сохранилось, но изб-читален оставалось всего 47, библиотек – 65 [19, с.276].

Немецко-фашистские оккупанты полностью разрушили и сожгли на территории области: 2 театра, 9 школ, 59 клубов и изб-читален. Остальные театры, школы, клубы и другие очаги культуры были разрушены и полностью разграблены. Убытки и ущерб, нанесенные оккупантами народному образованию и культурно-просветительским учреждениям области, составили 43 млн 213 тыс. р. [5, с. 79].

Ощущалась также острая нехватка профессиональных кадров для работы в данных учреждениях в силу того, что из 79 культпросветработников Адыгеи не было ни одного человека со специальным образованием, хотя по документам 1 работник имел высшее образование, 2 – незаконченное высшее образование, 27 – среднее образование, 33 – неполное среднее образование [9, л. 21]. В связи с таким положением большое значение имело приобщение к восстановлению культурно-просветительских учреждений всего сельского и городского населения, что дало возможность многим учреждениям культуры стать

центрами общественно-политической работы. Районными культурно-просветительскими учреждениями Адыгеи только в 1943–1944 гг. были проведены около 3 тыс. библиографических обзоров, читательских конференций, литературных вечеров, в которых приняли участие более 70 тыс. жителей области [14, с. 282].

Документы свидетельствуют, что органам власти приходилось заниматься и такими вопросами, как материально-бытовые условия студентов учебных заведений. Так, посещаемость занятий Учительского института и педучилища была крайне неудовлетворительной из-за отсутствия обуви у учащихся. Студенты остро нуждались и в теплой одежде. Отмечалась нехватка хлеба в буфетах учебных заведений, студенты стояли в очереди за хлебом по 4–5 часов вечером и ночью. Справки о состоянии жилищных условий студентов сообщают о том, что мыло им выдавали всего по 100 г на месяц. И, несмотря на такие трудные условия, занятия не прекращались, подготовка кадров педагогов улучшалась с каждым днём [10, л. 1].

В период немецкой оккупации города Майкопа здание Национальной библиотеки было разрушено, а часть библиотечного фонда погибла. Восстановление Национальной библиотеки началось с разборки сохранившейся части книжного фонда, восстановления каталогов, ремонта инвентаря. Фонд библиотеки постепенно пополнялся, но, к сожалению, восстановить в полной мере довоенный фонд было невозможно, так как было уничтожено или безвозвратно утеряно 60% фонда библиотеки. Несмотря на сложности, в конце 1943 г. библиотеку восстановили, и она приняла первых читателей [13].

Благодаря работе, развернутой Теучеж Нухом Цуговичем, поэтом, политическим и общественным деятелем Адыгейской автономной области, во всех районах в короткий срок были восстановлены Дома культуры. Н.Ц. Теучеж в дни оккупации (август 1942 – февраль 1943 г.) руководил областным подпольным центром, вел партийно-политическую работу в партизанских отрядах области. После освобождения области от оккупантов, вернувшись на пост секретаря обкома по идеологии, он тут же развернул большую организаторскую работу по восстановлению политической и массово-культурной работы [7, с. 734].

Государственные и общественные организации рассматривали обучение и воспитание подрастающего поколения как одну из своих самых насущных задач. В условиях нужды и лишений, вызванных войной, многие дети не могли посещать школы. Так, в целом в области из-за необеспеченности одеждой и обувью более половины детей разного возраста не учились [14, с. 285]. Тем не менее, благодаря вниманию органов власти в марте 1943 г. начали учебный процесс 211 школ из 233 функционировавших до оккупации. В этой обстановке остро ощущалась нехватка учебников, тетрадей, оборудования, необходимого для обучения, но постепенно эта проблема была решена. Часть классов размещалась в

приспособленных помещениях, жилых домах, все школы работали в две смены, а в школах №17 и №3 г. Майкопа учились даже в три смены. Уроки длились всего 30–35 минут. В школьных зданиях было холодно и сыро, существовали проблемы с остеклением помещений, исходя из этого многие окна закладывались кирпичом, закрывались досками и фанерой [11, л. 1].

Несмотря на трудности, к 1944–45 учебному году в области готовы были принять учащихся уже 227 школ, из них: начальных – 156, неполно-средних – 44, средних – 27. Были отремонтированы и введены в эксплуатацию более 280 зданий учреждений образования и культуры [14, с. 317].

Заключение

Таким образом, в течение очень короткого периода на территории Адыгейской автономной области удалось восстановить и ввести в эксплуатацию значительное число объектов культурно-образовательного назначения. Эта работа продолжалась в условиях военного времени, а после окончания войны стала одним из важнейших направлений деятельности органов власти.

Приведенный анализ показывает, что несмотря на тяжелые условия культурно-просветительские учреждения Адыгейской автономной области в годы войны оказывали всевозможную помощь, в том числе путем проведения агитационно-массовых мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адыгейская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы (к 80-летию освобождения от немецко-фашистской оккупации) / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов, Е. М. Малышева, А. И. Брантов. Краснодар, 2023. С. 317.

2. Адыгейская правда. 1941. 11 июля.

3. Адыгейская правда. 1941. 11 июля.

4. Ачмиз К. Г. Поколение сороковых. Трудовой подвиг сельской молодежи в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2006. С. 108.

5. Басте Р.Ю., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Очерки истории Адыгеи в 1922–1992 гг. (от автономной области к суверенной республике). Краснодар, 2021. С.79.

6. Касьянов В.В. История Кубани: учеб. пособие. Краснодар, 2012. С. 235.

7. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Краснодар, 2003. Кн. 2. Ч. 2. С. 734.

8. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф.Р-5. Оп.1, Д.26. Л.2.

9. НАРА. Ф. П-1. Оп.3. Д.164. Л.21.

10. НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

11. НАРА. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.

12. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2. С. 122.

13. Советская Адыгея. 2017. 28 авг.

14. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945). Майкоп, 1993.

REFERENCES

1. Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War of 1941-1945: documents and materials (for the 80th anniversary of liberation from Nazi occupation) / Yu. A. Yakhutl, V. V. Kasyanov, E. M. Malysheva, A. I. Brantov. - Krasnodar, 2023. Page 317.

2. Adyghe Pravda. July 11, 1941.

3. Adyghe Pravda. July 11, 1941.

4. Achmiz K. G. Generation of the Forties.Labor Feat of Rural Youth in the Great Patriotic War.Maykop, 2006.Page 108.

5. Baste R.Yu., Kasyanov V.V., YakhutlYu.A. Essays on the History of Adygea in 1922-1992. (from an autonomous region to a sovereign republic). Krasnodar, 2021, p.79.

6. Kasyanov V.V. History of Kuban: Study Guide. Krasnodar, 2012.Page 235.

7. Kuban during the Great Patriotic War of 1941-1945: declassified documents. Chronicle of events: in 3 books. Book 2.Part 2.Krasnodar, 2003.P. 734.

8. National Archives of the Republic of Adygea (NARA). F.R-5. Op.1, d.26. L.2

9. NARA. F. P-1. Op.3. D.164. L.21

10. NARA. F. P-1. Op. 1. D. 135. L. 6.

11. NARA. F. P-1. Op. 3. D. 136. L. 1.

12. Essays on the History of Adygea. Maykop, 1981.Vol. 2.Page 122.

13. Soviet Adygea. August 28, 2017.

14. ShebzukhovM.Kh. Rear to the Front (Northwestern Caucasus during the War of 1941-1945).Maykop, 1993.

Сведения об авторе

Басте Разиет Юсуфовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация raz.baste@yandex.ru, https://orcid.org/ORCID 0009-0008-3365-5771

About the Author

Bazet Raziet Yusufovna, Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, raz.baste@yandex.ru, https://orcid.org/ ORCID 0009-0008-3365-5771

УДК 94(470.6)

Научная статья / Research article

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПРОМЫШЛЕННЫМИ ТОВАРАМИ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯВ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Панарин Андрей Анатольевич
Армавирский государственный педагогический университет,
Краснодарский край, г. Армавир, Россия
panarin.arm@mail.ru

Панарина Елена Владимировна
Армавирский государственный педагогический университет,
Краснодарский край, г. Армавир, Россия
panarina.ist@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются процесс и результаты обеспечения населения Северного Кавказа промышленными товарами широкого потребления в годы войны. Актуальность темы исследования обусловлена важной ролью промтоваров в повседневной жизни людей. В связи с этим представляет интерес опыт обеспечения этими товарами населения в экстремальных условиях военного времени. В качестве источников исследования использовались в основном архивные и опубликованные документы. Исследование показало, что в годы войны обострилась проблема обеспечения населения одеждой, обувью и другими предметами бытового характера. Основная нагрузка по выпуску промтоваров легла на предприятия местной промышленности и кооперацию. Вместе с тем в условиях ограниченности материальных и кадровых ресурсов это не позволило в полной мере удовлетворить потребности населения Северного Кавказа. В статье отмечается значение созданной в годы войны нормированной системы распределения промтоваров. Она носила дифференцированный характер и предусматривала преимущественное снабжение рабочих предприятий оборонной и тяжёлой промышленности, партийно-советских работников и таких льготных категорий, как инвалиды Великой Отечественной войны, семьи фронтовиков, многодетные матери и дети-сироты. В исследовании раскрываются тяжёлые последствия оккупации большинства районов Северного Кавказа и принимаемые меры по восстановлению производства промтоваров. Демонстрируется процесс постепенного увеличения выпуска промтоваров и вместе с тем сохраняющийся их дефицит, в условиях которого население искало самостоятельные пути решения этой проблемы. В качестве выводов подчёркивается важность принимаемых советским государством и местными органами мер по обеспечению населения Северного Кавказа промтоварами. Вместе с тем обращается внимание на сохранение этой проблемы на протяжении всех лет войны. Подчеркивается, что советские люди мужественно терпели эти трудности, прилагая все свои силы во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: промтовары, предприятия, кооперация, система распределения, население, Северный Кавказ, Великая Отечественная война.

Для цитирования: *Панарин А.А., Панарина Е.В.* Процесс и результаты обеспечения населения Северного Кавказа промышленными товарами широкого потребленияв годы Великой Отечественной войны // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 61–75.

THE PROCESS AND RESULTS OF PROVIDING THE POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS WITH INDUSTRIAL CONSUMER GOODS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Panarin Andrey Anatolyevich
Armavir State Pedagogical University, Krasnodar Territory, Armavir, Russia
panarin.arm@mail.ru

Panarina Elena Vladimirovna
Armavir State Pedagogical University, Krasnodar Territory, Armavir, Russia
panarina.ist@mail.ru

Abstract. The article analyzes the process and results of providing the population of the North Caucasus with industrial consumer goods during the war years. The relevance of the research topic is due to the important role of manufactured goods in people's daily lives. In this regard, the experience of providing these goods to the population in extreme wartime conditions is of interest. The main sources of the research were archival and published documents. The study showed that during the war years, the problem of providing the population with clothes, shoes and other household items became more acute. The main burden for the production of manufactured goods fell on local industry enterprises and cooperatives. However, due to limited material and human resources, this did not allow us to fully meet the needs of the population of the North Caucasus. The article notes the importance of the standardized distribution system for manufactured goods created during the war. It was differentiated in nature and provided for preferential supply to workers of defense and heavy industry enterprises, party-Soviet workers and such preferential categories as the disabled of the Patriotic War, families of veterans, mothers with many children and orphans. The study reveals the severe consequences of the occupation of most regions of the North Caucasus and the measures taken to restore the production of manufactured goods. The process of a gradual increase in the output of manufactured goods and, at the same time, their continuing shortage is demonstrated, in which the population was looking for independent ways to solve this problem. The conclusions emphasize the importance of the measures taken by the Soviet state and local authorities to provide the population of the North Caucasus with manufactured goods. At the same time, attention is drawn to the persistence of this problem throughout the years of the war. It is emphasized that the Soviet people courageously endured these difficulties, exerting all their strength in the name of victory over the Nazi invaders.

Key words: industrial goods, enterprises, cooperation, distribution system, population, North Caucasus, Great Patriotic War.

For citation: *Panarin A.A., Panarina E.V.* The Process and Results of Providing the Population of the North Caucasus with Industrial Consumer Goods During the Great Patriotic War.Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, No. 3, P. 61–75.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена важной ролью промышленных товаров широкого потребления в повседневной жизни людей. В связи с этим представляет интерес опыт обеспечения этими товарами населения в экстремальных условиях военного времени. Этот опыт включает меры советского государства по организации производства промтоваров и принципы государственной системы их распределения, а также практики самообеспечения самим населением. Территориальные рамки исследования позволяют исследовать данный опыт на примере Северного Кавказа как одного из крупных регионов страны, население которого в полной мере испытало на себе тяжёлые последствия военного лихолетья. В историографии Великой Отечественной войны эта тема не получила достаточного освещения. В советский период одной из немногих работ, в которой рассматривается порядок распределения промтоваров в годы войны, является монография А.В. Любимова [10]. В постсоветский период проблемы обеспечения населения в основном рассматриваются в научных статьях. Среди них статьи М.Г. Дружининой-Зайцевой, А.С. Шевлякова и О.А. Черемных, Д.А. Эфендиевой [8; 26; 27] и других авторов. Большое значение при подготовке исследования имело использование архивных документов таких архивов, как Государственный архив Краснодарского края, Государственный архив Ростовской области, Российский государственный архив социально-политической истории, Центр документации новейшей истории Ростовской области, а также опубликованных документов. Методологической основной исследования являются принципы историзма, объективности и системности. В работе нашли применение такие специально-исторические методы, как историко-сравнительный, историко-генетический, проблемно-хронологический и статистический. Целью исследования является анализ процесса и результатов обеспечения населения Северного Кавказа промышленными товарами широкого потребления в годы войны. В задачи исследования входит рассмотрение проблемы обеспечения населения промтоварами и уровень их производства в начальный период войны; раскрытие системы государственного снабжения населения товарами широкого потребления; анализ состояния обеспечения населения Северного Кавказа промтоварами в послеоккупационный период.

Основная часть

Проблемы обеспечения населения промышленными товарами широкого потребления и уровень их производства в начальный период войны.

В условиях начавшейся войны с фашистской Германией население столкнулось со значительными материальными трудностями, одной из

которых была низкая обеспеченность одеждой, обувью и другими необходимыми предметами повседневной жизни. Следует отметить, что до войны данная проблема также была достаточно острой, что было связано с ограниченным объёмом производства товаров широкого потребления ввиду максимального использования ресурсов экономики страны в целях осуществления масштабной индустриализации.

С началом войны эта ситуация стала ухудшаться. Основной причиной стал перевод большинства предприятий на выпуск военной продукции. Кроме того, артели промысловой кооперации и кооперации инвалидов, которые до войны производили значительную часть товаров для населения, также получали заказы армейского руководства и должны были выполнять их в первую очередь. Своё отрицательное влияние оказала оккупация врагом многих районов европейской части страны, где находилось большое количество предприятий лёгкой промышленности и кооперативных артелей. Часть из них удалось эвакуировать, но они далеко не сразу возобновили выпуск своей продукции.

Так, из 310 предприятий лёгкой промышленности, эвакуированных в восточные районы, в конце 1941 г. стали работать лишь 35. Ввиду этого производство товаров широкого потребления постоянно сокращалось. В 1942 г. предприятия лёгкой промышленности выпускали продукцию на 52% меньше, чем в 1940 г. Как уже отмечалось, в ней преобладала продукция военного назначения [19, с. 116–117]. На Северном Кавказе практически все предприятия выполняли военные заказы, которые предусматривали выпуск большого количества обмундирования и других необходимых для армии изделий, что вело к сокращению производства товаров для населения. К числу таких предприятий относились ростовские швейная и кожгалантерейная фабрики и другие предприятия [25, л. 6].

В целях ослабления этой проблемы региональные органы власти стремились расширить выпуск товаров широкого потребления на предприятиях местной промышленности и в кооперативных артелях. Роль последних возросла вследствие существующих у кооперации возможностей к быстрой организации производства продукции, в которой остро нуждалось население. Например, весной 1942 г. в Краснодарском крае артели промысловой кооперации расширили масштабы мелкого производства различной продукции, обеспечив её выпуск на сумму 2582 тыс. р. Среди этой продукции были керосиновые лампы, лейки-воронки, зубные щётки, наждачная бумага и другие изделия [12, с. 75].

Вместе с тем реализация этих мер не позволила кардинально изменить ситуацию, и производство товаров повседневного спроса продолжало оставаться на низком уровне. Так, в Ростове-на-Дону в первом квартале 1942 г. предприятия лёгкой промышлености выполнили план на 29,6%, местной промышленности – на 36,6%, промысловой кооперации – на 59,7%, кооперации инвалидов – на 41,1% [4, л. 6]. Объясняется это объективными

трудностями военного времени, связанными с острыми материальными и кадровыми проблемами.

Многие предприятия систематически не получали необходимого для производства сырья и оборудования ввиду массового призыва на фронт военнообязанных работников, их заменили пришедшие на предприятия и в артели женщины и подростки, не обладавшие не только необходимой квалификацией, но и простейшими навыками производства тех или иных изделий. После, как правило, прохождения обучения в течение трёх месяцев непосредственно на предприятии или в артели они становились мастерами и самостоятельно изготавливали различные изделия бытового назначения.

Помимо значительного сокращения производства товаров широкого потребления, снижение уровня их обеспечения населения было связано с ухудшением возможностей ремонта одежды, обуви и различных предметов бытового назначения. Многие ремонтные мастерские в условиях войны были закрыты, а оставшиеся выполняли гораздо меньший, чем прежде, объём работ, в том числе предназначенных для выполнения военных заказов. Например, в Краснодаре из 100 действующих мастерских во второй половине 1941 г. были закрыты 74 мастерские, из оставшихся 26 мастерских только 15 осуществляли ремонт обуви населения, в то время как 11 мастерских выполняли только военные заказы. Во многих мастерских перестали выполнять ремонт культтоваров, металлоизделий, мебели, бочкотары и других изделий [1, л. 64].

Как отмечает А.А. Пасс, «даже то, что по отчетам артелей числилось ширпотребом, предназначалось, главным образом, внерыночным потребителям – Наркоматам Обороны, Внутренних дел, Военно-морского флота. Наблюдались случаи, когда артель, специально предназначенная для удовлетворения бытовых нужд, переводилась на выполнение фронтового задания. При этом председатели кооперативов расторгали ранее заключенные договоры на услуги и товары ширпотреба, так как понимали, что справиться с работой одновременно по двум направлениям не удастся, к тому же за срыв поставок армейского обмундирования или боеприпасов могла грозить тюрьма» [14, с. 402].

Кроме выполнения военных заказов предприятия и артели часть своей продукции направляли для обеспечения эвакуированных на Северный Кавказ граждан из других регионов страны. Например, в Северной Осетии только в ноябре – декабре 1941 г. было изготовлено и передано эвакуированному населению 2 тыс. пар детской обуви, 900 пар обуви для взрослых и 1 тыс. изделий теплой одежды для взрослых [21, с. 55]. Это ограничивало возможности снабжения местного населения.

Испытывая большие трудности с обеспечением одеждой и обувью, многие советские люди, тем не менее, старались помочь фронту. Особенно большое значение имело участие населения в движении по сбору тёплых вещей, что позволяло советским воинам сохранять свою боеспособность в суровых зимних условиях. Так, от населения Кубани к началу 1942 г. было

направлено на фронт 382 полушубка, 1 112 пар валенок, 1 163 пары перчаток, 1 696 пар носков и чулок, 1 221 шапка-ушанка, 1 953 ватных куртки, 961 ватные шаровары, 835 свитеров и много другого белья [13, с. 52].

Население Ставропольского края за время войны направило на фронт более 1 млн теплых вещей, в том числе 30 тыс. полушубков, 70 тыс. пар валенок, 150 тыс. пар теплых носков и т. д. [17, с. 119]. Активное участие по сбору тёплых вещей принимало население и других регионов Северного Кавказа. Между тем, остающиеся у населения одежда и обувь постепенно приходили в негодность, а ограниченные возможности производства и ремонта не позволяли своевременно производить их замену.

Система государственного снабжения населения товарами широкого потребления в условиях войны.

Учитывая нарастающий дефицит промышленных товаров широкого потребления, советское правительство было вынуждено ввести их нормированное снабжение, как это было уже сделано в отношении продовольственных товаров. Первым шагом в этом направлении стало введение с 1 февраля 1942 г. продажи по карточкам промтоваров в 43 крупных городах страны, а также в системе закрытой торговли, предназначенной для работников оборонных и других важнейших предприятий. По карточкам стали распределяться различные ткани, кожаная, валяная, фетровая и резиновая обувь, швейные изделия, постельное белье, головные уборы, трикотаж, чулки и носки, часы, мыло и другие товары. Уже вскоре, с конца апреля 1942 г. это нормированное распределение промтоваров стало действовать во всех городах и рабочих поселках [10, с. 24].

Как отмечают А.С. Шевляков и О.А. Черемных, «…в отличие от порядка снабжения, установленного на продукты питания, снабжение непродовольственными товарами не гарантировалось выдачей по карточкам строго фиксированных количеств тех или иных товаров. Сделать так не представлялось возможным в условиях войны. Продажа нормированных непродовольственных товаров производилась в пределах лимитов, которые устанавливались для каждой категории населения (рабочие и ИТР, служащие, иждивенцы и учащиеся) в виде определенного количества условных единиц (купонов) на каждый товар» [26, с. 164].

Так, рабочие и инженерно-технические работники получали 125 купонов, служащие – 100, иждивенцы и дети – 80 купонов. Например, приобретая пару мужской или женской кожаной обуви, покупатель в качестве оплаты её стоимости предоставлял 50 купонов-единиц, за пару детских босоножек – 20, за женское шерстяное или шелковое платье – 60, за пару чулок или носков для взрослых – 5, для детей – 3 купона и т. д.

Промтовары поступали в различные регионы Северного Кавказа из государственных централизованных фондов. Например, в первом квартале

1942 г. Ростовская область получила кожаной обуви и хозяйственного мыла на сумму 4 млн р., шерстяной ткани – на 3 млн р., керосина – на 2 млн р., спичек – на 630 тыс. р., ниток – на 400 тыс. р., трикотажа – на 200 тыс. р. [11].

Карточки на промтовары обычно выдавались сроком от шести до девяти месяцев. Выдача нормированных товаров по карточкам производилось в магазинах. Однако их не хватало для удовлетворения даже минимальных потребностей населения. Поэтому в целях обеспечения промтоварами рабочих и служащих предприятий оборонного значения здесь в феврале 1942 г. были созданы отделы рабочего снабжения (орсы). Затем они получили распространение на предприятиях других отраслей промышленности и на транспорте. Все товары, получаемые орсами из государственных фондов, распределялись между работниками предприятия в соответствии с карточками и по спискам очередников на получение того или иного товара.

Как отмечает В.Г. Дружинина-Зайцева, «орсы работали под руководством директоров предприятий и своей деятельностью способствовали повышению производительности труда. Они получили право поощрять работников предприятия за хорошую работу, перевыполнение плановых заданий внеочередной продажей им товаров, отпуском некоторых товаров сверх карточных норм, а также часть поступавших товаров местного производства вручалась работникам предприятия в качестве наград, премий» [8, с. 97–98].

Кроме того, во второй половине 1942 г. была введена продажа по ордерам обуви, готового платья, хлопчатобумажных, шерстяных и шёлковых тканей, предназначенных работникам предприятий ряда наркоматов, но с обязательным зачётом установленного для них в карточках количества купонов-единиц. Без карточек могли продаваться комплекты белья для новорождённых, включающие одеяло, простыни, пелёнки, распашонки и другие товары [10, с. 41–42].

Следует отметить, что в Советском Союзе уделяли первостепенное внимание удовлетворению потребностей индустриальных рабочих. В случае, если партийно-государственные органы стремились определить особое положение какой-либо социальной группы, они уравнивали её в правах с индустриальными рабочими. Это в том числе относилось к партийно-государственной номенклатуре. В годы войны её представители были разделены на три группы. К первой группе относились партийные, комсомольские, советские и профсоюзные руководители республиканского и областного уровней. Они получали снабжение товарами широкого потребления как работники ведущих предприятиях оборонной и тяжелой промышленности. Во вторую и третью группы входили представители городского и районного руководства. Они получали снабжение по группе работников промышленности, транспорта и связи [22, с. 156].

Следовательно, в начальный период войны стал действовать дифференцированный принцип распределения поступающих из централизованных фондов промышленных товаров широкого потребления, предусматривающий преимущественное их снабжение работников оборонной и тяжёлой промышленности, партийно-государственных работников, а также таких льготных категорий, как инвалиды Великой Отечественной войны, семьи фронтовиков и дети-сироты.

Состояние обеспечения населения Северного Кавказа товарами широкого потребления в послеоккупационный период (1943–1945 гг.).

В период оккупации большинства районов Северного Кавказа немецко-фашистские захватчики нанесли большой ущерб населению. Как немцы, так и принимавшие участие в оккупации румыны и венгры, нещадно грабили мирных граждан, отбирая у них одежду, обувь и другие предметы бытового назначения, не брезгуя часто даже не имеющими особой ценности вещами. В результате и без того тяжёлое материальное положение большинства граждан достигло критических значений.

Со стороны советского государства были приняты меры по оказанию помощи пострадавшим от оккупации регионам страны. В том числе для Северного Кавказа были выделены такие промтовары, как различные виды одежды и обуви, а также мыло, спички и другие товары. Местные органы распределяли их в основном среди членов семей военнослужащих, инвалидов Великой Отечественной войны, нуждающихся в помощи многодетных матерей и детей- сирот.

Большая часть населения эту помощь не получала, продолжая испытывать серьёзные проблемы в обеспечении одеждой и обувью. В частности, это отражалось на посещаемости детьми школы, особенно в зимний период. Часто бывало так, что в многодетных семьях дети по очереди ходили в школу, пользуясь единственными сапогами или валенками. В целях ослабления этих проблем в различных районах Северного Кавказа осуществлялись меры по восстановлению деятельности предприятий местной промышленности и кооперативных артелей и организации производства товаров широкого потребления.

С учётом ограниченности поступающих из централизованных фондов средств и материалов было решено расширить использование местного сырья из имеющихся природных ресурсов и продуктов промышленной переработки. Например, XVI пленум Дагестанского обкома ВКП (б) 8 февраля 1943 г. принял решение провести «…максимальную мобилизацию всех производственных возможностей для всемерного разворота производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья с тем, чтобы удовлетворить в 1943 г. основные нужды населения республики за счёт производства товаров и предметов первой необходимости на месте» [7, с. 131–132].

В производство промтоваров в первую очередь включились небольшие предприятия и артели, способные быстро организовать работу и удовлетворить наиболее острые потребности населения. Так, в Лабинском районе Кубани после освобождения стал работать глазуренный завод, выпускающий такие необходимые для населения изделия, как мыло, колесная мазь, гончарные изделия. В это же время лубяной завод приступил к производству верёвочных изделий, артель «Слепой труженик» организовала выпуск веников и лозовой мебели, тарный завод – деревянных бочек, ведер и т.д. [9, с. 69–70].

Наибольшая активность и эффективность в деле восстановления и организации производства промтоваров была достигнута в системе промысловой кооперации. Так, уже в первые дни после освобождения г. Краснодара 15 артелей промкооперации приступили к выпуску мыла, стекла, мебели, гвоздей и других изделий. В г. Армавире действовала артель «Разнопром», в которой изготавливалась мазь для сапог [12, с. 76]. В Ставропольском крае к концу 1943 г. возобновили деятельность 250 кооперативных предприятий, которые выпустили товаров широкого потребления на 17976,2 тыс. р. [15, с. 18].

Высокая динамика восстановления деятельности промысловой кооперации была достигнута в Ростовской области. Если сразу после освобождения области в конце февраля 1943 г. здесь работали лишь 25 артелей, то уже через два месяца действовало 130 артелей [23, л. 67]. С 1944 г. происходило постепенное включение в производство промтоваров предприятий лёгкой промышленности. Так, в Ростовской области стали действовать 16 таких предприятий из 22, работавших до войны. По сравнению с 1943 г. объём валовой продукции лёгкой промышленности увеличился с 4 млн 574 тыс. р. до 8 млн 686 тыс. р., т.е. почти в два раза [16, л. 10].

Постепенно на территории Северного Кавказа происходило расширение сети различных пошивочных и ремонтных мастерских. В то же время их количество ещё существенно уступало довоенному уровню, а часть из них по-прежнему ориентировалась на выполнение военных заказов. В такой ситуации местные органы стремились в первую очередь удовлетворить потребности семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны. Так, на Кубани для инвалидов осенью 1944 г. было открыто 35 специальных мастерских по ремонту обуви и одежды [2, л. 44].

Как уже отмечалось, в послеоккупационный период на предприятиях Северного Кавказа широкое распространение получило производство промтоваров из вторсырья и отходов производства. Например, в Ростовской области чувяки производились из свиной и конской юфты, детские тапочки были изготовлены из текстильных отходов, сумки базарные плетённые из шпагата, азбука – из картонных кубиков и т.п. [5, л. 108–114].

Несмотря на определённые успехи в организации производства промтоваров, его уровень не соответствовал установленным планам по

выпуску этой продукции. Так, в первом полугодии 1944 г. предприятия местной промышленности Ростова-на-Дону из 38 видов принятых к выпуску промтоваров выполнили плановые показатели лишь по 16, а в кооперативных артелях из 45 видов только по 19 [6, л. 71]. Большинство товаров не отличалось должным качеством, покупаемая населением одежда и обувь часто вскоре требовала ремонта, как и другие вещи, производимые на предприятиях и в артелях.

В 1945 г. эта ситуация несколько улучшилась, что выразилось в увеличении выпуска промтоваров и расширении их ассортимента. Например, в апреле 1945 г. краснодарская артель «Крайпищепром» выпустила продукции на сумму 258 тыс. р., вместо 186 тыс. р. по плану, артель «Райкожкоопремонт» станицы Тимашевской произвела товаров на сумму 91,5 тыс. р. вместо 49 тыс. р. по плану [3, л. 10].

Вместе с тем и в это время уровень производства промышленных товаров широкого потребления не соответствовал потребностям населения Северного Кавказа. В связи с этим было решено увеличить количество видов промтоваров, реализуемых в соответствии с нормированным снабжением. В Краснодарском крае вскоре после окончания оккупации, а именно с конца марта 1943 г., этот перечень включал около ста наименований различных товаров [9, с. 202].

На предприятиях и в учреждениях наиболее нуждающимся работникам оказывали помощь профсоюзные комитеты. Из профсоюзных фондов они выделяли средства для приобретения членами профсоюзов одежды, обуви и других предметов бытового назначения. Наибольшее внимание уделялось членам семей фронтовиков. Например, к середине 1944 г. на заводе «Ростсельмаш» 590 членов семей фронтовиков получили 3314 талонов на приобретение обуви, одежды и других промтоваров [22, л. 34].

Кроме горожан государственное нормированное снабжение промтоварами распространялось и на ряд категорий сельских жителей, не состоящих в колхозах. К ним относились работники совхозов, трактористы МТС, сельская интеллигенция, инвалиды Великой Отечественной войны. Проблема их снабжения заключалась в том, что по мере продвижения выделяемых из централизованных фондов промтоваров от областных и краевых центров к городам и рабочим поселкам и только затем к сельским районам, последним чаще всего доставалась лишь небольшая доля товаров или не оставалось ничего. Например, в июне 1943 г. Тихорецкий райком ВКП (б) сообщил в Краснодарский крайком ВКП (б) о том, что район уже пятый месяц не получает товаров широкого потребления. И это, несмотря на то что в районе находилось около 200 трактористов из других областей страны, 100 воспитанников детского дома, 100 инвалидов войны, не говоря уже о других сельских жителях, состоящих на государственном снабжении [9, с. 372].

Между тем для наиболее многочисленного сельского населения, состоящего в колхозах, снабжение промтоварами не предусматривалось. Колхозники могли покупать эти товары по выдаваемым талонам в основном в магазинах потребительской кооперации и по коммерческим ценам, что часто не соответствовало их материальным возможностям. Кроме того, в распоряжении потребительской кооперации был ограниченный ассортимент товаров и недостаточное для удовлетворения потребностей колхозников их количество. Была установлена годовая норма на одного человека: хлопчатобумажных (льняных) тканей – 6 м, шерстяных – 3 м, обуви – 1 пара и т. п. Нужда в этих товарах была чрезвычайно острой и удовлетворялась она не более чем на 25%. В сельскую местность промтовары поступали нерегулярно и значительно ниже предельных годовых норм. Например, в 1942–1943 гг. на одного члена семьи колхозника удавалось купить всего полметра ткани, а пара обуви шла в расчет на двоих [20, с. 313]. Другими словами, колхозники чаще всего не могли купить в магазинах потребительской кооперации необходимые для них промтовары.

Основным источником получения денежных средств для приобретения промышленных товаров для колхозников являлись личные подсобные хозяйства. Часть выращенной в них продукции колхозники продавали на колхозных рынках и за счёт этого приобретали промтовары. Вместе с тем цены на сельхозпродукцию и промтовары существенно отличались в пользу последних, что не позволяло колхозникам покупать дорогостоящие вещи. Например, в декабре 1944 г. 1 м ситца стоил 250 р., мужские галоши – 1200 р., хромовые сапоги – 6 тыс. р. [18, с. 239].

Финансовые возможности колхозников снижались также из-за того, что часть вырученных от продажи своей сельхозпродукции денежных средств нужно было использовать для уплаты налогов, размеры которых в годы войны увеличились. Поэтому более распространённой практикой был простой товарообмен между колхозниками и горожанами, которые отдавали за продукты одежду, обувь и другие предметы бытового назначения. Однако в целом колхозники, в отличие от горожан, испытывали гораздо большую нужду в товарах широкого потребления.

Определённую роль в снабжении населения промтоварами играли поставки этих товаров из США, Канады и Англии, с последующим распределением по регионам страны. Как отмечает Д.А. Эфендиева, в Дагестане промышленные товары «распределялись остронуждающимся семьям военнослужащих, инвалидам войны и членам их семей, и в первую очередь семьям погибших на фронтах Отечественной войны, а также детям, находящимся на патронировании и опекаемым. Распределением подарков из союзных стран занималась комиссия СНК ДАССР, а персональную ответственность за правильное использование этих вещей по назначению несли председатели исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся. В октябре 1944 г. было прислано 25318 предметов одежды» [27, с. 207].

Все перечисленные ресурсы были недостаточны для полноценного удовлетворения потребностей населения в промышленных товарах широкого потребления. В связи с этим большинство советских граждан донашивало старую одежду и перешивало старые вещи, изготавливало из подручных средств обувь. Если удавалось приобрести материю, изготавливали для себя и своих детей различные виды одежды. Всё большое распространение стало приобретать использование гражданским населением военной одежды и обуви, которая распространялась демобилизованными военнослужащими.

Заключение

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошло значительное обострение проблемы обеспечения населения Северного Кавказа промышленными товарами широкого потребления. Приоритетность задач укрепления обороноспособности не позволяла государству выделять достаточные средства для производства одежды, обуви и предметов домашнего обихода. В такой ситуации основная нагрузка в решении этой задачи легла на предприятия местной промышленности и артели кооперации, что позволило в определённой степени ослабить дефицит промтоваров. Вместе с тем этого было недостаточно для удовлетворения потребностей населения. Созданная в годы войны нормированная система распределения промтоваров была ориентирована прежде всего на удовлетворение потребностей льготных категорий потребителей. В такой ситуации значительной части населения пришлось в основном самостоятельно решать указанную проблему, приобретая товары широкого потребления по рыночным ценам или обменивая на продовольствие, а также используя старые вещи и военное обмундирование. Советские люди мужественно терпели эти трудности, прилагая все свои силы во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1435. Оп.1. Д. 1.
2. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп.1. Д. 21.
3. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп.1. Д. 26.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 338.
5. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 457.
6. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 53.
7. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Махачкала: Дагкнигаиздат, 1963.
8. Дружинина-Зайцева М.Г. Система снабжения населения прифронтового Мурманска промышленными товарами в годы Великой Отечественной войны // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2007. №3. С.95–99.

9. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 2. Ч. 1. 1943 г. Краснодар: «Советская Кубань», 2003.

10. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1969..

11. Молот. 1942. 24 янв.

12. Панарин А.А. Деятельность промысловой кооперации по бытовому обслуживанию населения Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны // История и обществознание. 2018. Вып. 15. С. 75–78.

13. Панарина Е.В. Обеспечение населения Дона и Северного Кавказа промышленными товарами в годы Великой Отечественной войны // История и обществознание. 2013. Вып. 10. С. 52–55.

14. Пасс А.А. Испытание войной: промысловая кооперация Удмурдии в 1941–1945 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. Вып. 3. Ижевск: Удмурдский государственный университет. С.397–406.

15. Печалова Л.В. Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Ставрополь, 2007.

16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 1289.

17. Селюнин В.А. Юг России в войне. 1941–1945 гг. Ростов н/Д: издательство Ростовского университета, 1995.

18. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившиц, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003.

19. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. / отв. ред. А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985.

20. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / отв. ред. Г.А. Куманев. М.: Наука, 1988.

21. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992.

22. Цебро О.В. Материально-бытовое обеспечение партийно-советской номенклатуры Киева (ноябрь 1943 – май 1945 г.) // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2013. №3. С.155. Изд.159.

23. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп.1. Д. 111.

24. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 492.

25. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 785.

26. Шевляков А.С., Черемных О.А. Снабжение городского населения Новосибирской области товарами широкого потребления в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 164–168.

27. Эфендиева Д.А. Состояние торговли и снабжение населения города Дербента и Дербентского района продовольствием и промышленными товарами в годы Великой Отечественной войны // Единство народов России: межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог: материалы всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием), посвященной 85-летию Дагестанского государственного университета. Махачкала: ООО «Апробация», 2016. С. 205.

REFERENCES

1. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK).F.R–1435.Op. 1. D. 1.

2. GAKK. F.R-1435. Op. 1. D. 21.

3. GAKK. F.R–1435. Op. 1. D. 26.

4. The State Archive of the Rostov region (GARO).F.R–3737. Op. 2. D. 338.

5. GARO. F.R-3737. Op.2. D.457.

6. GARO. F.R-1817. Op.3. D.53.

7. Dagestan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg. [Dagestan during the Great Patriotic War.1941–1945]. Makhachkala: Dagknigaizdat, 1963. (in Russian).

8. Druzhinina-Zaitseva M.G. Sistema snabzheniya naseleniya prifrontovogo Murmanska promyshlennymi tovarami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The system of supplying the population of frontline Murmansk with industrial goodsduring the Great Patriotic War]. Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo.2007.No.3.pp. 95-99 (in Russian).

9. Kuban v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg. [Kuban during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Chronicle of events. Book 2. Part1. 1943 Krasnodar: "Soviet Kuban", 2003. (in Russian).

10. Lyubimov A.V.Torgovlya i snabzheniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Trade and supply during the Great Patriotic War]. Moscow: Ekonomika, 1969. (in Russian).

11. Molot. 1942. January 24.

12. Panarin A.A. Deyatelnost promyslovoy kooperatsii po bytovomu obsluzhivaniyu naseleniya Krasnodarskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Activities of the commercial cooperative for consumer services of the population of the Krasnodar Territory during the Great Patriotic War]. Istoriya i obshchestvoznaniye. 2018. Issue 15. pp. 75–78 (in Russian).

13. Panarina E.V. Obespecheniye naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza promyshlennymi tovarami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Providing the population of the Donand the North Caucasus with industrial goods during the Great Patriotic War]. Istoriya i obshchestvoznaniye. 2013. Issue10. pp. 52–55 (in Russian).

14. Pass A.A. Ispytaniye voynoy*:* Promyslovaya kooperatsiya Udmurdii v 1941–1945 gg. [Trial by war: Fishing cooperation of Udmurtiain 1941–1945].Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy.2023.Vol.17. Issue 3. Izhevsk: Udmurda State University. pp. 397–406 (in Russian).

15. Pechalova L.V. Kooperativnaya promyshlennost Stavropolia i Karachayevo-Cherkesii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Cooperative industry of Stavropol and Karachay-Cherkessia during the Great Patriotic War (1941–1945)]: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Stavropol, 2007. (in Russian).

16. Russian State Archive of Socio-political History (RGASPI). F. 17. Op. 44. D. 1289.

17. Selyunin V.A. Yug Rossii v voyne.1941–1945 gg. [The South of Russiain the war.1941–1945]. Rostovn/A: Rostov University Press, 1995. (in Russian).

18. Sovetskaya povsednevnost i massovoye soznaniye. 1939–1945 [Sovietevery day life and masscon sciousness. 1939–1945]. comp. A.Ya.Livshits, I.B.Orlov. Moscow: ROSSPEN, 2003. (in Russian).

19. Sovetskiy Soyuz v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Soviet Union during the Great Patriotic War]. 2nded. / ed. by A.M. Samsonov. Moscow: Nauka, 1985. (in Russian).

20. Sovetskiy tyl v pervyy period Velikoy Otechestvennoy voyny [The Sovietrearin the firstperiod of the Great Patriotic War] / ed. by G.A.Kumanev.Moscow: Nauka, 1988. (in Russian).

21. Khudalov T.T. Severnaya Osetiya v Velikoy Otechestvennoy voyne.1941–1945 gg. [North Ossetiain the Great Patriotic War. 1941–1945]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian Studies, 1992. 317 p. (in Russian).

22. Cebro O.V. Materialno-bytovoye obespecheniye partiyno-sovetskoy nomenklatury Kiyeva (noyabr 1943 – may 1945 gg.) [Material and householdsupport for the party-

Sovietnomenclature of Kiev (November 1943 – May 1945)].Vestnik Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. No.3. pp. 155–159 (in Russian).

23.Center for Documentation of the modernhistory of the Rostovregion (CDNIRO). F. 9. Op. 1. 111.

24. CDNIRO. F. 9. Op. 1. 492.

25. CDNIRO. F. 13. Op. 2. 785.

26. Shevlyakov A.S., Cheremnykh O.A. Snabzheniye gorodskogo naseleniya Novosibirskoy oblasti tovarami shirokogo potrebleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Supplyurban population of the Novosibirsk region with consumergoods during the Great Patriotic War].Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. No. 444. pp.164–168 (in Russian).

27. Efendieva D.A. Sostoyaniye torgovli i snabzheniye naseleniya goroda Derbenta i Derbentskogo rayona prodovolstviyem i promyshlennymi tovarami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The state of tradeandsupply of foodandindustrialgoods to the population of the city of Derbentand the Derbentdistrict during the Great Patriotic War]. Unity of the peoples of Russia: interethnic, intercultural and interreligious dialogue.Materials of the All-Russianscientific and practical conference(with international participation) dedicated to the 85 thanniversary of Dagestan State University. Makhachkala: LLC"Approbation", 2016. pp. 205–211 (inRussian).

Информация об авторах

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Армавирский государственный педагогический университет,ул. Урицкого 16, 352901 г. Армавир, Российская Федерация panarin.arm@mail.ru,https://orcid.org/ 0009-0005-9036-2623

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Армавирский государственный педагогический университет,ул. Урицкого 16, 352901 г. Армавир, Российская Федерация panarina.ist@mail.ru,https://orcid.org/ 0000-0003-3108-9792

Information About the Authors

Panarin Andrey Anatolyevich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of Russian and World History, Armavir State Pedagogical University, 16 Uritsky Street, 352901 Armavir, Russian Federation, panarin.arm@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9036-2623

Elena Vladimirovna Panarina, Advanced Doctor in Historical Sciences, Professor at the Department of National and World History, Armavir State Pedagogical University, 16 Uritsky St., Armavir, 352901, Russian Federation, panarina.ist@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3108-9792

УДК 94(470+571):316.74-053.6

Научная статья / Research article

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Касьянов Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Аннотация. Автор в статье рассматривает основные проблемы формирования и сохранения исторической памяти современной российской молодежи о событиях Великой Отечественной войны в контексте государственной политики, направленной на историческое просвещение и противодействие фальсификации истории войны. Отмечается, что события войны 1941–1945 гг. имеют особое значение для исторической памяти населения современной России, выступают в качестве основополагающего компонента системы значимых ценностей россиян, опорного образа национального самосознания и коллективной идентификации. Подчеркивается, что подавляющее большинство россиян считают важным сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, однако материалы опросов, в то же время, свидетельствуют о размывании памяти представителей различных возрастных групп, в первую очередь молодежи, о преступлениях нацистов и их пособников в годы войны, что обуславливает необходимость сохранения в исторической памяти молодого поколения знаний и представлений о преступлениях фашистов. По мнению автора, политика современного Российского государства, направленная на формирование и сохранение исторической памяти молодежи о событиях войны 1941–1945 гг., должна иметь комплексный характер, включая в качестве основных составляющих качественное и эффективное преподавание истории войны в различных учебных заведениях, привлечение наиболее авторитетных преподавателей и ученых, являющихся специалистами по истории войны, к работе со средствами массовой информации, активную популяризацию и широкое продвижение в молодежной среде знаний о событиях войны, реализацию исторических программ образовательного и просветительского характера.

Ключевые слова: общество, молодежь, историческое сознание, общественное сознание, историческая память, исторический дискурс, коллективная память, идентичность, общегражданская идентичность, государственная политика, историческая правда, историческое просвещение, традиционные ценности.

Для цитирования: *Касьянов В.В.* Великая Отечественная война в исторической памяти современной российской молодежи // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 76–85.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

KasyanovValeryVasilyevich
Kuban State University, Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Summary. The article examines the main problems related to the formation and preservation of the historical memory of modern Russian youth regarding the events of the Great Patriotic War, in the context of state policy aimed at historical education and countering the falsification of the war's history. The author notes that the events of the 1941-1945 war are of particular importance for the historical memory of the population of modern Russia, acting as a fundamental component of the system of significant values of Russians, the basic image of national identity and collective identification. The article emphasizes that the overwhelming majority of Russians consider it important to preserve the memory of the events of the Great Patriotic War, but survey materials at the same time indicate a blurring of the memory of representatives of various age groups and, above all, youth about the crimes of the Nazis and their accomplices against civilians during the war, which necessitates the preservation of historical memory. the younger generation has knowledge and ideas about the crimes of the Nazis during this period. The policy of the modern Russian state aimed at forming and preserving the historical memory of young people about the events of the 1941-1945 war should be comprehensive, including high-quality and effective teaching of war history in various educational institutions as the main components, attracting the most reputable teachers and scientists who are specialists in the history of the war to work with the media, active popularization and wide promotion of knowledge about the events of the war among young people, the implementation of historical educational and enlightenment programmes.

Key words: society, youth, historical consciousness, public consciousness, historical memory, historical discourse, collective memory, identity, civil identity, public policy, historical truth, historical enlightenment, traditional values

For citation: *Kasyanov V.V.* The Great Patriotic War in the Historical Memory of Modern Russian Youth. Journal of the Kuban State University Historical Sciences. 2026. No. 3. P. 76–85.

Введение

События Великой Отечественной войны имеют для нашей страны особую значимость, выступая в качестве предмета гордости для представителей различных социально-демографических групп в российском обществе, основополагающего опорного образа национального самосознания и общекультурной идентичности. Большое значение имеет формирование и сохранение исторической памяти о войне в сознании современной молодежи, от которой зависит будущеероссийского общества и государства, трансляция представлений о Великой Отечественной войне как наиболее знаковом событии исторического прошлого нашей страны новым поколениям россиян [3, с.11]. Основная проблема здесь заключается в том, что в настоящее время информация о Великой Отечественной войне становится элементом информационных войн и манипуляций сознанием

людей. В течение последних лет, особенно с началом специальной военной операции, резко возросли попытки фальсификации или искажения памяти о событиях войны. В специальных исследованиях отмечается, что данные фальсификациисвязаны со стремлением создания новой, ревизионистской концепции Второй мировой и Отечественной войн в западной интерпретации. Последняя характеризуется не только принижением той роли, которую Советский Союз сыграл в победе над нацистской Германией и ее союзниками, но и в возложением на СССР равной с Германией, а нередко даже и главной, ответственности за развязывание Второй мировой войны [1, с. 72–73].

Подобного рода фальсификации направлены в первую очередь на молодежь, историческое сознание которой отличается размытостью и неустойчивостью, а также носит бессистемный характер. В течение последних лет не только имели место теоретические изыскания в области фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны, но и совершались конкретные практические действия в этой сфере, включающие «борьбу с памятниками, дегероизацию советских воинов, возвеличивание предателей, коллаборационистов и т.д.» [1, с.74–75]. Реализуемые в настоящее время попытки по-новому интерпретировать события войны и ее итоги в целом соответствуют сложившейся в современных западных государствах политической конъюнктуре и фактически выступают в качестве одного из ведущих направлений той информационной войны, которая развязана коллективным Западом против Российской Федерации. Данное обстоятельство обуславливает необходимость противодействия «историческому ревизионизму» и защиты подлинной истории Великой Отечественной войны, формирования и сохранения исторической памяти об этом важнейшем для нашей страны событии прошлого в сознании молодежи и других возрастных групп. В сложившейся ситуации в качестве одного из приоритетных направлений мемориальной политики современного российского государства должны выступать формирование и сохранение исторической памяти молодого поколения о событиях Великой Отечественной войны, осуществляемые в комплексе с деятельностью по противодействию фальсификации истории войны, искажению соответствующих исторических фактов.

Основная часть

В рамках анализа проблем формирования и сохранения исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне целесообразно обратиться к материалам социологических опросов молодежи, отражающих характер их представлений о рассматриваемом историческом событии. Эмпирические данные, включающие результаты многочисленных всероссийских исследований, посвященных памяти представителей различных групп отечественной молодежи о событиях войны 1941–1945 гг.,

свидетельствуют о том, что российская молодежь в целом отличается достаточно высоким уровнем осведомленности о войне, ее основных сражениях. Более того, большинство молодых людей в нашей стране проявляют интерес к истории Великой Отечественной войны, считают знания о ней обязательными для каждого россиянина [2, с.94–95].

Подавляющему большинству респондентов разных возрастов известно о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками в рассматриваемый период, однако представления о степени значимости данныхтрагических событий находятся в зависимости от возраста респондентов: так, каждый пятый молодой россиянин имеет очень поверхностные представления, либо же вовсе ничего не знает о геноциде советского народа в период войны, направленном на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию СССР. При этом в молодежной среде часто высказывается точка зрения, в соответствии с которой в сохранении памяти о преступных действиях нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в сознании новых поколений якобы нет особой необходимости [10].

В силу того, что события Великой Отечественной войны все более отдаляются от нас во времени и в живых остается все меньше людей, бывших очевидцами этих событий, происходит закономерное размывание или уход из памяти наших современников представлений о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками против мирного населения в годы войны. Совершенно очевидно, что в общественном сознании россиян в первую очередь молодежи, необходимо не только сохранять память о крупнейших военных сражениях, но и увековечивать память жертв геноцида советского народа.

С этой целью накануне восьмидесятилетней годовщины Победы в Великой Отечественной войне был принят федеральный закон, предусматривающий увековечивание памяти жертв геноцида советского народа, разработчики которого исходили из справедливого представления о том, что уважительное отношение к памяти жертв этих преступлений, а также почитание силы духа советского народа, проявившего единство и стойкость в борьбе с нацистами и их пособниками, является священным долгом всех граждан [8]. Помимо этого, учитывались и необходимость международного сотрудничества, поддержания всеобщего мира и согласия, а также недопущения проявлений нацизма в любой форме. В соответствии с данным законом предусматривается реализация ряда мероприятий, направленных на увековечивание памяти жертв геноцида советского народа и включающих сохранение, благоустройство захоронений останков жертв геноцида, установку мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память о них; проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных захоронений останков жертв геноцида; создание соответствующих музеев, отдельных экспозиций и

выставок, в том числе в музеях образовательных организаций; публикацию в различных СМИматериалов о геноциде советского народа, создание произведений искусства и литературы, посвященных памяти жертв геноцида; включение в различные образовательные и воспитательные программы материалов, разработанных на основании достоверных исторических источников и посвященных памяти жертв геноцида советского народа. Наряду с этим рассматриваемый закон признает недопустимым публичное оправдание как геноцида, так и нацистской идеологии в целом.

Справедливости ради необходимо отметить, что подавляющее большинство представителей молодежи в нашей стране не только понимают высокую значимость мемориальной политики, направленной на сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, но и указывают на недостаточность имеющихся у них знаний о войне, что, в свою очередь, обуславливает необходимость получения новой информации и дополнительных сведений о данном историческом событии. К сказанному следует добавить, что многие молодые люди в нашей стране проявляют высокий интерес к биографиям своих предков, бывших участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (подавляющему большинству молодых респондентов, в частности, известно о том, что в их роду были люди, которые защищали Родину в годы войны) [9, с. 124–125]. Однако, несмотря на то обстоятельство, что большая часть молодых россиян осознает важность сохранения памяти о событиях войны, в России имеется достаточно много граждан молодого возраста (30% по данным ВЦИОМ), которые не проявляют особого интереса ни к Великой Отечественной войне, ни к историческому прошлому страны в целом [10]. Что касается той части молодежи, которая интересуется событиями войны, то данный интерес находит конкретные проявления в посещении военных музеев или экспозиций, выставок и парадов, участии в специальных акциях, посвященных памяти о Великой Отечественной войне, характерным примером которых может служить «Бессмертный полк».

Для современных российских школьников и студентов основными источниками получения сведений о событиях войны выступают рассказы членов семьи, материалы учебников и пособий по истории, кинематографическая продукция, посвященная военным событиям и ряд других материалов. Значительная часть представителей молодого поколения россиян, по их собственному признанию, узнала о событиях Великой Отечественной войны из рассказов старших членов семьи: память о войне, как свидетельствуют данные социологических опросов, помимо различных исторических документов и кинохроники, продолжает жить в семейных историях и воспоминаниях о боевом пути и судьбах участников Великой Отечественной войны (так, около половины респондентов знают о своих предках, участвовавших в войне, именно из семейных хроник и архивов, рассказов родственников, а также различных военных писем и

фотографий) [12]. Приведенные эмпирические данные позволяют сделать вывод, в соответствии с которым так называемые семейные традиции устных рассказов об участниках войны продолжают сохранять свою высокую значимость, несмотря на постепенный уход из жизни людей, являвшихся очевидцами рассматриваемых событий.

С течением времени, как показывают результаты исследований, меняются представления о значении победы в Великой Отечественной войне в сознании наших соотечественников: последние годы люди все чаще стали воспринимать День Победы в качестве дня памяти и скорби (данная позиция, присущая примерно каждому четвертому гражданину нашей страны, характерна в первую очередь для отечественной молодежи). В то же время абсолютное большинство жителей современной России по-прежнему воспринимают День Победы как самый значимый для себя и для страны праздник, а победу в Великой Отечественной войне – как самую важную победу во всей российской истории. Подобную точку зрения чаще всего разделяют лица среднего и старшего возраста, рожденные до начала 1980-х гг.: к этим возрастным категориям относятся люди, хорошо помнящие ветеранов войны, имевшие возможность лично общаться с фронтовиками, приобретая информацию о военных событиях от их непосредственных участников [12]. Характер восприятия войны 1941–1945 гг. и победы в ней, как и любых других событий исторического прошлого, отражает естественные процессы трансформации коллективной исторической памяти, которая с течением времени и по мере удаления от конкретных исторических событий претерпевает деперсонализацию и обобщение.

Приэтом многие наши соотечественники, включая и представителей молодежи, полагают, что информация о Великой Отечественной войне является в настоящее время элементом информационных войн и манипуляций сознанием людей. Так, российские студенты, в частности, заявляют об имеющихся попытках исказить историю войны и реабилитировать предателей Родины [7, с.101]. Данные фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны являются частью информационной войны, развязанной коллективным Западом против Российской Федерации. Эта информационная война, как уже указывалось, направлена на переформатирование исторического сознания населения современного общества, и молодежь здесь выступает в качестве наиболее уязвимой возрастной категории в силу присущей представителям данной социально-демографической группы неустойчивости и размытости ценностных установок и ориентаций, что особенно характерно для младшей когорты молодежи. Как отмечается в специальных исследованиях, посвященных проблемам противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны, современные российские геополитические противники, к числу которых относятся, в первую очередь, западные государства в лице своих спецслужб и других организаций, а также лидеры

экстремистских объединений и нацистские идеологи, ориентируются в своей деятельности, прежде всего, на молодежь, имея приоритетной целью размывание духовно-нравственных ценностей молодого поколения, деформацию исторического сознания и исторической памяти его представителей [11, с. 60–61]. Закономерным следствием распространения подобных идей в молодежной среде является рост в течение последних лет числа преступлений, объектом посягательства которых выступают военные мемориалы и другие объекты культурно-исторического наследия, которые были созданы с целью увековечивания памяти защитников Отечества и в большинстве случаев посвящены именно Великой Отечественной войне.

Все изложенное свидетельствует о необходимости активизации государственной мемориальной политики, направленной на формирование и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, осуществляемой в комплексе с деятельностью по противодействию фальсификации истории войны, искажению соответствующих исторических фактов. Одних мер уголовно-правового характера, включающих введение уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, недостаточно для эффективной реализации деятельности, направленной на противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны, формирование и сохранение исторической памяти молодежи о данном событии. Такая деятельность должна иметь комплексный характер, включая в числе основных составляющих качественное и эффективное преподавание истории войны в различных учебных заведениях, привлечение наиболее авторитетных преподавателей и ученых, являющихся специалистами по истории войны, к работе со средствами массовой информации, активную популяризацию и широкое продвижение знаний о событиях Великой Отечественной войны, реализацию специальных исторических программ образовательного и просветительского характера.

Специфика формирования исторической памяти представителейсовременного молодого поколения заключается в том, что данный процесс происходит не столько под воздействием печатных, сколько на основе визуальных образов прошлого, значительная часть которых содержится в Интернете, который в целом выступает для молодежи в качестве важнейшего источника информации, относящейся к различным областям знания [4, с. 27]. Рассматриваемая информация нередко может быть заимствована из ненадежных и непроверенных источников, следствием чего неизбежно становится недостоверность содержащихся в них исторических данных. В указе главы российского государства, посвященном основам политики в области исторического просвещения, подчеркивается, что в материалах сети Интернет, различных электронных ресурсах могут содержаться «негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространяться ложные представления о России», способствующие «деформации исторической памяти и искажению исторической правды». По этой причине в тексте данного документа

отмечается необходимость в создании и продвижении каналов распространения информации научно обоснованного и достоверного характера о ключевых российских исторических событиях, к числу которых, в первую очередь, относятся события Великой Отечественной войны, что предусматривает создание целой серии информационных продуктов, призванных способствовать повышению уровня исторической грамотности и осведомленности населения об историческом прошлом страны. Так, одной из основополагающих целей государственной политики в области исторического просвещения является «сохранение памяти о защитниках Отечества и недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества» [5].

Важную роль в государственной политике, направленной на формирование и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, призван играть созданный по инициативе главы государства «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» [6]. Политика российского государства в области формирования и сохранения исторической памяти, а также работа специалистов Национального центра исторической памяти должна быть направлена на то, чтобы представители молодого поколения, а также все интересующиеся историей граждане могли получать профессиональные, а также понятно сделанные материалы об историческом прошлом страны. В качестве одного из значимых проектов, реализуемых Национальным центром исторической памяти, выступает федеральный проект «Без срока давности», целью которого выступает сохранение исторической правды о преступлениях нацистов и их пособников в отношении советских мирных граждан в годы Великой Отечественной войны. Проект «Без срока давности» также направлен на формирование в общественном сознании непринятия нацизма в любых его проявлениях как в исторической ретроспективе, так и в современной форме неонацизма, а также неотвратимости наказания за преступления против человечности, какой бы срок давности они ни имели.

Заключение

Историческая память содержит важные для общества культурно-исторические нормы и ценности, которые, в случае их успешной трансляции, передачи из поколения в поколение, способны обеспечить стабильное и поступательное развитие данного общества. Особое значение для исторической памяти населения современной России имеют события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., выступающие в качестве основополагающего компонента системы значимых ценностей граждан: война и победа в ней являются неотъемлемыми составляющими коллективной идентификации представителей различных групп и слоев, интегрирующими образами национального самосознания. С учетом данных

обстоятельств одним из приоритетных направлений политики современного российского государства должно выступать формирование и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, реализуемое в комплексе с деятельностью по противодействию фальсификации истории войны, искажению соответствующих исторических фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акопьянц А.С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения (гуманитарные исследования). 2020. № 2 (8). С. 71–78.

2. Воронцов С.А., Понеделков А.В. Об отношении российской молодежи к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. //Власть. 2020. № 3. С. 91–97.

3. Касьянов В.В., Самыгин П.С., Попов М.Ю. Историческая память о событиях Великой Отечественной войны и современное российское общество //История. Культурология. Политология. 2025. № 1. С. 11–20.

4. Касьянов В.В., Самыгина Л.В., Чупрынников С.А. Историческая память современной российской молодежи: особенности формирования и роль в системе патриотического воспитания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки, культурология, политические науки. 2022. № 3. С.26–31.

5. Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. 13 мая № 20. Ст. 2587.

6. Указ Президента Российской Федерации от 02 ноября 2023 г. № 817 «О создании автономной некоммерческой организации "Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации"» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. 6 нояб. № 45. Ст. 8034.

7. Устинкин С.В. Великая Отечественная война в восприятии молодежи России //Власть. 2017. № 6 (329). С. 100–107.

8. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. 28 апр. № 17. Ст. 2103.

9. Хилько Н.Ф., Озерова О.А. Образы исторической памяти в представлениях молодежи на примере празднования Дня Победы //Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 123–126.

10. Чтобы помнили! Аналитический обзор ВЦИОМ от 19 апреля 2023 г. URL: http // wciom.ru›analytical-reviews/analiticheskii-obzor.

11. Шевелева К.В., Честнов Н.Е. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект //Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 58–63.

12. 9 мая и память о Великой войне. Аналитический обзор ВЦИОМ от 07 мая 2024 г. URL: http // wciom.ru›analytical-reviews/analiticheskii-obzor.

REFERENCES

1. Akopyants A.S. Modern falsifications of the history of the Great Patriotic War // Bulletin of the Siberian State Transport University (Humanitarian Studies). 2020. No. 2(8). P. 71–78.

2. Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. On the attitude of Russian youth to the Great Patriotic War of 1941–1945 // Vlast. 2020. No. 3. P. 91–97.

3. Kasyanov V.V., Samygin P.S., Popov M.Yu. Historical memory of the events of the Great Patriotic War and modern Russian society // History. Cultural Studies. Political Science. 2025. No. 1. P. 11–20.

4. Kasyanov V.V., Samygina L.V., Chuprynnikov S.A. Historical memory of modern Russian youth: features of formation and role in the system of patriotic education // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences, Cultural Studies, Political Sciences. 2022. No. 3. P. 26–31.

5. Decree of the President of the Russian Federation of May 8, 2024 No. 314 "On approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Enlightenment" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. May 13. No. 20. Art. 2587.

6. Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 2023 No. 817 "On the creation of the autonomous non-profit organization 'National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation"' // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. November 6. No. 45. Art. 8034.

7. Ustinkin S.V. The Great Patriotic War in the perception of Russian youth // Vlast. 2017. No. 6(329). P. 100–107.

8. Federal Law of April 21, 2025 No. 74-FZ "On perpetuating the memory of the victims of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. April 28. No. 17. Art. 2103.

9. Khilko N.F., Ozerova O.A. Images of historical memory in the perceptions of youth on the example of Victory Day celebration // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies. 2020. No. 4(29). P. 123–126.

10. To Remember! Analytical review of VTsIOM of April 19, 2023 URL: http // wciom.ru›analytical-reviews/analiticheskii-obzor.

11. Sheveleva K.V., Chestnov N.E. On countering the falsification of the history of the Great Patriotic War: legal aspect // Law and Order: History, Theory, Practice. 2022. No. 3(34). P. 58–63.

12. May 9 and the memory of the Great War. Analytical review of VTsIOM of May 7, 2024. URL: http // wciom.ru›analytical-reviews/analiticheskii-obzor.

Сведения об авторе

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация,culture@kubsu.ru

About the Author

Kasyanov Valery Vasilyevich, Advanced Doctor in Historical Sciences, Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor, Dean of the Department of Journalism, Head of the Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, culture@kubsu.ru

УДК 069.01:94(470)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ: ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ 2015–2024 гг.

Гавчук Галина Сергеевна
Сергиево-Посадский музей-заповедник, г. Сергиев Посад, Россия
midk@bk.ru
Авдеева Мария Дмитриевна
Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия
kobudokrd@yandex.ru
Иванов Николай Александрович
Сочинский государственный университет, г. Сочи,
Россияivanovnik45@yandex.ru
Шмидт Анна Карловна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
charles_evreux@mail.ru
Ким Александр Родионович
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россияogesdam985@gmail.com

Аннотация. Память о Великой Отечественной войне несёт особую символическую нагрузку, однако коммеморативная работа региональных музеев изучена заметно хуже, чем деятельность крупных федеральных комплексов. Исследовательское внимание сосредоточено на Музее Победы, «Дороге памяти», мемориалах федерального уровня, тогда как областные и районные музеи – где память о войне соприкасается с конкретными семьями и предприятиями – остаются на периферии анализа. Этот разрыв и определяет фокус настоящей работы.

Эмпирическую и нормативную базу составили федеральные акты о музейном деле, открытые материалы межмузейных проектов «Территория Победы», «Дорога памяти» и «Без срока давности», а также корпус опубликованных работ по музеологии, истории Великой Отечественной войны и «исследования памяти».

В 2015–2024 гг. в работе региональных музеев сложилась устойчивая конфигурация: федеральный канон памяти дополняется локальными сюжетами – эвакуацией предприятий, госпитальной сетью, тыловой повседневностью, биографиями земляков. Выделены четыре типа коммеморативных практик регионального музея: экспозиционно-выставочная, музейно-педагогическая, партисипативная и цифровая. Отдельно рассмотрен иммерсивный поворот и связанные с ним риски — вытеснение подлинного предмета реконструкцией и смещение музейного сообщения от знания к аффекту. Региональный музей в рассматриваемый период не был пассивным ретранслятором общенационального нарратива. Он работал как среда локальной доводки этого нарратива, где общероссийская схема события обретала предметную и

биографическую конкретность. Именно этим определяется незаменимость областных и районных музеев в системе коммеморации.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; коммеморация; региональные музеи; музейная педагогика; иммерсивные технологии; «исследования памяти»; политика памяти.

Для цитирования: *Гавчук Г.С., Авдеева М.Д., Иванов Н.А., Шмидт А.К., Ким А.Р.* Историческая память о Великой Отечественной войне в региональных музеях: практики коммеморации 2015–2024 гг. // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 86–96.

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN REGIONAL MUSEUMS: COMMEMORATIVE PRACTICES 2015–2024

Abstract. The memory of the Great Patriotic War carries an exceptionally high symbolic load, yet the commemorative practices of regional museums remain understudied compared with those of large federal museum complexes. This gap determines the focus of the paper.

The evidence base comprises federal legislation on museum affairs, open materials of the inter-museum projects "Territory of Victory", "Road of Memory" and "No Statute of Limitations", and an array of published works on museology, the history of the Great Patriotic War and memory studies.

Between 2015 and 2024 regional museums developed a stable configuration in which the federal canon of memory is combined with local subjects: the evacuation of industry, the hospital network, everyday life on the home front, and the biographies of local residents. Four types of commemorative practice are identified – exhibition-based, museum-pedagogical, participatory and digital. The immersive turn is examined separately, together with its risks: the displacement of the authentic object by reconstruction and the shift of the museum's message from knowledge towards affect. During the period under review the regional museum acted not as a passive relay of the national narrative but as an environment where that narrative was locally elaborated and given concrete material and biographical form – which is what makes provincial and district museums irreplaceable within the system of commemoration.

Key words: historical memory; Great Patriotic War; commemoration; regional museums; museum pedagogy; immersive technologies; memory studies; memory politics.

For citation: *Gavchuk G.S., Avdeeva M.D., Ivanov N.A., Schmidt A.K., Kim A.R.* Historical Memory of the Great Patriotic War in Regional Museums: Commemoration Practices, 2015–2024. Journal of the Kuban State University Historical Sciences. 2026. No. 3. P. 86–96.

Введение

Память о войне 1941–1945 гг. остаётся тем участком прошлого, где символическая нагрузка события заметно превышает объём собственно исторического знания о нём, доступного массовой аудитории. Музей – институт, работающий одновременно с вещью, текстом и переживанием, – оказывается в такой ситуации принципиально важным звеном в передаче

представлений о войне: он предъявляет не только версию событий, но и материальное свидетельство, с которым посетитель встречается лично.

Исследовательское внимание в отечественной литературе при этом долгое время распределялось неравномерно. Сюжеты, связанные с крупными федеральными комплексами, разработаны существенно полнее, чем практика областных, городских и районных музеев, – притом что именно на последние приходится основная часть музейной сети страны.

Теоретическая рамка работы задана классическими исследованиями коллективной и культурной памяти. М. Хальбвакс развёл живую групповую память, поддерживаемую непосредственным опытом и общением, и память историческую, от этого опыта уже отдалённую [12, с. 16–18]. Я. Ассман описал механизм перехода коммуникативной памяти в культурную – закрепление воспоминания в институциональных формах и «фигурах воспоминания» после того, как поколение свидетелей уходит [2, с. 54–67]. П. Нора предложил понятие мест памяти: точек кристаллизации там, где непрерывная памятная среда утрачена и сохранить прошлое способны лишь специально отведённые для этого объекты и институты [9, с. 17–20]. Для настоящего исследования существенно, что музей войны в регионе попадает сразу в обе рамки – он и институт культурной памяти, и место памяти в норионовском смысле.

Применительно к российскому материалу продуктивной оказалась категория коммеморации. М.Л. Шуб трактует её как совокупность способов закрепления, сохранения и передачи в обществе памяти о прошлом, обладающих выраженным образовательным и воспитательным потенциалом [16, с. 80–81], а в соавторстве с Л.Б. Зубановой предлагает социологическую операционализацию коммеморативных практик [4, с. 49–51]. И.С. Огоновская, обращаясь к военной истории, предложила классификацию коммеморативных актов и рассмотрела коммеморацию как инструмент воспитания [10, с. 238].

Музейное измерение проблемы отражено в работах Л.Н. Мазур о мемориальном музее как участнике конструирования государственного мифа [8, с. 102–105], Е.И. Красильниковой и И.А. Вальдмана о региональном уровне политики памяти в Сибири [7, с. 47–50], О.Н. Шелегиной, впервые обобщившей опыт коммеморативных практик музеев локальной истории Сибирского региона [13, с. 74–76; 14, с. 88–91]. Способы репрезентации войны в крупных музейных пространствах и роль цифровых технологий в них проанализированы Л. В. Коробицыной [6, с. 101–103] и С.Г. Давыдовым [3, с. 99–102]; критический разбор музея памяти как особого типа институции выполнен О.К. Шиманской и Д.И. Колесовым на примере комплекса «Дорога памяти» [15, с. 64–68].

Историческую глубину сюжету придают работы М.Р. Каюмовой о военной теме в экспозициях музея-заповедника «Кижи» 1960–1980-х гг. [5, с. 77–80], Д.А. Аникина о преемственности советских коммеморативных форм и новейших практик [1, с. 27–31] и Г.А. Ткачевой о региональном

дискурсе памяти о войне на дальневосточном материале [11, с. 218–222]. Их совокупный вывод существен для дальнейшего изложения: региональные формы работы с военным наследием складывались задолго до нынешнего десятилетия и многое из того, что сегодня выглядит новацией, имеет советскую предысторию.

Цель статьи – охарактеризовать конфигурацию коммеморативных практик региональных музеев в 2015–2024 гг. и определить, какие изменения этого десятилетия следует считать структурными, а какие – конъюнктурными, связанными с юбилейным циклом. Работа носит теоретико-аналитический характер: источниковую базу составляют нормативные акты федерального уровня, открытые материалы межмузейных проектов и корпус опубликованных исследований. Метод – аналитический обзор и обобщение опубликованных данных.

Основная часть

Хронологические границы 2015–2024 гг. выбраны не произвольно. Нижняя граница – 70-летие Победы, после которого юбилейная логика окончательно закрепилась как основной ритм музейного планирования. Верхняя– канун 80-летия, когда сложившиеся форматы успели пройти полный цикл воспроизводства и потому доступны оценке не по замыслу, а по результату.

Базовые условия работы музеев с военным наследием задаёт Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [17], определяющий режим хранения, учёта и публикации предметов. Именно он делает возможной цифровую доступность коллекций, о которой речь пойдёт далее.

Ключевым организационным событием периода стало объявление 2020 г. Годом памяти и славы Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 2019 г. № 327, принятым в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы [18]. Предписаний музеям указ не содержал, но задал общий календарь, к которому оказались привязаны экспозиционные планы федерального, регионального и муниципального уровней.

Вторая линия – формирование горизонтальных межмузейных структур. Международный проект «Территория Победы», начатый по инициативе Музея Победы в ноябре 2017 г. на площадке Санкт-Петербургского международного культурного форума, к концу 2024 г. объединял 292 музея из 87 регионов России и 7 зарубежных государств, предоставляя участникам методическую поддержку и готовые выставочные материалы [19]. Значение такого объединения не сводится к логистике. Оно создаёт канал стандартизации музейного языка: районный краеведческий музей получает доступ к экспозиционным решениям столичного уровня, но вместе с ними принимает и определённую схему интерпретации. Отсюда

двойственный эффект, к которому придётся вернуться, – рост профессионального качества при сужении интерпретационной вариативности.

Третья линия связана с расширением тематики. Всероссийский выставочный проект «Без срока давности», стартовавший в 2020 г. и охвативший десятки регионов [20], перенёс акцент с фронтовой истории на судьбу гражданского населения оккупированных территорий и ввёл в музейный оборот массив рассекреченных архивных документов. Для региональных музеев это означало появление нового типа выставки – документальной, построенной не на предмете, а на источнике, и требующей от посетителя иного, более медленного режима восприятия.

Наконец, изменилась структура аудитории. Запуск программы «Пушкинская карта» в сентябре 2021 г. сделал школьников и студентов устойчивой и статистически весомой частью музейной публики, что отразилось на форматах: возросла доля коротких тематических программ, квестов и занятий, рассчитанных на организованные группы. Общая посещаемость российских музеев после спада 2020–2021 гг. восстановилась и продолжила расти – в 2025 г. она превысила 197 млн посещений, что на 12% больше показателя предыдущего года [21].

Наиболее содержательный результат десятилетия состоит, на наш взгляд, не в увеличении числа мероприятий, а в устойчивом разделении труда между уровнями музейной системы. Крупные федеральные комплексы взяли на себя производство общенационального нарратива войны как целостного события – с хронологией, ключевыми сражениями и итоговым смыслом. Региональный музей в этой конфигурации работает с иным материалом: с тем, как война выглядела из конкретной точки пространства.

О.Н. Шелегина, обобщая сибирский опыт, показывает, что коммеморативное направление даёт музею локальной истории научно-образовательный эффект и встраивает его в региональное социокультурное пространство именно за счёт соединения общесобытийного и персонального планов [13, с. 76–78]. Экспозиционные комплексы такого музея строятся вокруг эвакуации предприятий, работы госпиталей, продовольственного и мобилизационного вклада области, пионерского движения военных лет, бытовой повседневности тыла. Общероссийские даты – начало войны, битва за Москву, Сталинград, Курск, Победа – присутствуют здесь как рамка, внутри которой размещается местный материал.

У такого соотношения двойное следствие. Локальный сюжет придаёт канону предметность: посетитель видит не абстрактный «тыл», а конкретный завод, чьи корпуса он проходит по дороге в музей. Но одновременно возникает риск, отмеченный в критической литературе: уход в частную и семейную историю позволяет музею избегать обобщающих выводов и сглаживать противоречия прошлого вместо того, чтобы делать их

предметом обсуждения [15, с. 70–72]. Сильная сторона регионального музея – конкретность – оказывается заодно и способом уклониться от интерпретационной ответственности.

Обращение непрофильных музеев к военной теме не является изобретением последнего десятилетия. Материал музея-заповедника «Кижи» 1960–1980-х гг. показывает, что архитектурно-этнографическая институция включала военный сюжет в свои экспозиции задолго до нынешнего мемориального подъёма, хотя и в иных идеологических формах [5, с. 79–82]. Преемственность здесь важнее новизны: Д.А. Аникин справедливо указывает, что современные коммеморации опираются на символические практики, выработанные в советский период, осуществляя не замену, а пролонгирование уже имеющихся форм [1, с. 31–35].

Описанный в литературе материал позволяет свести коммеморативную деятельность регионального музея рассматриваемого периода к четырём взаимосвязанным типам.

Экспозиционно-выставочная практика остаётся базовой. Её характерная черта в 2015–2024 гг. – модульность: тематико-хронологическая структура с выделением событийных комплексов, позволяющая перекомпоновывать материал под очередную дату и включать привлечённые извне выставки [13, с. 74–75]. Этот тип легче всего поддаётся стандартизации через межмузейные проекты.

Музейно-педагогическая практика оформилась в самостоятельное направление с собственной методикой. Занятие в музее перестало быть сокращённой экскурсией и приобрело структуру урока – с задачей, работой с источником и рефлексивным завершением. Существенно, что аудиторией стали не только школьники: технологии музейной педагогики активно переносятся в образовательное и воспитательное пространство вуза.

Партисипативная, или собирательская, практика – наиболее интересное новшество периода. Источниковая база выставки формируется при участии жителей: сотрудники музея интервьюируют родственников фронтовиков и тружеников тыла, принимают на временное или постоянное хранение личные вещи, документы, фотографии. О.Н. Шелегина отмечает, что в ходе такой работы у потенциальной аудитории формируется чувство сопричастности и личная мотивация к посещению, а семейные коммеморативные практики получают музейное воплощение [13, с. 78–80]. Музей выступает здесь не только как экспонент, но и как институт, достраивающий коммуникативную память сообщества в момент её угасания, – что прямо соответствует ассмановскому описанию перехода от коммуникативной памяти к культурной [2, с. 58–62].

Цифровая практика включает виртуальные туры, электронные базы данных об участниках войны, публикацию коллекций и присутствие в социальных сетях. Её значение неодинаково: для крупных институций это дополнительный канал, для небольших районных музеев – иногда единственный способ выйти за пределы локальной аудитории.

Наиболее обсуждаемое изменение десятилетия – смещение музейного сообщения от передачи знания к производству переживания. Л.В. Коробицына, анализируя крупнейшие российские музеи военной тематики, фиксирует, что цифровизация музейного пространства расширяет аудиторию и повышает интерес к истории страны [6, с. 103–106]; С.Г. Давыдов связывает эффективность музейных комплексов с решением задач информированности молодёжи [3, с. 100–103]. Эта позитивная оценка нуждается в уточнении.

Детальный разбор комплекса «Дорога памяти», открытого в 2020 г. в парке «Патриот» и включающего галерею протяжённостью в 1418 шагов и 35 залов, 26 из которых иммерсивные, показывает, что иммерсивность реализуется здесь преимущественно как визуальность: посетитель не столько вовлекается в действие, сколько наблюдает мультимедийное пространство извне [15, с. 65–70]. Более существенно другое наблюдение авторов: аутентичность, свойственная историческому музею, замещается достоверностью – свойством репрезентационным, характеризующим стремление погрузить человека в прошлое. Возникающие композиции могут быть внутренне убедительными, не будучи при этом реально возможными.

Для региональных музеев у этого сюжета есть практическое измерение. Тиражирование иммерсивных решений в условиях ограниченного бюджета обычно означает замену подлинного предмета проекцией или репликой. Между тем предметная подлинность и составляет основной ресурс небольшого музея: у него нет ни бюджета федерального комплекса, ни его аудитории, но есть вещи, которых больше нет нигде. Отказ от этого преимущества в пользу технологической современности стратегически сомнителен. Продуктивнее выглядит комбинированная модель, при которой мультимедиа обеспечивает контекст, а смысловым центром зала остаётся подлинник с внятной легендой бытования.

Анализ материала позволяет выделить несколько дискуссионных узлов.

Первый – соотношение унификации и вариативности. Межмузейные проекты дают региональным институциям ресурс, но одновременно распространяют единый экспозиционный язык. Мера, в которой готовая выставочная схема вытесняет собственное исследование фондов, пока не измерена и заслуживает специального изучения.

Второй – соотношение истории и памяти внутри музейного нарратива. Разделение потока посетителя на «пространство истории» и «пространство памяти», описанное на материале «Дороги памяти» [15, с. 73–75], в миниатюре воспроизводится и в региональных экспозициях, где документальный ряд и эмоциональный ряд нередко существуют параллельно, не образуя единого высказывания.

Третий – вопрос об измеримости результата. Литература о коммеморации оперирует преимущественно качественными

характеристиками, тогда как заявляемые музеями воспитательные эффекты по своей природе требуют верификации. Распространение количественных методик на военно-историческую тематику остаётся задачей на будущее.

Четвёртый – этическая рамка работы с материалом проекта «Без срока давности». Документы о преступлениях против гражданского населения ставят перед региональным музеем задачу, к которой традиционная краеведческая экспозиция не была приспособлена: показать травматическое содержание, не переводя его в регистр аттракциона и не оставляя посетителя, особенно школьника, без интерпретационной поддержки.

Заключение

Период 2015–2024 гг. в работе региональных музеев с памятью о Великой Отечественной войне правомерно рассматривать как завершённый цикл. Его содержанием стало не столько появление принципиально новых форм, сколько институциональное оформление уже существовавших: юбилейный календарь превратился в основу планирования, межмузейная кооперация – в постоянно действующий механизм, партисипативное комплектование – в признанный метод, цифровое присутствие – в норму.

Основной результат десятилетия – закрепление за региональным музеем особой функции. Он не ретранслирует общенациональный нарратив, а осуществляет его локальную доводку, в ходе которой общая схема события обретает предметную и биографическую конкретность. Именно эта функция, а не оснащённость мультимедийным оборудованием, определяет незаменимость областного и районного музея в системе коммеморации. Соответственно, наиболее уязвимой точкой представляется не техническое отставание таких музеев, а возможная утрата ими собственного исследовательского содержания при переходе на готовые выставочные решения.

Дальнейшая разработка темы требует перехода от обобщения опубликованных наблюдений к систематическому обследованию музейной сети: сопоставительному анализу экспозиционных решений в пределах одного федерального округа, изучению структуры поступлений военного времени в фонды за последнее десятилетие и исследованию того, как посетители разных возрастных групп реконструируют музейное сообщение о войне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аникин Д.А. Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 1. С. 27–42.

2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Давыдов С.Г. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 99–106.

4. Зубанова Л.Б., Шуб М.Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 48–60.

5. Каюмова М.Р. Память о Великой Отечественной войне в экспозициях музея-заповедника «Кижи» в 1960–1980-х годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 77–84.

6. Коробицына Л.В. Великая Отечественная война: способы репрезентации в современном музейном пространстве // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 101–109.

7. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – начала XXI в.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54.

8. Мазур Л.Н. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119.

9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

10. Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Оренбург, 28–29 мая 2021 г.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 237–241.

11. Ткачева Г.А. Дискурс исторической памяти о Великой Отечественной войне в дальневосточном обществе 2020-х гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 42. С. 218–234.

12. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

13. Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории Сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020. № 3 (39). С. 74–82.

14. Шелегина О.Н. Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8. С. 87–99.

15. Шиманская О.К., Колесов Д.И. Конструирование коллективной памяти о Второй мировой войне в пространстве современного музея // Россия и АТР. 2023. № 4. С. 64–79.

16. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

17. Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 2019 г. № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Международному проекту «Территория Победы» – 7 лет! // Территория Победы: URL: https://territoriyapobedi.ru/news/mezhdunarodnomu-proektu-territoriya-pobedyi-7-let/

20. Организация выставок // Без срока давности: URL: https://без срока давности.рф/deyatelnost/organizacziya-vystavok/.

21. Количество посещений музеев в России выросло на 12% в 2025 году // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/563058-kolicestvo-posesenij-muzeev-v-rossii-vyroslo-na-12-v-2025-godu.

REFERENCES

1. Anikin D.A. War commemoration in the educational space of modern Russia: Soviet heritage and new practices // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2024. No. 1. P. 27–42.

2. Assmann J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / transl. from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004.

3. Davydov S.G. Museum complexes and the formation of historical memory about the events of the Great Patriotic War // Modern Scientific Thought. 2020. No. 4. P. 99–106.

4. Zubanova L.B., Shub M.L. Captured memory: a sociological analysis of commemoration practices // Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art History. 2022. No. 47. P. 48–60.

5. Kayumova M.R. Memory of the Great Patriotic War in the exhibitions of the Kizhi Museum Reserve in the 1960s–1980s // Proceedings of Petrozavodsk State University. 2024. Vol. 46, No. 4. P. 77–84.

6. Korobitsyna L.V. The Great Patriotic War: ways of representation in the modern museum space // History: Facts and Symbols. 2020. No. 2(23). P. 101–109.

7. Krasilnikova E.I., Waldman I.A. Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the region (Siberia in the 20th – early 21st century) // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2020. Vol. 26, No. 1. P. 47–54.

8. Mazur L.N. Memorial museums of political figures in the space of historical memory of modern Russia // Dialogue with Time. 2019. Iss. 66. P. 100–119.

9. Nora P. The problematics of sites of memory // France-Memory. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1999. P. 17–50.

10. Ogonovskaya I.S. Commemorative practices as a tool for preserving the memory of Russia's military history // One tragedy and one Victory for all: proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War (Orenburg, May 28–29, 2021). Orenburg: OGPU Publishing House, 2021. P. 237–241.

11. Tkacheva G.A. The discourse of historical memory of the Great Patriotic War in Far Eastern society in the 2020s // Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, FEB RAS. 2023. No. 42. P. 218–234.

12. Halbwachs M. Collective and historical memory // Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe. Moscow: New Literary Review, 2005. P. 16–50.

13. Shelegina O.N. Commemorative practices in museums of local history in the Siberian region // Bulletin of the Buryat Scientific Center, SB RAS. 2020. No. 3(39). P. 74–82.

14. Shelegina O.N. Historical content of socio-cultural practices in the Siberian region in the first decades of the 21st century // Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2021. Vol. 20, No. 8. P. 87–99.

15. Shimanskaya O.K., Kolesov D.I. Constructing collective memory of World War II in the space of the modern museum // Russia and the Asia-Pacific Region. 2023. No. 4. P. 64–79.

16. Shub M.L. Modern commemorative practices: educational and upbringing potential // Chelyabinsk Humanitarian. 2016. No. 3(36). P. 80–87.

17. Federal Law of May 26, 1996 No. 54-FZ “On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation” (with amendments and additions) // Legal reference system “Consultant Plus”.

18. Decree of the President of the Russian Federation of July 8, 2019 No. 327 “On holding the Year of Memory and Glory in the Russian Federation” // Legal reference system “Consultant Plus”.

19. The international project “Territory of Victory” turns 7! // Territory of Victory. URL: https://territoriyapobedi.ru/news/mezhdunarodnomu-proektu-territoriya-pobedyi-7-let/

20. Exhibition organization // No Statute of Limitations. URL: https://без срока давности.рф/deyatelnost/organizacziya-vystavok/.

21. The number of museum visits in Russia increased by 12 % in 2025 // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/563058-kolicestvo-posesenij-muzeev-v-rossii-vyroslo-na-12-v-2025-godu

Информация об авторах

Гавчук Галина Сергеевна, младший научный сотрудник, Сергиево-Посадский музей-заповедник, просп. Красной Армии, д. 144,141310, г. Сергиев Посад, Российская Федерация; midk@bk.ru; https://orcid.org/ 0009-0005-4529-8140.

Авдеева Мария Дмитриевна, студент, Сочинский государственный университет, ул. Пластунская, д. 94, 354003, г. Сочи, Российская Федерация, kobudokrd@yandex.ru.

Иванов Николай Александрович, преподаватель, Сочинский государственный университет, ул. Пластунская, д. 94, 354003, г. Сочи, Российская Федерация; ivanovnik45@yandex.ru; https://orcid.org/ 0009-0003-3300-8332.

Шмидт Анна Карловна, аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, просп. Гагарина, д. 23, 603022 г. Нижний Новгород, Российская Федерация; charles_evreux@mail.ru.

Ким Александр Родионович, студент 1 курса магистерской программы «Legal Tech», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101000, г. Москва, Российская Федерация; ogesdam985@gmail.com; https://orcid.org /0009-0003-5445-5705.

Information About the Authors

Galina Sergeevna Gavchuk, Research Assistant, Sergiev Posad Museum-Reserve, ave. Red Army, 144, 141310, Sergiev Posad, Russian Federation; midk@bk.ru; https://orcid.org/ 0009-0005-4529-8140.

Avdeeva Maria Dmitrievna, student, Sochi State University, Plastunskaya St., 94, 354003, Sochi, Russian Federation, kobudokrd@yandex.ru.

Ivanov Nikolai Alexandrovich, Lecturer, Sochi State University, Plastunskaya St., 94, 354003, Sochi, Russian Federation; ivanovnik45@yandex.ru; https://orcid.org/ 0009-0003-3300-8332.

Schmidt Anna Karlovna, Postgraduate, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Prospekt Gagarina, 23, 603022, Nizhny Novgorod, Russian Federation; charles_evreux@mail.ru.

Kim Alexander Rodionovich, 1st-year student of the Master’s programme “Legal Tech”, National Research University “Higher School of Economics”, 20 Myasnitskaya Street, 101000, Moscow, Russian Federation; ogesdam985@gmail.com; https://orcid.org/0009-0003-5445-5705.

УДК 327:339.9(470+575.1)

Научная статья / Research article

«ПОВОРОТ НА ВОСТОК»: ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РОССИЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Шманяк Всеволод Андреевич
Краснодарский политехнический техникум, Краснодар, Россия
vshmanyak@yandex.ru

Аннотация. Анализируется воздействие глобальных экономических и политических процессов, в частности, построение однополярной модели мира под эгидой США, на эволюцию российско-узбекистанских отношений в период с 1992 по 2026 г. Обозначается, по каким причинам не удалось осуществиться надеждам мирового сообщества на то, что однополярная модель международных отношений сможет стать гарантом мира и стабильности. Приводятся примеры того, как страны Запада нарушают международное право ради своих интересов. Рассматривается такой важный современный процесс, как «поворот на Восток», который стал ответом России на санкционное давление со стороны стран Запада и приближение блока НАТО к российским границам. В рамках этого процесса Россия продвигает новую модель миропорядка – многополярную, в контексте которой формируется более сложная система сдержек и противовесов, призванная не допустить нарушения международного права в интересах одной страны. Показано, как этот процесс влияет на развитие двусторонних связей России и Узбекистана, что Узбекистан, используя многовекторную модель современной политики, превращается из российской периферии в ключевого транзитного партнёра целого ряда стран, входящих в состав межгосударственных объединений ШОС и БРИКС. Рассмотрены условия для формирования многополярной модели мира, среди которых отмечены отказ от доллара и укрепление равноправного сотрудничества между странами. Делается вывод о том, что современные мировые экономические и политические процессы, такие как «поворот России на Восток», оказывают положительное влияние на российско-узбекистанские отношения. Узбекистан осуществляет многовекторную политику, укрепляя свой суверенитет и налаживая торговлю. Большое значение на дальнейшее развитие отношений России и Узбекистана будет оказывать способность Москвы и дальше выступать конкурентоспособным партнером для Ташкента, чему способствует успешное развитие ШОС и БРИКС.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, Узбекистан, глобализация, глобализм, однополярный мир, поворот на Восток, многополярность, ШОС, БРИКС.

Для цитирования: *Шманяк В.А.* «Поворот на Восток»: влияние мировых экономических и политических процессов на российско-центральноазиатские отношения (на примере Узбекистана) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С.97–114.

«TURNING TO THE EAST»: THE IMPACT OF GLOBAL ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES ON RUSSIAN-CENTRAL ASIAN RELATIONS (CASE STUDY OF UZBEKISTAN)

Shmanyak Vsevolod Andreevich
Krasnodar Polytechnic College, Krasnodar, Russia
vshmanyak@yandex.ru

Summary. The article analyzes the impact of global economic and political processes, such as the construction of a unipolar world model led by the United States, on the evolution of Russian-Uzbek relations in the period from 1992 to 2026. The author outlines the reasons why the hopes of the international community that the unipolar model of international relations could become a guarantor of peace and stability could not be realized. Examples are given of how the collective West, led by the United States, violated international law for the sake of its interests. Such an important modern process as the "turn to the East" is being considered, which became Russia's response to the sanctions pressure from the collective West and the approach of the NATO bloc to the Russian borders. As part of this process, Russia is promoting a new model of the world order – a multipolar one, in the context of which a more complex system of checks and balances is being formed, designed to prevent violations of international law in the interests of one country. The article examines how this process affects the development of bilateral relations between Russia and Uzbekistan. It is shown that Uzbekistan, using the multi-vector model of modern politics, is turning from the Russian periphery into a key transit partner of a number of countries that are members of the SCO and BRICS interstate associations. The article examines the conditions for the formation of a multipolar model of the world, among which the rejection of the dollar and the strengthening of equal cooperation between countries are noted. It is concluded that modern global economic and political processes such as Russia's "turn to the East" have a positive impact on Russian-Uzbek relations. Uzbekistan implements a multi-vector policy, strengthening its sovereignty and establishing trade. Moscow's ability to continue to be a competitive partner for Tashkent will be of great importance for the further development of relations between Russia and Uzbekistan, which is facilitated by the successful development of the SCO and BRICS.

Keywords: Russia and Uzbekistan, globalism, unipolar world, turn to the East, multipolarity, SCO, BRICS.

For citation: Shmanyak V.A. “Pivot to the East”: the influence of global economic and political processes on Russian-Central Asian relations (using Uzbekistan as an example) // Bulletin of the Kuban State University. Historical Sciences. 2026. No. 3. P. 97–114.

Введение

Одной из ключевых тенденций развития современного мира можно обозначить глобализацию. В рамках этого процесса формируется единое мировое экономическое, политическое и культурное пространство. Границы постепенно стираются, укрепляются связи между представителями разных стран, культур и религий. Прежде всего это касается работы транснациональных корпораций, однако вслед за ними активнее развиваются культурные связи, которые помогают людям осознать себя как

часть единого целого. Процесс глобализации начал ускоряться после завершения холодной войны, а наиболее активно мировое сообщество стало обсуждать его в начале XXI в. Причиной этого следует обозначить ликвидацию биполярной системы международных отношений, сложившуюся после распада СССР.

Распад Советского Союза стал одним из самых трагичных событий в отечественной истории. Он привел к утрате многого из того, что было достигнуто ранее во внешней и внутренней политике, экономике и научно-техническом прогрессе государства. Одновременно с этим пересмотр внешней политики, переориентированной на западные страны – США и Европу, привел к отказу от старых договоренностей с рядом азиатских и африканских стран, в том числе и с Индией. Полного отказа не произошло, однако многие совместные проекты на тот момент были свернуты, объем товарооборота сократился, равно, как и была утрачена определенная степень доверия.

На смену биполярной системе пришла однополярная модель миропорядка, центром которого стали страны Запада во главе с США. И именно они стали активно продвигать идею глобализации. Важно понимать, что глобализация – это процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции. Однако, как показала практика, целью стран Запада было создание системы глобализма. Несмотря на схожие названия, глобализм, по сути, является продолжением идеи неоколониализма. Глобализм, реализуемый странами Запада, – это идеология, обосновывающая их стремление к навязыванию своей воли другим странам и установлению мирового господства. Конечная цель глобализма стран Запада – это создание системы, при которой международная политика и экономика функционируют исключительно в интересах стран Запада. Именно они развивали наукоемкие производства и выступали арбитрами в разрешении международных споров. Остальным же государствам в рамках неоглобализма отведена роль сырьевых баз и рынков сбыта.

Теоретико-методологическую базу данного исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам трансформации международных отношений, эволюции внешнеполитических стратегий постсоветских государств, а также вопросам экономической интеграции на евразийском пространстве. Ключевое значение при анализе геополитических глобальных последствий как фона для развития отношений России со странами Центральной Азии играли работы коллектива авторов, возглавляемого С.М. Роговым [1], которые рассматривали деятельность США на постсоветском пространстве. Исследование М.С. Рамича [2] посвящено сравнению внешней политики республик Центральной Азии. Публикации К.К. Рахимова [3], а также работы В.В. Парамонова, А.В. Строкова и О.А. Столповского [4] посвящены изучению экономического сотрудничества между странами региона и отношению Узбекистана к российской внешней политике в

Центральной Азии. Взаимоотношениям России и Китая в регионе посвящена статья Ц. Сяофэнь [5]. Нормативно-правовую основу работы составляет анализ стратегических документов, таких как «Национальная военная стратегия» США (2015), и инициатив в рамках ШОС и БРИКС [6].

Цель данной статьи заключается в определении того, каким образом современные глобальные экономические и политические процессы воздействуют на двусторонние отношения России и Узбекистана в период с 1992 по 2026 г.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

1. Охарактеризовать современные геополитические процессы на примере политики ведущих мировых держав: экспансия США через блок НАТО и реализация российской концепции «поворота на Восток».

2. Определить место и роль Узбекистана в системе внешнеполитических приоритетов России.

3. Выявить влияние таких международных проектов как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС (англ. BRICS – сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa; межгосударственное объединение, союз государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии, Саудовской Аравии, Индонезии) на формирование многополярной модели мира.

4. Установить, каким образом все эти геополитические процессы влияют на российско-узбекистанские связи.

Для достижения поставленной цели и решения задач используются общенаучные и специально-исторические методы. Исследование проводится на основе принципов объективности и историзма. В работе применяются метод сравнительного анализа, систематизации и системный подход. Сравнительный анализ используется для сопоставления подходов России и стран Запада при взаимодействии со странами Центральной Азии. Метод систематизации используется для структурирования полученных данных для определения влияния мировых процессов на отношения России и Узбекистана. Системный подход применяется для целостного рассмотрения всех современных мировых экономических и политических процессов.

Основная часть

Ключевыми особенностями оформившегося в начале XXI в. глобализма можно обозначить следующие черты: доллар – как международная валюта, усиление блока НАТО; нарушение суверенитета ряда государств (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и др.); «цветные революции» как инструмент устранения неугодных режимов [1]. Все это обеспечивало господство коллективного Запада в международной политике. Те страны, которые пытались отстоять свои интересы, подавлялись

экономическими санкциями или в них организовывались перевороты. Наиболее яркими примерами того, что из себя представляет однополярный мир, могут служить бомбардировки Югославии в 1999 г., вторжение в Ирак в 2003 г. и падение режима Муамара Каддафи в Ливии в 2011 г. Все три случая приводили к росту хаоса в регионе, огромным человеческим жертвам и экономическому разрушению. США действовали исключительно в своих интересах совершенно безнаказанно, поскольку в мире не было равной им силы [4, с. 809].

Россия в то время оказалась в крайне тяжелом положении. Фактически был поставлен вопрос о дальнейшем существовании единого целостного независимого государства. Крах экономики сопровождался ростом сепаратистских настроений, утратой политического веса и, наконец, потерей влияния на постсоветском пространстве. Сохранившиеся связи носили чисто формальный характер, бывшие советские республики, в том числе Узбекистан, стремились проводить самостоятельную политику. При этом своей главной внешнеполитической цели – сблизиться со странами Запада, России добиться не удалось. Ее так и не приняли в НАТО, в других организациях, например G8, членство России носило исключительно формальный характер. Как результат, к середине 2000-х гг. стало ясно, что созданная по итогам холодной войны однополярная система несовершенна и отвечает интересам только определенного ряда стран [1].

Текущие интересы России на мировой арене, на первый взгляд, достаточно просты: она стремится обеспечить свою безопасность от все более нарастающей угрозы со стороны блока НАТО, который после 1991 г. неуклонно продвигался все ближе к российским границам. Мотивы подобного поведения были достаточно просты – ликвидировать даже малейшую возможность восстановления военной и политической мощи России, которой та обладала на пике своего могущества – в годы существования СССР. Соответственно, Россия принимает меры, нацеленные на то, чтобы защитить себя от этой завуалированной агрессии. Однако делать это решительными и грубыми методами Россия не может. И не столько в силу своего менталитета, никогда не имевшего агрессивные черты, сколько в силу отчетливого осознания неравенства сил. В случае, если Россия напрямую проявит открытую агрессию в отношении любой страны НАТО, то это будет означать, что она бросила вызов всему блоку. А в прямом военном противостоянии у России будет мало шансов в силу меньшего военного бюджета – армия США и их союзников смогут выиграть войну на истощение. Быстро же разгромить мощнейший военный блок современности не представляется возможным, а применение ядерного оружия приведет лишь к взаимному уничтожению. Такой исход событий ни НАТО, ни Россию, естественно, не устраивает.

Уже во второй половине 1990-х гг. российская дипломатия начала принимать меры по восстановлению и развитию связей со странами Востока. Прежде всего это касалось Китая, поскольку после распада СССР

между Москвой и Пекином оказались исчерпаны идеологические противоречия [7, с. 141]. Но с другими странами связи в тот период развивались не так активно.

Важную роль в этом процессе сыграл министр иностранных дел Е.М. Примаков. Именно он принял важное решение об отказе от поддержания курса, получившего название «атлантизм» и заключавшегося в сближении исключительно со странами Запада. Е.М. Примаков обозначил необходимость налаживания внешнеполитических связей со всеми регионами мира, в первую очередь со старыми азиатскими партнерами, такими как Индия, с которой после 1991 г. активных контактов не поддерживалось. Для реализации данной цели Е.М. Примаков в 1998 г. отправился в Индию с официальным визитом. Помимо обсуждения существующих проблем, таких как снижение объемов торговли и ослабление дипломатических связей, была предложена идея создания системы стратегического партнерства в рамках трех государств: Россия, Индия и Китай. И хотя в тот период это носило характер исключительно перспективного проекта, в настоящее время можно констатировать, что заложенная тогда идея была развита и сейчас успешно функционирует в рамках нескольких экономических организаций. Их примером могут служить такие структуры, как ШОС и БРИКС, основа для создания которых сформировалась именно тогда во многом стараниями Е.М. Примакова, деятельность которого, по мнению нынешнего министра иностранных дел России С.В. Лаврова, получила название «доктрина Примакова» [8].

Своей деятельностью Е.М. Примаков фактически обозначил несостоятельность политической линии, проводимой с момента возникновения Российской Федерации, ориентированной на контакты исключительно с западными странами. В силу географической расположенности и опыта длительных отношений с государствами Азии такая концепция представлялась нежизнеспособной. И хотя пребывание Е.М. Примакова на посту министра иностранных дел было недолгим, а его кандидатура подвергалась критике западными партнерами, ценность возрождения многовекторной российской внешней политики трудно переоценить. Дипломат Алексей Федотов отмечал, что, будучи на этом посту, Е.М. Примаков «вернул внешней политике России и её дипслужбе достоинство» [7].

Деятельность Е.М. Примакова была поддержана и развита уже новым российским лидером. Заняв пост президента в 2000 г., В.В. Путин совершил ряд поездок в страны Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока, в ходе которых происходило обновление старых договоренностей и заключение новых. Для отношений России с другими странами это имело огромное значение, поскольку ранее все связи поддерживались на основе еще советских договоренностей.

Став президентом, В.В. Путин не отказался от партнерских связей со странами Запада, они продолжали развиваться и укрепляться. Вместе с тем

Москву все больше беспокоило приближение блока НАТО к российским границам. В ответ на это в 2007 г. была озвучена знаменитая «Мюнхенская речь» В.В. Путина, в которой он раскритиковал однополярную систему миропорядка и обозначил, что Россия будет принимать меры для защиты своего суверенитета. Готовность России на деле демонстрировать правдивость слов президента была доказана в августе 2008 г., когда российские войска отразили нападение Грузии на Южную Осетию. Россия не стала атаковать Тбилиси, а вернула войска назад, едва грузинская агрессия была остановлена.

Эти события привели к целому ряду последствий для региона Закавказья и мировой политики. Во-первых, Россия объявила о признании и поддержке Абхазии и Южной Осетии, хотя до этого выступала за переговоры с Грузией и рассчитывала на их интеграцию обратно с учетом предоставления им автономии. Во-вторых, Грузия не смогла вступить в НАТО и ЕС, что было основой политики президента М. Саакашвили. В-третьих, несмотря на ультиматум России и демонстрацию ее готовности защищаться, страны Запада не изменили своей политики, что в 2013 г. привело к украинскому кризису, который продолжается и в настоящее время. Евромайдан, свержение легитимного правительства В.Ф. Януковича, «крымская весна» и начало войны на Донбассе – все эти события четко обозначили для России, каких целей добивается коллективный Запад. Стоит отметить, что Запад не только не попытался урегулировать конфликт на Украине, но возложил всю вину за происходящее на Россию и начал в одностороннем порядке вводить санкции против нее [9].

«Национальная военная стратегия», опубликованная Пентагоном в июне 2015 г., обвиняет Россию в «агрессии на своей периферии» [5, p. 9]. В документе утверждается, что «военные действия России подрывают региональную стабильность» [5, p. 2]. Началось укрепление и расширение связей России с азиатскими государствами как альтернатива Европе. Начало специальной военной операции (СВО) показало правильность таких действий, ведь они не позволили обеспечить международную изоляцию России.

Россия вновь выступила как евроазиатская держава, балансирующая между Западом и Востоком. В этом отношении можно проанализировать всю внешнюю политику России за последние двадцать с лишним лет и определить, почему она стала инициатором создания БРИКС. Тот факт, что такое объединение, как БРИКС, оказалось возможно, стало следствием этого весьма сложного и поражающего своими масштабами переплетения интересов, противоречий и амбиций всего международного сообщества.

Возвращаясь к тесным отношениям со странами Азии, Россия желала обеспечить свою экономическую безопасность от посягательств Вашингтона и подконтрольных ему ЕС и НАТО. И та поддержка, которую Москва нашла в Пекине, Нью-Дели и столицах многих других регионов, не была случайной. Когда США обозначили себя ведущей мировой державой,

в качестве нового миропорядка была избрана политика обеспечения доминирования развитых стран и создания на их основе единого политико-экономического пространства. Всем остальным странам в данном процессе глобализации отводилась роль сырьевых баз, обеспечивающих их экономическое благополучие. То есть почти все страны Азии, Африки и Южной Америки должны были вновь стать колониями Запада.

Развитие отношений России со странами Азии получило название «поворот на Восток», что весьма точно по смыслу с учетом того, что после начала СВО большинство контактов с Западом было прервано. При этом даже без учета этих событий у России было достаточно целей для сближения с государствами Востока. Это и диверсификация внешнеэкономических связей, и сокращение зависимости от финансов и технологий Запада, а также постепенное формирование многополярной модели миропорядка как альтернативы однополярному миру с центром в США.

Узбекистан и другие страны Центральной Азии в этой связи получили собственную выгоду. Выражалось это в том, что именно через них Россия в значительной степени укрепляла связи с такими странами, как Китай и Индия. Из периферии Центральная Азия постепенно превращалась в место пересечения маршрутов азиатской торговли. Китай, Индия и Россия с их проектами ШОС, БРИКС и «Один пояс – один путь» стали для среднеазиатских стран достойной альтернативой США, пытавшихся развернуть в регионе натовские базы, и Турции с ее проектом объединения тюркских народов [10].

Страны Средней Азии, ранее входившие в состав Советского Союза и расположенные рядом с Афганистаном, остро осознавали существующие опасности для своего мирного существования. По этой причине они и приняли решение поддержать инициативу двух сильнейших государств региона – России и Китая – и создать организацию ШОС. Четыре из пяти молодых республик бывшего СССР – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан (кроме Туркменистана) – стали членами многосторонней структуры.

Разумеется, организация за более чем двадцать лет своего существования столкнулась с определенными проблемами. Во многом они были связаны с тем, что некоторые государства, вступившие в организацию, имели взаимные территориальные, экономические и политические претензии. Однако, несмотря на это, ШОС не только сумела сохранить свой первоначальный состав, но и значительно его расширить. В настоящее время в качестве постоянных членов данной организации числится девять государств: Индия, Иран, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Помимо этого, в организации имеются наблюдатели: Афганистан, Беларусь и Монголия. Азербайджан, Армения, Египет, Саудовская Аравия, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка выступают в качестве партнеров по диалогу с организацией.

Общая территория входящих в ШОС стран составляет более 35 млн км², т. е. 65% территории Евразии. Общая численность населения стран ШОС примерно равна 3,5 млрд чел. (2022 г.) [11], т. е. половина населения планеты. Экономика КНР – вторая экономика мира по номинальному ВВП, первая по ВВП по паритету покупательной способности (с 2014 г.); экономика Индии — третья по ВВП (ППС). Россия, Китай, Индия и Иран входят в «космический клуб».

За период своего существования организация не только расширилась, но и сумела выработать единую систему взаимодействия. Страны, входящие в состав организации, смогли наладить эффективное сотрудничество в различных сферах международных отношений, таких как борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и наркотрафиком. Эти меры позволили гарантировать безопасность в азиатском регионе, стабильное экономическое развитие и взаимовыгодные отношения во всех сферах межгосударственных отношений. При этом долго существовал вопрос относительно того, какое определение следует дать данной структуре [12].

Большое значение имел тот факт, что Россия не стремилась укрепить исключительно свои позиции, она выступала за взаимовыгодную торговлю и равноправные отношения в этом объединении. Это приносит выгоду всем сторонам. Для Узбекистана и других стран Средней Азии это означает, что они могут отстаивать свои интересы и действовать как суверенные государства, ради чего они в свое время и вышли из состава СССР. Ко всему прочему они получают от этого еще и выгоду в виде роста торговли, укрепления научно-технических и культурных связей, совместной борьбы с терроризмом. Для России же это означает, что удается ослабить влияние США и Турции в регионе без необходимости значительных затрат и установления прямого контроля, как, к примеру, через развертывание военных баз. Равноправие означает как равную выгоду, так и равную ответственность за поддержание этих связей[12, с. 103].

Говоря о развитии российской внешней политики в отношении Узбекистана и всего региона Средней Азии, можем констатировать, что для этих связей с самого начала имелись как предпосылки, так и препятствия. Говоря о предпосылках, обозначим, что страны Средней Азии долгое время существовали в рамках Российского государства. Причем они были не колониями, а равноправными регионами в составе единого государства. Это способствовало возникновению общих транспортных, производственных, энергетических и образовательных структур. Также активно развивались научные и культурные связи, а русский язык превратился в инструмент межнационального общения и единства. Страны Средней Азии, в том числе Узбекистан, и Россию связывают многие славные достижения и успехи, например, полет человека в космос, развитие ядерного оружия с энергетикой, победа в Великой Отечественной войне [13].

Противоречия во многом стали следствием роста националистических настроений в 1980-е гг. и распада единого государства в 1990-е гг. Страны

Центральной Азии отказались от многих связей в сферах экономики и культуры, начался отток этнических русских из этих государств. Авторитет Москвы был поставлен под сомнение, она воспринималась как угроза суверенитету, что привело к поиску альтернатив, одной из которых оказалась Турция с ее проектом объединения тюркских народов. Все эти факты приводили к тому, что общее прошлое с его выгодами и успехами длительное время не использовалось и даже разрушалось из-за отсутствия желания у центральноазиатских стран и возможностей у России развивать отношения [13].

После распада СССР на фоне усилившихся процессов глобализации страны Азии, в том числе и Узбекистан, получили прямой выход на рынки международной торговли. Однако это привело к необходимости вести конкурентную борьбу за право сбыта товаров и получение выгодных соглашений. Вместе с тем, страны Средней Азии столкнулись с реальной уязвимостью и неспособностью самостоятельно противостоять многим угрозам. Примером этого стала гражданская война в Таджикистане, которую удалось завершить лишь при поддержке миротворческого корпуса стран СНГ, возглавляемых Россией [8, с. 53].

Большое влияние на дипломатические связи России и Узбекистана оказывал схожий курс внешней политики двух стран. Россия была вынуждена корректировать свой курс с учетом того, что она выступала правопреемницей СССР и занимала важное место в мировой политической системе. Что касается Узбекистана, то с момента обретения независимости ему пришлось определять свое место в системе международных отношений. Основой внешней политики Узбекистана стало поддержание нейтралитета и связей с другими государствами постсоветского пространства. В связи с этим с самого начала дипломатические связи двух стран развивались на постоянной основе на высшем и высоком уровне [17]. Президенты двух стран, представители правительства и министры совершали регулярные взаимные визиты. Россия и Узбекистан развивали свои дипломатические связи не только в двустороннем формате, но и на площадке международных организаций, таких как СНГ, ШОС и ОДКБ. В 1990-е гг. две страны активно сотрудничали в борьбе с терроризмом и урегулировании локальных конфликтов в регионе, таких как гражданская война в Таджикистане. При этом Узбекистан налаживал связи в этом направлении и со странами Запада, прежде всего – США, которые в 2001 г. начали операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане.

С середины 2003 г. Узбекистан начинает постепенное укрепление связей с Россией как в политической, так и экономической сферах. В августе 2003 г. в Узбекистан с рабочим визитом прибыл В.В. Путин. Это стало первым визитом российского президента в Узбекистан и определило позицию России в развитии двустороннего сотрудничества. Большое значение уделялось торгово-экономическим связям, поскольку именно они обеспечивали взаимную выгоду от сотрудничества. Ответный визит

президента Узбекистана И.А. Каримова в апреле 2004 г. продолжил эту линию в отношениях двух стран. Результатом этой встречи стало подписание в Ташкенте 16 июня 2004 г. бессрочного Договора о стратегическом партнерстве. Помимо торгово-экономических связей была обозначена важность продолжения военно-политического сотрудничества, совместной борьба с терроризмом и укрепления связей в гуманитарной сфере. Таким образом, отношения двух стран приобретали разносторонний характер, а следующий документ – Договор о союзнических отношениях подтвердил важность обеспечения безопасности сразу на национальном, региональном и международном уровнях. Также было оговорено, что в случае нападения на одну из стран другая обязывалась оказать помощь [18].

В 2016 г. в Узбекистане произошла смена власти. После смерти президента И.А. Каримова 2 сентября 2016 г. были проведены выборы и новым главой Узбекистана стал Ш.М. Мирзиёев. При нем отношения с Россией во многом продолжали развиваться по старому курсу. При этом Узбекистан вновь усилил многовекторность своей внешней политики, укрепляя связи с другими странами. Это поставило вопрос о том, какое значение будет уделяться поддержанию и укреплению связей с Россией, особенно после начала СВО, когда страны Запада попытались добиться международной политической изоляции Москвы. Мирзиёев в своей внешней политике стремился укреплять связи с другими странами без вступления в различные интеграционные объединения. Так в 2021 г. был обновлен целый ряд соглашений и ратифицировано 18 двусторонних документов. К их числу относилось Совместное заявление о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [19]. Начало СВО на Украине не оказало значительного влияния на двусторонние связи России и Узбекистана, поскольку страны опираются на взаимную выгоду и уважение суверенитета друг друга. 15 сентября 2022 г. лидеры двух стран после встречи в рамках саммита ШОС подписали декларацию о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между двумя странами. Все это является демонстрацией поддержки Узбекистаном общего политического курса стран – участниц ШОС и БРИКС по формированию «справедливого мироустройства, исключающего использование двойных стандартов в вопросах поддержания международного мира и безопасности, основанного на многообразии цивилизаций, балансе сил и интересов всех участников международных отношений» [20]. Именно эти слова произнес президент Мирзиёев по итогам визита президента Путина в Узбекистан 26–27 мая 2024 г. При этом Узбекистан сохраняет нейтралитет по вопросу украинского кризиса и напрямую не вмешивается в ход событий.

Дипломатические связи двух стран на современном этапе основаны на согласии с необходимостью реформирования системы международных отношений и защите интересов всех государств. Они стремятся урегулировать межгосударственные конфликты мирным путем с опорой на Устав ООН и прочие документы международного права. Мирзиёев

поддерживает важность мирных переговоров по итогам СВО и восстановление дипломатических связей России со странами Запада. Согласно его мнению, это единственный исход, который позволит добиться окончательного решения противоречий.

Между тем текущий кризис однополярной модели мира и развития масштабных международных проектов, таких как ШОС и БРИКС, дает среднеазиатским странам возможность баланса между разными центрами политического влияния. Выбор между Россией, Китаем, Индией, США и Турцией дает возможность для маневрирования и позволяет избегать зависимости от одного центра влияния в мире [3]. Примером этого стало начало СВО. США и их союзники призвали все страны поддержать международную изоляцию России, однако они не смогли принудить Узбекистан и другие государства Средней Азии делать это против собственного желания. Понимая, что это приведет к разрыву выгодной торговли и научных связей, эти страны отказались прекращать отношения с Россией, однако и прямой поддержки ее действиям в рамках СВО не заявили. Россию такое положение дел устраивает: от стран Средней Азии ей нужна торговля и безопасность южных границ. В обмен на это она предоставляет кредиты и делает инвестиции, что закономерно устраивает государства этого региона.

Поворот России на Восток, вообще, стал сугубо выгодным для Центральной Азии: через их территорию пролегают новые логистические и финансовые маршруты, охватывающие всю Азию, укрепляется сотрудничество по линии ШОС. Безусловным преимуществом является отказ от доллара в межнациональной торговле и переход на собственную валюту, что сокращает расходы на закупку американских денег и укрепляет собственные денежные единицы торгующих государств [16].

Российско-узбекистанские отношения активно развиваются на современном этапе. Это подтверждается успешными результатами в самых разных отраслях, демонстрацией чего могут служить слова президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, произнесенные в речи 5 июня 2026 г. в рамках Петербургского экономического форума. В числе прочего президент Мирзиёев указал, что «за 10 лет взаимный товарооборот двух стран вырос более чем в три раза – с 4 до 13 млрд долларов. Текущий портфель совместных проектов с Россией превышает 50 миллиардов долларов» [21]. Так, за 2025 г. общий объем товарооборота составил 13 млрд долларов. При этом январь 2026 г. продемонстрировал рост торговли на 37%. Средний показатель роста торговли двух стран за первую половину 2026 г. составляет 20%. Одновременно с этим Россия и Узбекистан совместно осуществляют реализацию целого ряда крупных научно-технических проектов. Из них можно выделить строительство первой гибридной атомной станции в Джизакской области Узбекистана при участии российской компании «Росатом». Строительство стартовало 4 июня 2026 г., причем президенты России и Узбекистана дали разрешение на начало

стройки, находясь в Санкт-Петербурге. Кроме того, Россия с Узбекистаном организуют совместные промышленные парки в пяти регионах Узбекистана, а в Ташкенте уже начал работу вагоностроительный кластер [8].

Стоит отметить, что Россия заинтересована в развитии отношений со всеми странами Средней Азии в равной степени во многом по той причине, что регион в последнее время приобретает все большее значение в региональной и мировой политике. Президент Ш. Мирзиёев отметил, что «Сильная, консолидированная, экономически связанная, открытая и стабильная Центральная Азия отвечает стратегическим интересам всех наших партнеров» [21]. Если говорить о России, то ее стремление во многом заключается в построении многополярного мира, так что регион Средней Азии, расположенный по соседству с Россией и Китаем, имеет большое значение. Узбекистан и другие среднеазиатские страны отвечают взаимным интересам и стремятся отстаивать свои интересы, достигая равноправия и взаимного уважения.

Помимо уже реализуемых проектов, Ш. Мирзиёев в своей речи упомянул новые перспективные инициативы, такие как «Евразийский пояс технологической индустриализации», совместную Цифровую экосистему и Онлайн-платформу развития человеческого капитала, а также Креативно-туристический коридор «От Самарканда до Петербурга»[21]. Каждый из этих проектов представляет собой демонстрацию укрепления отношений России с Узбекистаном в определенной сфере международных отношений. «Евразийский пояс технологической индустриализации» планируется в качестве единой системы кластеров, сфокусированных на производстве и развитии технологий, расположенных на территории всей Евразии, а отдельно – Средней Азии. Основой для проекта намечено сделать платформы «Иннопром. Центральная Азия». В свою очередь совместная Цифровая экосистема должна стать основой для дальнейшего развития цифровой торговли, а вместе с тем – способствовать формированию единого цифрового профиля занятости населения. В числе прочего планируется включить в эту систему процесс продажи узбекистанских товаров через российские маркетплейсы. В настоящее время оборот товаров в этом направлении составляет 1,5 млрд долларов [21]. Развитию образования, профподготовке и рынку труда посвящена Онлайн-платформа развития человеческого капитала, что во многом переводит трудовую миграцию на новый, высокоорганизованный уровень. Что касается проекта «От Самарканда до Петербурга», то он посвящен культуре, проведению совместных фестивалей, организации выставок и других мероприятий. Таким образом, можно обозначить, что российско-узбекистанские отношения успешно развиваются по всем направлениям.

В современную эпоху цифровизации совместное развитие информационных технологий и их практическое применение – важный шаг по ускорению интеграционных процессов и усилению взаимовыгодного

сотрудничества. Президент Ш. Мирзиёев по этому поводу заявил, что «Если раньше инфраструктура означала дороги, трубопроводы и ЛЭП, то сегодня – это прежде всего цифровые платформы. Они формируют вокруг себя целую экосистему: рабочие места, логистику, платежные сервисы, новые экспортные возможности…» [14]. Все эти факты и заявления основываются на результатах последнего десятилетнего периода развития российско-узбекистанских отношений. Эти связи продолжают укрепляться вопреки различным вызовам и трудностям геополитической обстановки, таким как эпидемия COVID-19 в 2020 г. и начало СВО в 2022 г. с ужесточением санкционного давления стран Запада в отношении России [21].

31 августа 2026 г. на полях саммита ШОС в Бишкеке лидеры России и Узбекистана подтвердили сохранение положительной динамики и наметили новые направления сотрудничества, включая межрегиональные контакты и культурно-гуманитарный обмен. Встреча двух лидеров состоялась на полях церемонии открытия VI Всемирных Игр кочевников в Бишкеке, на стадионе «Бишкек-Арена». Как сообщили в пресс-службе президента Узбекистана, в рамках встречи были рассмотрены вопросы дальнейшего расширения и укрепления российско-узбекистанских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества [22].

Заключение

Можно констатировать, что в настоящее времямировые экономические и политические процессы оказывают благотворное влияние на отношения России со странами Востока, в частности, Центральной Азии. Если говорить о взаимодействии России с Узбекистаном, то их дальнейшее развитие будет зависеть от целого ряда факторов: 1) способность России и дальше оставаться выгодным партнером для Узбекистана; 2) сохранение нейтралитета Узбекистана в противостоянии России и коллективного Запада; 3) развитие и укрепление межгосударственных объединений, таких как ШОС и БРИКС.

Анализ современного состояния российско-узбекистанских отношений, озвученных в рамках выступления президента Узбекистана на Петербургском экономическом форуме в 2026 г., дает возможность констатировать, что Узбекистан занимает одно из ключевых мест в системе внешнеполитических приоритетов России. Помимо прямых встреч лидеров двух стран, ратификации договоров и совместных выступлений, укрепление отношений России и Узбекистана демонстрируется экономическими показателями: за 10 лет взаимный товарооборот вырос с 4 до 13 млрд долларов, в 2026 г. рост сохраняется на уровне 20% [8]. В настоящий момент две страны реализуют проекты общей стоимостью в 50 млрд долларов. Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев охарактеризовал Россию как «проверенного временем стратегического партнера и союзника», подчеркнув, что «Узбекистан и вся Центральная Азия становятся

самостоятельным центром экономического роста», где «формируется перекресток основных коммуникаций между Севером и Югом, Западом и Востоком» [14]. Все эти факты и заявления позволяют отметить, что в рамках внешней политики России Узбекистан является равноправным партнером в рамках Евразии в целом, и Средней Азии, в частности. Таким образом, отношения двух стран становятся неотъемлемой частью российской стратегии «поворота на Восток».

Кризис однополярного мира и поворот России на Восток создали условия для повторного сближения, укрепления связей, сохранения независимости и права на реализацию многовекторной внешней политики. Большое значение имеет тот факт, что текущие процессы глобализации приводят к тому, что страны выстраивают свои отношения на основе взаимной выгоды, а не идеологии. Ко всему прочему, сейчас, когда однополярный миропорядок с центром в США постепенно ослабевает и ему на замену приходит многополярная модель международного сотрудничества, Узбекистан и другие страны Центральной Азии имеют возможность балансировать между ними, сохраняя суверенитет и получая максимальную выгоду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рогов С.М., Бабич С.Н., Шариков П.А., Рогова Н.В., Гегелашвили Н.А., Петрова И.А., Нгуен М.М. Политика США в СНГ // Россия и Америка в XXI веке. 2015. Вып.3. URL: https://rusus.jes.su/s207054760010728-7-1/

2. Рамич М. С. Выбор центральноазиатских республик: Россия или Китай // Постсоветские исследования. 2008 Т. 1, № 8. С. 806–816.

3. Рахимов К.К. Инфраструктурные проекции геоэкономики в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. №4. С. 137–147.

4. Парамонов В.В. Внешняя политика России в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция). 2009. № 3. С. 101–117.

5. Сяофэнь Ц. Концептуальные подходы России и Китая в Центральной Азии: сходство и различия // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4. С. 74–83.

6. The National Military Strategy of the Untied States of America. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015.

7. Посольство Российской Федерации в Чешской Республике. URL: https://czech.mid.ru/press-rel/mer_27.htm.

8. Лавров: в недалёком будущем историки сформулируют такое понятие, как «доктрина Примакова», ТАСС (28 октября 2014). URL: https://tass.ru/politika/1537769.

9. S.2277 – Russian Aggression Prevention Act of 2014. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate.

10. Арабов А. «Один пояс, один путь» – что получит Узбекистан? //Kommersant.uz, 19.06.2017 URL: http://kommersant.uz/mnenie/odin-poyas-odinput, Китай и Узбекистан идут по пути совместного строительства «Одного пояса и одного пути» – посол КНР в РУ Сунь Лицзе // Общество дружбы «Китай – Узбекистан», 28 марта 2017. URL: http://china-uz-friendship.com/?p=3976.

11. Дмитрий Мезенцев. Что дает России ШОС. Страны ШОС вырабатывают принципы взаимодействия URL: https://rg.ru/2007/08/23/mezencev.html.

12. Москвалькова Т.Н. СНГ: история и перспективы // Издание государственной думы (электронное): официальный сайт. 2012. URL: http://duma.gov.ru/media/files/CFuNXyRfEGOqj0JywalMCgCmJxfVcAAA.pdf.

13. Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6140.

14. О межгосударственном объединении БРИКС (справочная информация). URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767167/.

15. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Узбекистан о межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46618/.

16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48505/.

17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о научно-техническом сотрудничестве. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47953/.

18. Декларация о создании ШОС. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1027310.

19. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. URL: https://docs.cntd.ru/document/902086025.

20. Авдеев И.Ю. Трансформация внешнеполитического курса Узбекистана в новых условиях: между Россией и Турцией // nauka.me. 2018. Номер 4. URL: https://nauka.me/s241328880000130-7-1/.

21. Выступление Президента Республики Узбекистан ШавкатаМирзиёева на Петербургском международном экономическом форуме от 05.06.2026. URL: https://president.uz/ru/lists/view/9284.

22. Лидеры Узбекистана и России обсудили актуальные вопросы двусторонней повестки от 31.08.2026 URL: https://president.uz/ru/lists/view/9565.

REFERENCES

1. Rogov S.M., Babich S.N., Sharikov P.A., Rogova N.V., Gegelashvili N.A., Petrova I.A., Nguyen M.M. US policy in the CIS // Russia and America in the 21st Century. 2015. Iss. 3. URL: https://rusus.jes.su/s207054760010728-7-1/

2. Ramich M.S. The choice of the Central Asian republics: Russia or China // Post-Soviet Studies. 2008. Vol. 1, No. 8. P. 806–816.

3. Rakhimov K.K. Infrastructure projections of geoeconomics in Central Asia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2014. No. 4. P. 137–147.

4. Paramonov V.V. Russia's foreign policy in Central Asia: a view from Uzbekistan // Central Asia and the Caucasus. Lulea (Sweden). 2009. No. 3. P. 101–117.

5. Xiaofeng C. Conceptual approaches of Russia and China in Central Asia: similarities and differences // Problems of the Post-Soviet Space. 2015. No. 4. P. 74–83.

6. The National Military Strategy of the United States of America. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015.

7. Embassy of the Russian Federation in the Czech Republic. URL: https://czech.mid.ru/press-rel/mer_27.htm.

8. Lavrov: in the near future, historians will formulate such a concept as the "Primakov Doctrine", TASS (October 28, 2014). URL: https://tass.ru/politika/1537769.

9. S.2277 – Russian Aggression Prevention Act of 2014. URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate.

10. Arabov A. "One Belt, One Road" — what will Uzbekistan get? // Kommersant.uz, June 19, 2017. URL: http://kommersant.uz/mnenie/odin-poyas-odinput ; China and Uzbekistan are moving along the path of joint construction of "One Belt, One Road" — PRC Ambassador to Uzbekistan Sun Lijie // China-Uzbekistan Friendship Society, March 28, 2017. URL: http://china-uz-friendship.com/?p=3976.

11. Mezentsev D. What the SCO gives Russia. SCO countries develop principles of interaction. URL: https://rg.ru/2007/08/23/mezencev.html.

12. Moskvalkova T.N. CIS: history and prospects / T.N. Moskvalkova // Publication of the State Duma (electronic): official website. 2012. 179 p. URL: http://duma.gov.ru/media/files/CFuNXyRfEGOqj0JywalMCgCmJxfVcAAA.pdf.

13. Joint statement by President of the Russian Federation V.V. Putin and President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyev. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6140.

14. On the intergovernmental association BRICS (reference information). URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767167/.

15. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the Intergovernmental Commission for Economic Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46618/.

16. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on cooperation in the field of culture, science and technology, education, healthcare, information, sports and tourism. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48505/.

17. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on scientific and technical cooperation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47953/.

18. Declaration on the Establishment of the SCO. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1027310.

19. Treaty on Long-Term Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation of the SCO Member States. URL: https://docs.cntd.ru/document/902086025.

20. Avdeev I.Yu. Transformation of Uzbekistan's foreign policy course in new conditions: between Russia and Turkey // nauka.me. 2018. No. 4. URL: https://nauka.me/s241328880000130-7-1/.

21. Speech by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the St. Petersburg International Economic Forum of June 5, 2026. URL: https://president.uz/ru/lists/view/9284.

22. Leaders of Uzbekistan and Russia discussed current issues of the bilateral agenda of August 31, 2026. URL: https://president.uz/ru/lists/view/9565.

Сведения об авторе

Шманяк Всеволод Андреевич, соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, преподаватель, Краснодарский политехнический техникум, ул. Трудовой Славы, 62А, литер 3, 350040, Краснодар, Российская Федерация, vshmanyak@yandex.ru

About the Author

Shmanyak Vsevolod Andreevich, applicant for a degree at the Department of General History and International Relations, Kuban State University; lecturer, Krasnodar Polytechnic College; 62A, 3, Trudovoy Slavy Street, Krasnodar, 350040, Russian Federation; vshmanyak@yandex.ru

УДК94(470.6)

Научная статья / Research article

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ САДОВОДСТВА НА ОСВАИВАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И ЗАКУБАНЬЯ В 1860-х гг. (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Горбунов Алексей Алексеевич
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
leha.alex1606.gorbunov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития садоводства на осваиваемых территориях Закубанья и Черноморского побережья в 1860-х гг. Автор ставит целью выявить основные причины, препятствовавшие превращению этой отрасли в промышленно значимую, несмотря на богатый природный потенциал региона и традиции казачьего садоводства. Источниковую базу составляют материалы периодической печати, объявления о продаже имений, официальные документы и статистические данные. В работе утверждается, что традиция заведения садов при усадьбах была широко распространена среди различных слоев населения Кубанской области. Однако, как показывает анализ, большинство садов носило подсобный, а не коммерческий характер. Исключения составляли лишь крупные хозяйства в Ейске, немецких колониях и ряде крупных казачьих усадеб рядом с Екатеринодаром. Главными препятствиями для развития промышленного садоводства на новых территориях стали малочисленность и бедность переселенческого населения, высокая смертность от болезней, отсутствие специальных навыков ведения хозяйства в горных условиях, слабая логистика, а также падеж скота в первые годы освоения территории. Несмотря на попытки властей обучать население и готовить будущих специалистов-садоводов с детства, наличие специалистов из Никитского ботанического сада, а также на призывы охранять и развивать оставшиеся от черкесского населения лесосады, садоводство на Черноморском побережье и в Закубанье оставалось по большей части только органичным дополнением к огородам в рамках личных подсобных хозяйств.

Ключевые слова: Кубанская область, переселенческое хозяйство, аграрное освоение, плодовые насаждения, лесосады.

Для цитирования: *Горбунов А.А.* Проблемы развития садоводства на осваиваемых территориях Черноморского побережья и Закубанья в 1860-х гг. (на основе материалов периодической печати) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 115–129.

Дополнительная информация: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02842, https://rscf.ru/project/25-28-02842/.

PROBLEMS OF HORTICULTURE DEVELOPMENT IN THE DEVELOPING TERRITORIES OF THE BLACK SEA COAST AND TRANS-KUBAN REGION IN THE 1860S (BASED ON PERIODICAL PRESS MATERIALS)

Gorbunov Alexey Alekseevich
Kuban State University, Krasnodar, Russia
leha.alex1606.gorbunov@mail.ru

Abstract. The article addresses the challenges of horticultural development in the newly settled territories of the Trans-Kuban region (Zakubanye) and the Black Sea coast during the 1860s. The author aims to identify the primary factors that prevented this sector from achieving commercial significance, despite the region's rich natural potential and established Cossack gardening traditions. The empirical base of the study comprises contemporary periodicals, estate sale advertisements, official government documents, and statistical records. The paper argues that the practice of establishing homestead orchards was widespread across various social strata in the Kuban Oblast. However, analysis reveals that most orchards served subsistence rather than a commercial purpose. Notable exceptions were limited to large-scale estates in Yeysk, German colonies, and several major Cossack homesteads near Ekaterinodar. The primary obstacles to developing commercial horticulture in the new territories included the sparse and impoverished settler population, high mortality rates from disease, a lack of specialized agricultural skills adapted to mountainous terrain, inadequate transport logistics, and severe livestock losses during the initial years of settlement. Despite administrative efforts to educate the local population, train future horticulturists from an early age, utilize specialists from the Nikitsky Botanical Garden, and appeal for the preservation and cultivation of the forest-gardens left by the Circassian population, horticulture in the Trans-Kuban and the Black Sea coastal areas remained largely a supplementary component of household subsistence farming.

Key words: Kuban region, settler economy, agrarian development, fruit plantations, forest gardens.

For citation: *GorbunovA.A.* Problems of horticulture development in the developing territories of the Black Sea coast and Trans-Kuban region in the 1860 s (based on periodical press materials). Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, No. 3, P. 115–129.

Additional information: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-02842, https://rscf.ru/project/25-28-02842/.

Введение

Завершение Кавказской войны и «Высочайше утвержденное положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. открыли новые перспективы для природопользования в Кубанской области. Территория левого берега Кубани окончательно перестала быть зоной военных действий, она обладала колоссальными лесными богатствами, а ее природа разительно отличалась от Черномории – исторических земель бывшего Черноморского войска. Правительство

Кубанской области хорошо осознавало ситуацию. В 1865 г. начальник штаба войск области Д.В. Пиленко прямо признавал единственным богатством Закубанья лес [6]. Опасаясь повторения массового обезлесивания, случившегося в первой половине XIX в. в Черномории, он призывал выстроить строгую систему запретов на использование ресурсов новых осваиваемых территорий. Тем более, что на первоначальном этапе освоения в регионе имелся опыт выстраивания охранной деятельности, построенный на пресечении злоупотреблений и принятии мер от самовольных порубок [22, с. 118]. И хотя речь шла в основном о строевом лесе, богатства левого берега Кубани и побережья Черного моря, активно осваиваемые в 1860-х гг., были неразрывно связаны и с крупными урожаями плодовых деревьев. Они обильно росли как в диком виде, так и в лесосадах, оставшихся от адыгского населения.

Как полагают современные исследователи, у казачьего населения первоначально не было специалистов, способных рационально использовать природные богатства осваиваемых территорий Закубанья [23, с. 96, 101–102]. Это отражалось на быте: большая часть населения жила в простых турлучных домах, хотя природа позволяла строить жилища из надежного строевого леса. Разумеется, в более сложных хозяйственных задачах, таких как развитие садоводства, было закономерное продолжение этой проблемы. Поселенцы столкнулись с суровыми климатическими условиями, среди них отмечалась высокая смертность, многие погибли от заболеваний, случился крупный падеж скота в середине 1860-х гг., и, как следствие, способных ремесленников и разбирающихся в сельском хозяйстве землевладельцев было немного [3, с. 121–122]. В 1864 г., как сообщал командир Псекупского полка И.Д. Попко, переселенцы графа Толстого (крестьяне Орловской губернии, ставшие казаками) из-за тяжелых болезней с трудом переносили климат в Адыгакском поселке станицы Тхамахинской и очень хотели переехать на равнинные территории [16, л. 3].

Агроном И.С. Хатисов и лесничий А.Д. Ротиньянц в обзоре местности берега Черного моря между г. Новороссийском и постом Вельяминовским на р. Туапсе писали, что в 1864 г. там поселили жителей Николаева, черноморских и азовских казаков, а также отставных матросов [25, с. 116]. Было создано 11 станиц, 8 из них у берега (от 25 до 40, но не более 70 дворов в станице). Население было смешанным – в сумме не более 2 тыс. душ. Казаки шли на новое место жительства по жребию и часто туда отправляли бедняков, не сумевших откупиться, или тех, кто шел вместо зажиточных. Многие прибывали без инвентаря и плохо разбирались в горном сельском хозяйстве и садоводстве [25, с. 116–118]. Однако материалы «Кубанских войсковых ведомостей» показывают, что уже к 1867–1868 гг. поселенцы получали крупный урожай, успешно поддерживая свой быт и обменивая дикие фрукты на хлеб [28].

Относительно специальных навыков для садоводства кубанский историк Ф.А. Щербина отмечал, что держать фруктовые деревья при

усадьбе – известная традиция казачества [27, с. 191–192, 194]. Но он признавал, что дальше огородов в Закубанье она не развилась и не стала значимой экономической отраслью к концу 1880-х гг., хотя в регионе для этого были лучшие условия, чем в других частях Кубанской области. Современный историк и этнограф М.В. Семенцов считал, что кубанские казаки по большей части следовали своей традиции, предполагавшей создание монокультурных садов, использование семян и черенков из-за границы, но не находившей место для лесосадов адыгов с их разнообразием культур и сложной интеграцией в массив леса на горном ландшафте[19, с. 111].

Цель данного исследования – выявить, в чем заключалась основная проблема развития садоводства на осваиваемых территориях Закубанья и берегу Черного моря. Для этого предлагается обратиться к материалам периодической печати («Кубанским войсковым ведомостям» и «Кубанским областным ведомостям») и изучить опубликованные в них объявления о продаже имений, состояние которых наглядно показывает развитие садоводства на территории Кубанской области. Также будут проанализированы очерки о природе Кубанской области, попавшие на страницы газет, государственные документы и статистические данные, отражающие сведения об охране природы и подробную информацию о ее использовании.

Методологическую основу исследования составил комплекс исторических и междисциплинарных методов. Системный метод, формирующий оптику экологической истории, позволил исследовать пространственно-временную динамику надорганизменных систем под воздействием антропогенных факторов и представить региональное природопользование как целостную структуру, объединяющую природно-ресурсный потенциал, хозяйственные практики, нормативно-правовую базу и локальные социальные субсистемы в едином экономико-политическом пространстве юга Российской империи.Типологический метод обеспечил дифференциацию выявленных хозяйств по их социально-экономическому характеру (подсобные усадебные сады, товарно-специализированные имения и рекреационные городские зоны). Сравнительный метод применен для сопоставления моделей садоводства в различных субрегионах –степной Черномории, городских центрах (Ейске, Екатеринодаре), горно-лесных предгорьях Закубанья и побережья. Статистический метод позволил количественно обработать и структурировать эмпирические сведения периодической печати о составе насаждений и масштабах садов на материалах объявлений о продаже имений.

Специфика и формы организации садоводческих хозяйств Кубанской области в 1860-х гг.

Автором статьи была составлена выборка из объявлений о продаже имений из «Кубанских войсковых ведомостей» за 1865, 1867 и 1868 гг., которая позволяет оценить распространённость садов на территории Черноморского побережья и Закубанья, а также выявить социальные и экономические особенности этой отрасли хозяйства.

Таблица 1

Данные о продаже имений и земель с садами (по материалам Кубанских войсковых ведомостей за 1865 г., 1867 г., 1868 г.) [5]

Год	Местонахождение имения	Владелец и социальное происхождение	Тип имения и цена	Информация о саде
1865	Екатеринодар, Плановое место.	Екатеринодарское женское благотворительное общество	Дом с садом. Продажа (Цена не указана)	Фруктовый сад (без описания)
1865	Станица Бекешевская	Жена дьяка Касымова	Дом. Продажа. Общая стоимость 114 р. (с животными)	Фруктовые деревья, небольшой сад (без описания)
1865	Станица Динская	Подполковник Гаврила Волкодав	Хутор с сенокосом. Продажа. Цена всего имущества 785 р.	Фруктовые деревья (без описания)
27 марта 1865 (повтор 27 ноября)	Станица Михайловская	Полковое правление 3 бригады Кубанского войска	Войсковой дом с землей. Продажа с торгов. Цена: 863 р. 20 к.	2248 фруктовых диких, крупных и мелких деревьев. Участок земли 3537 кв. сажень
1865	Станица Михайловская	Священник Максим Соколов	Дом (железная крыша) с усадебным местом. Торги за долги. Цена: 506 р. 50 к.	Два фруктовых сада. 182 дерева разной породы
1865	Ейск	Почётный потомственный гражданин Иван Макаров	Одноэтажный дом из жженого кирпича (2 комнаты, кухня, кладовая, погреб, колодец). Продажа за долги. Цена: 1953 р.	Колерованные: яблоки, груши, дули, сливы, абрикосы, вишня, кизил, персик, мушмула, грецкий орех – 420 дер. Неколерованные: абрикос, вишня, слива – 190 дер. Молодых неплодоносящих – 100 дер. Кустов винограда – 6887 шт.

1865	Хутор в Динской (в 20 верстах от Екатеринодара)	Отставной войсковой старшина Ераст Вербицкий	Хутор с мельницей. Продажа (Цена не указана)	Множество верб и плодовые деревья. Огорожен
1865	Екатеринодар, Посполитакинская, №40	Есаул Д.А. Корсун	Плановое место с домом (Цена не указана; упомянуто о продаже с 30 головами рогатого скота)	«Родючий» сад (без описания)
1865	Ейск, угол ул. Садовой и ул. Николаевской	Купчиха 1-й гильдии Елизавета Махова	Участок 312,5 кв. саж. (1420 м² / 14 соток). Дом (100 м², 11 комнат, галерея, конюшня, сарай, ледник). Цена не указана	Сад на 5–7 сотках (без описания)
1865	Екатеринодар, ул. Базовская, №14 (напротив дома подполковника Синькевича)	Есаул Черный	Дом (4 комнаты) со службами. Цена не указана	Сад на плановом месте (без описания)
1867	В 50 верстах от Ростово-Екатеринодарского тракта, при р. Кирпили	Полковница Рашпиль	Хутор Марьина роща. Цена не указана	Большой «родючий» фруктовый сад. 4000 кустов винограда. Аллеи (акации, клен, тополь, верба, берест, дуб). Всего около 50 000 деревьев (1/4 – строевой лес). Разработка шелковичного дерева
1867	Станица Беломечетская	Вдова войскового старшины Александра Лучкина	Деревянный дом (5 комн.) с постройками (кухни, бани, каретник, конюшни). Цена: 421,4 р.	Фруктовый сад размером 70х30 саж. (без описания)
1868	Станица Новонижестеблиев-ская	Сотник Иван Гвоздик	Дом с 4 комнатами + отд. плановое место. Цена: 106 р. 35 к.	Растущие «родючие» и неродючие деревья (без описания)
1868	Станица Старотитаровская	Казак Иван Ильин	Дом (2 комн., камыш. крыша), три лавки, два погреба. Цена: 350 р.	Фруктовые деревья. Плановое место 47х26 сажень (без описания)
1868	Станица Григориполисская	Отставной войсковой старшина Иноземцев	Деревянный дом (камыш. крыша), лавка, ветхий сарай. Цена: 384 р.	В саду 50 деревьев

1868	Ейск	Семья умершего ейского мещанина Макара Ивановича Касатова	4 десятины земли. Цена: 800 р.	9600 кв. саж.земли заняты под садовые деревья и растения. Виноград – 3200 кустов; яблони – 328; груши – 96; жердели (абрикос) –115; сливы – 319; вишни – 140; персики – 31; Терн –35; розы – 28; крыжовник – 23; тополь – 16; акации/клены – 40. Колья для винограда – 3200. Сад окопан канавой
1868	Ейский округ, Староминская станица	Временнообязанный крестьянин Степан Кузьминов (из Владимирской губ.)	Два дома (1 – питейная из кирпича-сырца; 2 – жилой, дерево/кирпич) + лавка. Лавка – 150 р. Цена 2-го дома с садом: 35 р.	Незначительный сад при втором доме (без описания)
1868	Станица Терновская	Купец (имя не указано)	2 дома, лавка, амбар, машинная мельница, сарай. Цена: 850 р.	Роща: 75 фруктовых и 26 диких деревьев
1868	Станица Таманская	Клементий Рева	Жилой дом из сырцового кирпича (8 отделений; камыш. крыша). Цена: 100 р.	Плановое место и небольшой сад

Анализ таблицы убедительно подтверждает тезис историка Ф.А. Щербины о том, что заведение сада при усадьбе было устойчивой традицией казачества. Объявления о продаже домов и хуторов с садами охватывают практически всю территорию области – от Екатеринодара и Ейска до станиц, таких как Бекешевская, Михайловская и Новонижестеблиевская. Сады фигурируют в имуществе самых разных слоёв населения – от рядовых казаков и крестьян до священников, войсковых старшин и почётных граждан. Это показывает, что навыки садоводства были широко распространены и не являлись привилегией только зажиточных слоёв, что теоретически делало возможным передать этот опыт переселенцам Закубанья.

Однако, как и отмечал Ф.А. Щербина, эти сады в своей основной массе носили подсобный, а не промышленный характер. В большинстве объявлений информация о саде предельно лаконична: «родючий сад», «небольшой сад» или просто упоминание о наличии плодовых деревьев.

Это косвенно указывает на то, что для основной массы продавцов сад был рядовым, естественным элементом усадьбы, а не выдающимся коммерческим активом. Исключение из этого правила составляют лишь несколько имений, которые отчасти подтверждают наблюдения автора экономических заметок О. Серафимовича, писавшего в 1868 г., что к концу 1860-х гг. садоводство стало значимой отраслью лишь в двух локальных точках – в городе Ейске и в немецких колониях. Стоит подчеркнуть, что он учитывал только территорию бывшей Черномории [20].

Наиболее ярким подтверждением этому служит объявление о продаже имущества почётного гражданина Ивана Макарова в Ейске. Это один из немногих примеров в таблице, где сад описан с исчерпывающей детализацией, демонстрирующей высокий уровень агротехники и коммерческий подход. В саду насчитывалось 420 привитых («колерованных») деревьев благородных сортов (яблони, груши, дули (груши), абрикосы, персики, грецкий орех), 190 непривитых и 100 молодых деревьев, а также 6887 кустов винограда. Это не просто сад при доме – это крупное хозяйство. Другой пример – хутор полковницы Рашпиль в 1867 г., который включал большой фруктовый сад, 4 тыс. кустов винограда и около 50 тыс. деревьев разных пород, где четверть составлял строевой лес, что также указывает на масштабное и диверсифицированное хозяйство.

Освоение плодовых ресурсов Закубанья и Черноморского побережья

В то же время, ситуация в Черноморском округе, на территориях бывшего Шапсугского батальона (13 станиц от Геленджика до р. Туапсе), демонстрирует одно из противоречий развития садоводства. Там существовал огромный потенциал, доставшийся в наследство от адыгского населения в виде лесосадов, который казаки полностью не смогли использовать. Очерки в газетах за 1867 г. свидетельствуют, что у переселенцев было привитых 3554 яблони, 2499 груш, 3073 бергамота, 3500 грецких орехов, 1527 слив и 1449 персиков. Анонимный автор статьи в газете отмечал, что это число можно было увеличить в разы и на территории Шапсугского батальона было как минимум 3551 неразобранное дерево указанных плодовых культур [10]. Встревоженный начальник Черноморского округа объезжал станицы в 1867 г., убеждая жителей бережно обращаться с деревьями и активнее осваивать лесосады, так как существовала реальная угроза, что к 1869 г. они полностью зарастут сорняками и «колючками» (держи-дерево) [10].

Несмотря на отсутствие промышленных масштабов садоводства, население Кубанской области обладало достаточными знаниями и навыками для работы с плодовыми деревьями. Этот базовый опыт мог стать основой для освоения Закубанья. Более того, область не была изолирована в вопросах агрономии – близость Крыма и Императорского Никитского

ботанического сада обеспечивала доступ к передовым сортам и квалифицированным специалистам.

В 1867 г. начальник станицы Крымской заказал отводки фруктовых деревьев из Никитского сада и они успешно прижились. В заметках отражены цены отводков – 10, 15, 20 и 25 к. за штуку [7]. Примечательно, что к созданию церковного сада станицы Крымской привлекли школьников, родители которых оценили такое занятие как полезную практику – это свидетельствует о стремлении к формированию садоводческих навыков у нового поколения. В том же 1867 г. садовод из Никитского сада господин Сербуленко был специально выписан для помощи нижним чинам 5-го линейного батальона в организации виноделия. По просьбе начальника Черноморского округа он объехал станицы Шапсугского берегового батальона и сделал подробные записи увиденных хозяйств [9]. Лучшей землей для виноградарства, по его мнению, была территория между Геленджиком и станицей Вуланской, а лучшие виноградники он отметил у сотника Перетяткина. Главной же проблемой в 5-м батальоне, которую выявил Сербуленко, стало отсутствие нужного инвентаря для налаживания виноградарства – начальник округа намеревался помочь и закупить всё необходимое в Магарачском заведении, входившем в состав Никитского ботанического сада. В ноябре 1868 г. в Екатеринодаре искал работу еще один садовник из того же ботанического сада – он прибыл в Екатеринодар и предлагал свои услуги с помощью объявления в «Кубанских войсковых ведомостях» [13].

Эти факты, дополняющие данные таблицы, показывают, что у казаков почти любого уровня достатка был опыт садоводства. Власти Кубанской области могли помочь переселенцам осваивать регион, организуя поиск специалистов, обучение для молодежи и закупку инвентаря для садоводства. В городах Екатеринодаре и Ейске были специалисты-садовники и крупные сады. Станицы могли позволить заказать отростки для развития садоводства и отправить детей на обучение. И хотя садоводство после использования строевого леса в потенциале было второй по значимости отраслью экономики на территории Закубанья и Черноморского округа, особенно в начале освоения региона, оно так и не вышло на промышленные масштабы.

Проблемы развития товарного садоводства

В августе 1867 г. в одной из заметок неофициальной части «Кубанских войсковых ведомостей» писали: «Особенное изобилие ныне во фруктах; в лесах закубанских предгорий бросаются в глаза грушевые деревья, сучья которых гнутся под тяжестью плодов; а в станицы, правого берега Кубани беспрестанно приходят возы с фруктами, для обмена на хлеб. Те из закубанских казаков, кто не сеял сам много, успели заработать в Черномории и в других местах, так что только ленивые остались без

прибыли» [8]. Такой крупный успех для переселенцев, которые торговали фруктами, должен был бы ускорить и расширить освоение садоводства, но этого не случилось. Конечно, дары природы Закубанья были далеко не идеальными: местные скороспелые сорта не поддавались сушке, дикие груши чернели прямо на деревьях, грецкий орех был мелким, а поселенцы часто срывали его, когда плюска еще плохо отходила [28]. Капитан корпуса лесничих А. Куявский, исследовавший леса Западного Кавказа, отмечал, что основной урон лесам, в том числе и фруктовым деревьям, нанесли военные действия, которые предполагали расчистку территории и строительство дорог [19, с. 101–102]. Лесничие не справлялись с контролем, поэтому к 1870-м гг. был введен налог на вырубку ореховых деревьев [1, с. 196–197], а данные о контроле над вырубкой фруктовых деревьев Закубанья можно встретить в официальных документах в 1865 г. [18]. Параллельно в станицах правого берега Кубани велась политика по охране и возрождению лесов, начатая в 1865 г. наказным атаманом графом Ф.Н. Сумароковым-Эльстоном [4], но уже в 1868 г. ее результаты были неутешительными. Старые развитые станичные общества Черномории не смогли организовать лесную стражу [11], а указ 1868 г. о контроле над вывозом леса из Закубанья на правый берег показывает, что и на осваиваемых территориях оставалась проблема, связанная с нелегальными порубками [12].

Проблема аграрного освоения региона и отсутствие у переселенцев навыков побуждали ученых предлагать конкретные меры государственной поддержки. Так, агроном И. Серебряков в статье «Сельскохозяйственные условия северо-западного Кавказа» (1865 г.) предлагал обустроить два-три питомника на границе степи и гор – близ станиц Азовской, Хабльской, Нижнебаканской, Раевской и Натухаевской [21, с. 151]. Он рекомендовал выделить землю выпускникам низших земледельческих курсов, чтобы они выращивали саженцы и учили казаков садоводству, и считал, что эти действия не потребовали бы больших затрат от казны. Годом позже И.С. Хатисов также отмечал, что непривыкшие к горам степные казаки терпят провалы и нуждаются в помощи со стороны специалистов из интеллигенции, он верил, что будущие поместья царской семьи смогут исправить ситуацию [24, с. 58]. Спустя три десятилетия в докладе министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова о положении Черноморского побережья Кавказа от 16 января 1895 г. звучали те же инициативы. Он настаивал на учреждении школ садоводов при опытных станциях, снабжении населения виноградными чубуками, содействии сбыту фруктов, предоставлении ипотечных и мелиоративных кредитов, а также введении дополнительных должностей агрономов, садоводов и виноделов [17].

Таким образом, за тридцать лет советы агрономов и политиков практически не изменились, а реальное развитие осваиваемого региона почти не продвигалось вперед. Хотя природный потенциал земель левого берега Кубани сохранялся, использовать его становилось все сложнее:

брошенные сады зарастали лесом, а фруктовые насаждения поражались болезнями – ярким примером чего стала грибная инфекция персиковых деревьев 1873 г. [1, с. 197].

Развитие садоводства продолжалось в Ейске и Екатеринодаре, это хорошо иллюстрирует сметы доходов и расходов, которые печатали в «Кубанских областных ведомостях».

Таблица 2

Сметы доходов и расходов за 1876–1877 гг. в Екатеринодаре [15]

Город	**Доходы**			**Расходы**		
Екатеринодар	Позиция	1876	1877	Позиция	1876	1877
	Продажа товаров из городского сада	500 р.	260 р.	Содержание городского сада	2410 р.	1834 р.
	Рента земли (кирпичные заводы)	215 р. 16 к.	204 р. 44 к.	Содержание пожарной части	3400 р.	3631 р.
	Наем 4 лавок на базарной площади	400 р.	400 р.	-	-	-

Таблица 3

Расписание доходов Ейска за 1875–1876 гг. [14]

Город	**Доходы**		
Ейск	Позиция	1875	1876
	Рента с земли Ейской косы	-	990 р.
	Рента с земли под ветряными мельницами	1240 р.	890 р.
	Сады, высаженные в 1859–1860 гг.	1649 р.	919 р.

В Ейске сады были частью хозяйственной деятельности города, приносили серьезные доходы, а в Екатеринодаре сад становился рекреационным объектом, в котором было не так много направленных на продажу товаров, но велась систематическая закупка семян. К началу 1870-х гг. свободный сбор фруктов на осваиваемых территориях Закубанья был запрещен, но при этом осталось большое количество диких фруктовых деревьев, заросших густыми лесами [1, с. 195].

Заключение

Приведённые данные показывают, что на территории Кубанской области существовала своя традиция садоводства, имелся экономически рентабельный пример создания садов в Ейске и были специалисты, которые могли организовать этот вид деятельности. Казаки активно использовали фрукты на осваиваемых территориях, чтобы восполнить неудачи в традиционном сельском хозяйстве и обменять их на хлеб в неурожайные

годы. И все же один фактор оставался доминирующим – малое количество населения в новых станицах. Например, в Черноморском округе, по данным агронома Ф.И. Гейдука, в 1870 г. проживало около 6 тыс. чел. [2, с. 164]. В 1872 г. проживало 6971 чел. [26, с. 648–658]. Со временем население увеличивалось, в том числе прибывали греческие, чешские, немецкие и другие колонисты, но прирост его был небольшим. При таком количестве населения нельзя было вести узкоспециализированное хозяйство, семьям переселенцев приходилось поддерживать свой быт самостоятельно, а отсутствие развитой логистики с правым берегом Кубани превращало эти станицы в крайне тяжелые места для жизни.

Таким образом, скромные капиталы относительно бедного малого населения не позволили развить садоводство в 1860-х гг. Позже с улучшением логистики (появлением Владикавказской железной дороги в 1875 г. и ее ветки Тихорецкая – Новороссийск в 1887–1888 гг.) и увеличением населения, укрепились более прибыльные отрасли хозяйства – производство цемента и добыча нефти, которые привлекли большинство рабочей силы и крупные торговые капиталы. В конце XIX в. получило развитие виноградарство. Однако садоводство по большей части оставалось органичным продолжением огородов, существовало в личных подсобных хозяйствах семей и мало влияло на экономическое развитие региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисов В. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1. С. 178–199.
2. Гейдук Ф.И. О значении сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1. С. 160–178.
3. Горбунов А. А. Особенности природопользования и адаптации переселенцев на Черноморском побережье Кавказа (1862 – начало 1870-х гг.) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 330-летию со дня образования Кубанского казачьего войска: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Геленджик, 21–23 мая 2026 года. Краснодар, 2026. С. 118–121.
4. Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1865. № 23. 12 июня.
5. КВВ. 1865. № 6. 30 января; КВВ. 1865. № 7. 13 февраля; КВВ. 1865. № 8. 20 февраля; КВВ. 1865. № 13. 27 марта; КВВ. 1865. № 21. 29 марта; КВВ. 1865. № 26. 3 июля; КВВ. 1865. № 27. 10 июля; КВВ. 1865. № 31. 7 августа; КВВ. 1865. № 40. 9 октября; КВВ. 1865. № 47. 27 ноября; КВВ. 1867. № 16. 29 апреля; КВВ. 1867. № 31. 12 августа; КВВ. 1868. № 13. 30 марта; КВВ. 1868. № 16. 27 апреля; КВВ. 1868. № 22. 8 июня; КВВ. 1868. № 33. 24 августа; КВВ. 1868. № 39. 5 октября.
6. КВВ. 1865. №19.15 мая.
7. КВВ. 1867. № 23.17 июня.
8. КВВ. 1867. № 32.19 авг.
9. КВВ. 1867. № 49.16 дек.
10. КВВ. 1867. №37. 23 сент.

11. КВВ. 1868. № 29. 27 июля.
12. КВВ. 1868. № 31.10 авг.
13. КВВ. 1868. № 45.16 нояб.
14. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1877. № 4.22 января; КОВ. 1877. № 5. 29 янв.
15. КОВ. 1877. № 8.19 февр.
16. Об устройстве паромной переправы при ст. Псекупской // ГАКК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 24. 4 л.
17. Отношения Министерства внутренних дел земского отдела о преобразовании Черноморского округа, о заселении Новороссийска и о разведении там садов за 1894–1896 гг. // ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 89. 305 л.
18. Предписания Наказного атамана о воспрещении жителям Закубанских станиц производить рубку фруктовых деревьев и истребление лесов // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2521. 41 л.
19. Семенцов М. В. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Дикаревские чтения (13) / под ред. М. В. Семенцова. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2007. С. 76–163.
20. Серафимович О. О производительных силах бывшей Черномории // КВВ. 1868. № 23. 15 июня.
21. Серебряков И. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1. С. 135–152.
22. Степанова Л.Г. Особенности лесопользования и лесной охраны черноморских казаков на начальном этапе освоения Черномории // Клио. 2026. № 3. С. 115–120.
23. Федина И. М. Особенности природопользования у кубанских казаков в ходе освоения Закубанья во II половине XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2025. № 1. С. 93–103.
24. Хатисов И.С. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1. С. 37–110.
25. Хатисов И.С., Ротиньянц А.Д. Обзор местности северо-восточного берега Черного моря, между г. Новороссийском и постом Вельяминовским на реке Туапсе // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников. 1864–1914: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2005. Т. 1. С. 113–121.
26. Черноморская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. XXXVIIIa. С. 648–658. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Черноморская_губерния.
27. Щербина Ф. А. Земельная община кубанских казаков // Кубанский сборник: труды Кубанского областного статистического комитета / под ред. Е.Д. Фелицына. Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, 1891. Т. 2. С. 1–208.
28. Эскуль. Из Шапсугского берегового пешего батальона (об урожае и рыбной ловле) // КВВ. 1868. № 7. 17 февр.

REFERENCES

1. Borisov V. Agricultural essays of the eastern coast of the Black Sea // Old Circassian Gardens. Landscape and Agriculture of the North-Western Caucasus in the Light of Russian Sources. 1864–1914: 2 vols. Moscow: Olma-Press, 2005. Vol. 1. P. 178–199.

2. Geyduk F.I. On the significance of agricultural industry on the north-eastern coast of the Black Sea // Old Circassian Gardens. Landscape and Agriculture of the North-Western Caucasus in the Light of Russian Sources. 1864–1914: 2 vols. Moscow: Olma-Press, 2005. Vol. 1. P. 160–178.

3. Gorbunov A.A. Features of nature use and adaptation of settlers on the Black Sea coast of the Caucasus (1862 – early 1870s) // The Black Sea–Mediterranean Region in the System of Russia's National Security: to the 330th anniversary of the formation of the Kuban Cossack Host: proceedings of the International scientific and practical conference, Gelendzhik, May 21–23, 2026. Krasnodar, 2026. P. 118–121.

4. Kubanskie Voiskovye Vedomosti (KVV). 1865. No. 23. June 12.

5. KVV. 1865. No. 6. January 30; KVV. 1865. No. 7. February 13; KVV. 1865. No. 8. February 20; KVV. 1865. No. 13. March 27; KVV. 1865. No. 21. March 29; KVV. 1865. No. 26. July 3; KVV. 1865. No. 27. July 10; KVV. 1865. No. 31. August 7; KVV. 1865. No. 40. October 9; KVV. 1865. No. 47. November 27; KVV. 1867. No. 16. April 29; KVV. 1867. No. 31. August 12; KVV. 1868. No. 13. March 30; KVV. 1868. No. 16. April 27; KVV. 1868. No. 22. June 8; KVV. 1868. No. 33. August 24; KVV. 1868. No. 39. October 5.

6. KVV. 1865. No. 19. May 15.

7. KVV. 1867. No. 23. June 17.

8. KVV. 1867. No. 32. August 19.

9. KVV. 1867. No. 49. December 16.

10. KVV. 1867. No. 37. September 23.

11. KVV. 1868. No. 29. July 27.

12. KVV. 1868. No. 31. August 10.

13. KVV. 1868. No. 45. November 16.

14. Kubanskie Oblastnye Vedomosti (KOV). 1877. No. 4. January 22; KOV. 1877. No. 5. January 29.

15. KOV. 1877. No. 8. February 19.

16. On the arrangement of a ferry crossing at the Pshekupskaya stanitsa // State Archive of the Krasnodar Krai (GAKK). F. 351. Op. 1. D. 24. 4 fol.

17. Communications of the Ministry of Internal Affairs, Zemsky Department, on the transformation of the Black Sea Okrug, the settlement of Novorossiysk and the cultivation of gardens there for 1894–1896 // GAKK. F. 454. Op. 3. D. 89. 305 fol.

18. Orders of the Ataman prohibiting residents of the Trans-Kuban stanitsas from felling fruit trees and destroying forests // GAKK. F. 249. Op. 1. D. 2521. 41 fol.

19. Sementsov M.V. Historical and ecological aspects of the economic development of the Kuban by the Cossacks in the 19th – early 20th centuries // Results of Folklore and Ethnographic Studies of Ethnic Cultures of the North Caucasus for 2006. Dikarev Readings (13) / ed. by M.V. Sementsov. Krasnodar: RIC "Mir Kubani", 2007. P. 76–163.

20. Serafimovich O. On the productive forces of the former Chernomoriya // KVV. 1868. No. 23. June 15.

21. Serebryakov I. Agricultural conditions of the North-Western Caucasus // Old Circassian Gardens. Landscape and Agriculture of the North-Western Caucasus in the Light of Russian Sources. 1864–1914: 2 vols. Moscow: Olma-Press, 2005. Vol. 1. P. 135–152.

22. Stepanova L.G. Features of forest use and forest protection by the Black Sea Cossacks at the initial stage of the development of Chernomoriya // Clio. 2026. No. 3. P. 115–120.

23. Fedina I.M. Features of nature use by the Kuban Cossacks during the development of the Trans-Kuban region in the second half of the 19th century // Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2025. No. 1. P. 93–103.

24. Khatisov I.S. Report of the commission for the study of lands on the north-eastern coast of the Black Sea, between the Tuapse and Bzyb rivers // Old Circassian Gardens.

Landscape and Agriculture of the North-Western Caucasus in the Light of Russian Sources. 1864–1914: 2 vols. Moscow: Olma-Press, 2005. Vol. 1. P. 37–110.

25. Khatisov I.S., Rotinyants A.D. Survey of the area of the north-eastern coast of the Black Sea, between the city of Novorossiysk and the Velyaminovsky post on the Tuapse River // Old Circassian Gardens. Landscape and Agriculture of the North-Western Caucasus in the Light of Russian Sources. 1864–1914: 2 vols. Moscow: Olma-Press, 2005. Vol. 1. P. 113–121.

26. Black Sea Governorate // Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols. St. Petersburg: Printing House of the Brockhaus–Efron Joint-Stock Company, 1903. Vol. XXXVIIIa. P. 648–658. URL: .

27. Shcherbina F.A. The land commune of the Kuban Cossacks // Kuban Collection: Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee / ed. by E.D. Felitsyn. Yekaterinodar: Printing House of A.P. Stashevsky, 1891. Vol. 2. P. 1–208.

28. Eskul. From the Shapsug coastal foot battalion (on the harvest and fishing) // KVV. 1868. No. 7. February 17.

Сведения об авторе

Горбунов Алексей Алексеевич, аспирант кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, РоссийскаяФедерация, leha.alex1606.gorbunov@mail.ru

About the Author

Gorbunov Alexey Alekseevich, postgraduate at the Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, leha.alex1606.gorbunov@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 93/94

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПОТОМКОВ РУСА И ЧЕХА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П. ЛОЗОВЮКА И К.В. ШЕВЧЕНКО «ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕШСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: СОБЫТИЯ – ЛИЧНОСТИ – ИДЕИ»)

Подвальнов Евгений Дмитриевич
Краснодарский историко-археологический музей-заповедник
им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия
evgeny.podvalnov@yandex.ru

Выслоужилова Дагмар
независимый исследователь, Брно, Чехия
vyslouzilova.medieval@gmail.com

Аннотация. В рецензии представлен критический анализ монографии П. Лозовюка и К.В. Шевченко «Очерки истории русско-чешских культурных связей: события – личности – идеи» (Минск, 2023). Отмечается, что авторы предприняли панорамный обзор многовекового диалога двух славянских народов, сознательно акцентируя «позитивные страницы» совместной истории. Разбираются тематические главы, охватывающие период от Средних веков до нач. XX в. Рецензия указывает на такие достоинства работы, как междисциплинарный синтез и глубина анализа ключевых сюжетов. Вместе с тем обращается внимание на сознательную избирательность авторов, сосредоточившихся исключительно на позитивных аспектах и оставивших без симметричного анализа российскую политику исторической памяти. Несмотря на это, рецензия заключает, что монография является значительным научным достижением, востребованным современными специалистами в образовательных и научных целях.

Ключевые слова: Россия, Чехия, историография, русофильство, политика памяти, XVIII в., XIX в., XX в.

Для цитирования: *Подвальнов Е.Д., Выслоужилова Д.* Диалог культур потомков Руса и Чеха в исторической динамике (рецензия на монографию П. Лозовюка и К.В. Шевченко «Очерки истории русско-чешских культурных связей: события – личности – идеи») // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 130–138.

DIALOGUE OF CULTURES OF THE DESCENDANTS OF RUS AND CZECH IN HISTORICAL DYNAMICS (REVIEW OF THE MONOGRAPH BY P. LOZOVYUK AND K.V. SHEVCHENKO «ESSAYS ON THE HISTORY OF RUSSIAN-CZECH CULTURAL RELATIONS: EVENTS – PERSONALITIES – IDEAS»

Podvalnov Evgeny Dmitrievich
Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, Russia
evgeny.podvalnov@yandex.ru

Vyslouzhilova Dagmar
Independent Researcher, Brno, Czech Republic
vyslouzilova.medieval@gmail.com

Abstract. The review provides a critical analysis of the monograph by P. Lozoviuk and K. V. Shevchenko Ocherki istorii russko-cheshskikh kul'turnykh svyazei: sobytiya – lichnosti – idei (Essays on the History of Russian-Czech Cultural Relations: Events – Personalities – Ideas; Minsk, 2023). It notes that the authors undertook a panoramic overview of the centuries-long dialogue between the two Slavic peoples, deliberately emphasizing the «positive pages» of their shared history. The review examines the thematic chapters covering the period from the Middle Ages to the early twentieth century. It highlights such merits of the work as interdisciplinary synthesisand the depth of analysis of key topics. At the same time, it draws attention to the authors' deliberate selectivity, which focuses exclusively on positive aspects and leaves Russia's politics of historical memory without symmetrical analysis. Despite this, the review concludes that the monograph is a significant scholarly achievement, sought after by contemporary specialists for educational and scientific purposes.

Key words: Russia, Czechia, historiography, Russophilia, politics of memory, 18th century, 19th century, 20th century.

For citation: *Podvalnov Evgeny Dmitriyevich, Vyslouzilova Dagmar*. The dialogue of cultures of the descendants of Rus and the Czech in historical dynamics (review of the monograph by P. Lozovyuk and K. V. Shevchenko Essays on the History of Russian-Czech Cultural Relations: events – personalities – ideas. Journal of the Kuban State University Historical Sciences.2026. No. 3. P. 130–138.

Очерки Петра Лозовюка и Кирилла Владимировича Шевченко, авторов многочисленных работ по истории межславянских отношений [1, с. 1162–1185; 2, с. 277–299; 6, с. 88–102; 7, с. 73–75; 8, с. 57–63], представляют собой фундаментальное, но отнюдь не всеобъемлющее исследование, посвященное сложной истории взаимодействия двух славянских народов – русского и чешского. Исследователи сознательно дистанцируются от текущей конъюнктуры, их целью была попытка воссоздать и проанализировать культурные, религиозные и интеллектуальные связи, сложившиеся у русских и чехов в период до начала

XX в., сконцентрировав внимание на «позитивных страницах нашей совместной истории» (с. 14).

Кроме того, исследователи в начале работы раскритиковали политическую инструментализацию отрицательных моментов русско-чешской истории правящими кругами Чехии (с. 11–15). Наличие анализа чешской политики исторической памяти само по себе примечательно, но по итогу оставляет чувство недосказанности в связи с отсутствием аналогичного размышления о реалиях современных российских исторического сообщества и политического истеблишмента.

Работа состоит из восемнадцати глав, разделенных по хронологии эволюции русско-чешских связей с выделением ряда отдельных тем. В первой главе (с. 5–15) авторы задают аналитическую рамку, зафиксировав, что существовала «определенная диспропорция… что если Россия часто оказывалась в центре не только культурной, но и политической повестки дня чешского общества, то для широкого российского общества Чехия и чешская культура были малоизвестным и несколько экзотическим явлением» (с. 5). Весьма метко в подтверждение образа Чехии как terra incognita у русского общества исследователи отсылают к ироничному пассажу, что в Москве и Санкт-Петербурге знали лучше об особенностях итальянского парламента или о делах в Ирландии, нежели о соседних, культурно близких славянских народах (с. 6).

Вторая глава посвящена генезису и развитию русско-чешских взаимоотношений в средневековое время. Авторы приводят достаточно известные свидетельства того, что Чехия и Русь были частью общего европейского пространства Pax Christi и были конкретно славянского происхождения, памятуя о легенде с братьями Русом, Чехом и Лехом, которую также вспомнили П. Лозовюк и К.В. Шевченко (с. 16).

Ярким примером тесных русско-чешских средневековых взаимоотношений является взаимный обмен культов: житие св. Вацлава попало на Русь, вероятно, через Сазавский монастырь, поддерживавший связи с Киево-Печерской обителью, а частицы мощей святых князей Бориса и Глеба уже через 25 лет после их канонизации оказались в Чехии (с. 19–20). Конечно, вацлавский и борисоглебский культы служили в родных землях разному назначению [4], но факт взаимного влияния двух культур на базе христианской веры не вызывает удивления. В контексте этой темы важно учесть выводы Г.П. Мельникова, который подробно реконструирует механизм превращения культа святого Вацлава в фундамент чешской государственной идеологии, показывая, что он воспринимался не просто как мученик, а как «вечный князь» чешской земли, в то время как живые правители считались лишь его временными наместниками [3, с. 15–29].

Как показывает практика, близость культурно-религиозного обмена между русской и чешской политиями достигала такой степени, что в крупнейших древнерусских памятниках словесности обнаруживается «чешский» литературный след – в частности, обороты Жития св. Вячеслава

(Востоковская легенда) могли быть заимствованы автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [5, s. 11–17].

Исследователи точно указывают, что именно в Средние века – конкретно в XV в. – чехи начинают смотреть на Русь как на источник потенциального ресурса для противостояния своим врагам. Конечно, подразумевалось не их стремление заключить военный союз или непосредственное желание стать частью формировавшегося в то время русского раннемодерного государства. Речь о том, что гуситское движение в попытках найти идеологическую опору и возможность легитимно выйти из-под влияния власти Папы Римского и его светских союзников обращало свой взор на православие (с. 20–22). В книге этот сюжет представляется одним из главных, связывая начальные и поздние страницы русско-чешского диалога.

Но само по себе обращение взора гуситов на православную Европу не является чем-то уникальным и встраивается в цепочку схожих эпизодов: при церковных расколах в Западной Европе сторона, противостоящая Папе Римскому, в той или иной степени, начинала искать поддержки у восточнохристианских обществ или даже старалась найти пути воссоединения с ними.

Достаточно напомнить, что на заре институционального оформления западного христианства – во времена споров нач. V в. Пелагия и Августина Блаженного – пелагианство активным образом черпало вдохновение из восточной патристики для своих аргументов против римских теологов [9, p. 175–193]. Так было позднее и с английскими реформаторами: Томас Кранмер и Мэтью Паркер (архиепископы Кентерберийские), Ланселот Эндрюс (епископ Винчестерский) не только прекрасно знали учение восточных Отцов Церкви, но и активно обращались к нему для формулирования идеологического ответа Риму [13, p. 381–398]. Но любопытным образом обращение к восточному христианству проявилось в той же Англии среди группы священников из числа нонджуроров (nonjuror – человек, отказывающийся приносить клятву), отказавшихся присягать Вильгельму III, Марии II и их преемникам. По этой причине они вступили в полноценный богословский диалог с восточными церковными иерархами, рассматривая их как ресурс для легитимизации своего положения [11; 12]. Иначе говоря, гуситы обратили свой взор на православных Европы в рамках имевшей место и устоявшейся практики.

Третья глава выделяется тем, что она посвящена анализу чешских оценок и представлений XIX – начала XX в. о деятельности Петра I Великого (с. 27–39), ибо, как сами замечают авторы: «Наиболее интенсивно и динамично чешско-русские и словацко-русские связи стали развиваться с эпохи Петра I» (с. 27). Причина такого бурного интереса к фигуре русского императора заключалась в росте «славянского самосознания», стремившегося «лучше узнать самую могущественную славянскую державу и ее царя» (с. 28). Четвертая глава фактически продолжает третью в плане

организации материала в большей степени по отдельным кейсам, нежели по хронологии. В данном разделе авторы обращаются к образу А.В. Суворова в чешском обществе 1799–1800 гг. (с. 40–53), приводя много подробностей о пребывании русского полководца в Праге и отмечая, что его восторженный прием чешскими братьями контрастировал с настороженным отношением венского двора (с. 46–51). Для чехов это событие стало символом славянской мощи, а армия Российской империи стала живым доказательством языковой и культурной близости: «Целый ряд знаменитых суворовских афоризмов был удачно переведен на чешский язык и приобрел большую популярность. <...> Суворов и его пребывание в Праге надолго сохранилось в исторической памяти чехов» (с. 52). Активно чехи отмечали и столетний юбилей пребывания А. В. Суворова в их землях (с. 52).

В пятой главе авторы снова делают небольшой хронологический прыжок и раскрывают связь Отечественной войны 1812 г. с чешским национальным движением (с. 54–66). Поражение Наполеона и вступление русских войск в Европу привели к росту русофильских настроений, вплоть до того, что часть чешской молодежи стремилась записаться в русскую армию (с. 64–65). Успехи Российской империи стали мобилизующим фактором для чешского самосознания (с. 57–64). Усилилось влияние и русского языка, который стал «способом доверительной коммуникации чешской патриотической интеллигенции», использовался в переписке Й. Юнгмана и его друзей как «тайнопись» (с. 62). Формальным продолжением языковой темы из этой главы является отдельный – шестой – раздел книги, посвященный чешским поискам «общеславянского языка», создания единого славянского литературного языка, имевшим ярко выраженную политическую подоплеку и вызывавшим опасения, как среди австрийских властей, так и среди части чешских патриотов, боявшихся русификации (с. 67–76).

Обширная часть работы (седьмая глава, главы с девятой по одиннадцатую, а также тринадцатая) посвящена конкретным персоналиям или движениям, обоюдно связанным с чешской и русской историей. Ради краткости отметим, что данные разделы не вызывают серьезных нареканий или желания дискутировать, но в них можно отметить богатство наработанных историками материалов и исследовательских подходов: здесь и микроисторический этюд о пребывании И.И. Срезневского в Праге 1840-х гг. (гл. 7, с. 77–87); и обращение авторов к нечасто используемым текстам С. Геллера (гл. 9, с. 109–129); и включение в работу мыслей «оракула чешского народа» Й. Голечека, адаптировавшего к чешским реалиям идеи Н.Я. Данилевского и заявлявшего о необходимости перехода от «культурного» славянства к «политическому» (гл. 10, с. 120–128); и раздел, свидетельствующий о трансфере музыкального искусства из Чехии в Россию, прослеживающий судьбы И. Прача, Й. Пржибика и др. (гл. 11, с. 129–139); и отдельное внимание уделено было чешскому сокольскому движению – сокольской гимнастике в России – уникальному феномену

экспорта чешской модели национально-патриотического воспитания (гл. 13, с. 157–167).

Проверка на прочность русофильской части чешского общества произошла в 1860-е гг., поскольку, как считают авторы очерков, реакция на подавление русскими войсками польского восстания 1863–1864 гг. расколола общество на полонофилов и русофилов, что описано в восьмой главе (с. 88–108). В те годы полонофильская часть общества столкнулась с трезвой, критической и местами ироничной отповедью со стороны Ф. Палацкого и Й. Ранка и др. (с. 95–106), а это, что замечено авторами, стало прологом к разделению чешской политической сцены на старочехов и младочехов (с. 99).

Реакции чешской прессы на русско-японскую войну 1904–1905 гг. посвящена двенадцатая глава (с. 140–156). Здесь тоже стоит отметить обращение авторов к контент-анализу чешской периодики (в первую очередь по заметкам газеты «Čas»), раскрывающей эволюцию общественных настроений от сочувственного русофильства до разочарования и даже критики поздней империи (с. 142–144, 149, 154). Это подтверждает тезис В. Доубека о том, что характер чешского русофильства во многом был прагматическим, моментами угодническим и сиюминутным [10, s. 150–151].

Одной из наиболее проработанных глав можно назвать четырнадцатую, посвященную «Уставу Славянской империи» (с. 168–175). Представлен детальный анализ проекта К. Крамаржа, созданного в мае 1914 г. (с. 170–173) и предвосхитившего возможности славянского объединения при удачном стечении Первой мировой войны. Эту главу органично продолжает следующая – пятнадцатая, посвященная чехам в Российской империи и их связи с восстановлением чешской государственности (с. 176–184). Чешская община в России, уступавшая численно только диаспоре в США (с. 176), испытала репрессивные меры времени Первой мировой войны в России, поставившие чешских предпринимателей с австрийским подданством перед угрозой конфискаций (с. 178).

Шестнадцатая глава посвящена обозрению оценок революционных событий К. Крамаржем (с. 185–196). Разбираются оценки К. Крамаржем русского крестьянства (с. 187–188), дворянства (с. 189), интеллигенции (с. 190) и рабочего класса (с. 192–194). Несмотря на русофилию, К. Крамарж, по замечанию авторов, был далек от апологетики: он возлагает вину за катастрофу на негибкость самодержавия, незавершенность реформ и «демагогическое разнуздание грубейших инстинктов широких народных масс» (с. 196).

Последние две главы – семнадцатая (с. 197–205) и восемнадцатая (с. 206–216) – посвящены чехам и православию среди них. Авторы проанализировали связь интереса к православию с ростом панславянских настроений чехов (с. 198). Восемнадцатая глава в этом плане обращает

внимание на конкретную персоналию в контексте развития православия среди чехов, а именно – на фигуру епископа Горазда (Матея Павлика). Авторами была описана его миссионерская деятельность (с. 213–214) и мученическая смерть за спасение участников покушения на Рейнхарда Гейдриха (с. 203, 206–207). Точно отмечено, что для епископа Горазда православие было нечто большим, чем простым конфессиональным выбором. Это было формой национального служения и духовного возвращения к славянским кирилло-мефодиевским истокам (с. 212, 215).

Выход в свет рецензируемой монографии П. Лозовюка и К.В. Шевченко представляется особым событием в современной историографии русско-чешских связей. Исследователям в целом удалось создать панорамный обзор диалога двух народов от периода Средних веков и до рубежа 1910–1920-х гг. К достоинствам работы следует отнести ее структуру, объединяющую восемнадцать тематических глав, выстроенных по проблемно-хронологическому принципу и демонстрирующих удачный междисциплинарный синтез методов интеллектуальной истории, имагологии, биографистики и истории повседневности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лозовюк П. Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, № 4. С. 1162–1185.

2. Лозовюк П. Этнографические исследования славянской проблематики в чешских землях военного периода // Slověne. 2025. Т. 14, № 1. С. 277–299.

3. Мельников Г.П. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени. М.: Индрик, 2022.

4. Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003.

5. Филипповский Г.Ю. «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода // Československarusistika. 1986 Roč. 31, №1. S. 11–17.

6. Шевченко К.В. «Огромная трагедия славян...». Польское восстание 1863 г. в оценках чешского историка и политического деятеля Франтишека Палацкого (1798–1876) // Польское восстание 1863–1864 годов в общественно-политической и конфессиональной мысли славянских народов. Белград; Брест; Брянск: Аверс, 2023. С. 88–102.

7. Шевченко К.В. «Эта борьба возвеличила славянский мир...». Наполеоновские войны России и чехи // Родина. 2013. №11. С. 73–75.

8. Шевченко К.В. Походы армии Суворова в 1799–1800 гг. и чешское национальное возрождение // Война и идентичность: сборник статей. Минск: Военная академия Республики Беларусь, 2016. С. 57–63.

9. Bonner A. Pelagius // The Cambridge Companion to Christian Heresy. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. Pp. 175–193.

10. Doubek V. Česká politika a Rusko 1848-1914. Praha: Academia, 2004. 315 s.

11. Klein J. W. The Mental Universe of the English Nonjurors. New York: Xlibris, 2019.446 p.

12. Langford H. W. The Non-Jurors and the Eastern Orthodox / by the Revd H. W. Langford; transcribed by Ian B. Pitt // Project Canterbury, 2001. URL: https://anglicanhistory.org/nonjurors/langford1.html (дата обращения: 07.02.2026).

13. Rowell G. Eastern Horizons: Anglicans and the Oriental Orthodox Churches // Religious Change in Europe 1650-1914: Essays for John McManners. Oxford: Clarendon Press, 1997. Pp. 381-398.

REFERENCES

1. Lozovyuk P. Mezhdu naukoj i ideologiej. Istoriya nemetskoyazychnoj etnografii cheshskikh zemel′ [Betweenscienceandideology.The history of German-speakingethnography of the Czechlands].In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. T. 65, № 4, 2020. Pp. 1162-1185. (in Russian)

2. Lozovyuk P. Etnograficheskie issledovaniya slavyanskoj problematiki v cheshskikh zemlyakh voennogo perioda [Ethnographicstudies of Slavicissuesin the Czechlands of the warperiod]. In: Slověne. T. 14, № 1, 2025. Pp. 277-299. (in Russian)

3. Mel′nikov G.P. Cheshskaya obshchestvenno-istoricheskaya mysl′ Srednevekov′ya i Rannego Novogo vremeni [Czechsocio-historicalthought of the Middle Ages andEarlyModerntimes]. M.: Indrik, 2022. 532 p. (in Russian)

4. Paramonova M.Yu. Svyatye praviteli Latinskoj Evropy i Drevnej Rusi: sravnitel′no-istoricheskij analiz vatslavskogo i borisoglebskogo kul′tov [The holyrulers of LatinEuropeandAncientRussia: a comparativehistoricalanalysis of the WenceslasandBorisoglebskycults]. M.: IVI RAN, 2003. 405 p. (in Russian)

5. Filippovskij G.Yu. «Povest′ ob ubienii Andreya Bogolyubskogo» i russko-cheshskie literaturnye svyazi rannego perioda [«The Taleof the assassination of AndreiBogolyubsky»andRussian-Czechliteraryrelations of the earlyperiod].In: Československa rusistika.Roč.31, №1, 1986. S. 11-17. (in Russian)

6. Shevchenko K.V. «Ogromnaya tragediya slavyan...». Pol′skoe vosstanie 1863 g. v otsenkakh cheshskogo istorika i politicheskogo deyatelya Frantisheka Palatskogo (1798-1876) [«The greattragedy of the Slavs...». The PolishUprising of 1863in the assessments of the CzechhistorianandpoliticianFrantisekPalacki(1798-1876)]. In: Pol′skoe vosstanie 1863-1864 godov v obshchestvenno-politicheskoj i konfessional′noj mysli slavyanskikh narodov. Belgrad-Brest-Bryansk: Avers, 2023. Pp. 88-102. (in Russian)

7. Shevchenko K.V. «Eta bor′ba vozvelichila slavyanskij mir...». Napoleonovskie vojny Rossii i chekhi [«Thisstrugglemagnified the Slavicworld...».The NapoleonicWars of Russiaand the Czechs].In: Rodina.№11, 2013. Pp. 73-75. (in Russian)

8. Shevchenko K. V. Pokhody armii Suvorova v 1799-1800 gg. i cheshskoe natsional′noe vozrozhdenie [Campaigns of Suvorov's armyin1799-1800and the Czechnationalrevival]. In: Vojna i identichnost′: sbornik statej. Minsk: Voennaya akademiya Respubliki Belarus′, 2016. Pp. 57-63. (in Russian)

9. Bonner A. Pelagius. In: The Cambridge Companion to Christian Heresy. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. Pp. 175-193.

10. Doubek V. Česká politika a Rusko 1848-1914. Praha: Academia, 2004. 315 s. (inCzech)

11. Klein J.W. The Mental Universe of the English Nonjurors. New York: Xlibris, 2019. 446 p.

12. Langford, H.W. The Non-Jurors and the Eastern Orthodox / by the Revd H. W. Langford; transcribed by Ian B. Pitt // Project Canterbury, 2001. URL: https://anglicanhistory.org/nonjurors/langford1.html (дата обращения: 07.02.2026).

13. Rowell G. Eastern Horizons: Anglicans and the Oriental Orthodox Churches.In: Religious Change in Europe 1650-1914: Essays for John McManners. Oxford: ClarendonPress, 1997. Pp. 381-398.

Информация об авторах

Подвальнов Евгений Дмитриевич, научный сотрудник, Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына», ул. Гимназическая, 69, 350000, г. Краснодар, Российская Федерация, evgeny.podvalnov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-7434-3763

Выслоужилова Дагмар, PhD (in History), независимый исследователь, ул. Мерхаутова, 186, г. Брно, Чешская Республика. vyslouzilova.medieval@gmail.com. https://orcid.org/0000-0002-0822-7782.

Information About the Authors

Evgeny Dmitrievich Podvalnov, Research Officer, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, 69 Gimnazicheskaya Street, 350000 Krasnodar, Russian Federation, evgeny.podvalnov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-7434-3763.

Vyslouzilova Dagmar, PhD (in History), independent researcher. Merhautova Street, 186, Brno, Czech Republic. vyslouzilova.medieval@gmail.com. https://orcid.org/0000-0002-0822-7782.

УДК 94(47).072-083

ДОСТОЙНЫЙ ВКЛАД В ПОЛКОВУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ КУБАНИ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: СОКОЛОВ А.Ю. «СВЕДЕНИЯ О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ И НАГРАЖДЕННЫХ КАЗАКАХ СТАНИЦ КАВКАЗСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОСТАВА И 1-Й БРИГАДЫ КАВКАЗСКОГО ЛИНЕЙНОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА – КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: ИССЛЕДОВАНИЕ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ»

Колесников Владимир Александрович
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Ставропольский филиал. Ставрополь, Россия. kolesnikov-va@yandex.ru

Аннотация. Рецензия посвящена исследованию А.Ю. Соколова «Сведения о личном составе и награжденных казаках станиц Кавказского казачьего полка первоначального состава и 1-й бригады Кавказского линейного казачьего войска – Кубанского казачьего войска: исследование и справочные материалы», увидевшему свет в 2026 г. Хронологические рамки работы охватывают период с момента образования Кавказского линейного полка в 1803 г. до 1913 г. В ней с опорой, прежде всего на оригинальные источники, выявленные в фондах Госархива Краснодарского края, реконструируется прошлое станиц и отселков, имевших отношение к полковой истории, рассматриваются процессы как заселения Прикубанья, так и последующих переселений казаков Кавказского полка (бригады) на передовые линии. Основной объем труда представляют персональные справочные материалы по офицерам и нижним чинам, представлявшимся к различным наградам XIX в., прежде всего знаку отличия военного ордена Св. Георгия. Отдельное внимание уделяется военной истории данного казачьего формирования. Приведенные в исследовании символы воинской доблести, заслуженные в ходе длительной Кавказской войны, позволяют заключить, что представители Кавказского линейного полка (бригады) по числу полученных знаков отличия опередили прочие линейные формирования. Книга содержит большое количество персональных данных, что позволяет осуществить генеалогические изыскания многим потомкам, имеющим отношение к 15 станицам, фигурирующим в данном издании.

Ключевые слова: Кавказский линейный полк, бригадное устройство, военно-казачья и гражданская колонизация, однодворцы, линейные казаки, кордонные линии, знаки отличия Кавказских войск.

Для цитирования: *Колесников В.А*. Достойный вклад в полковую историографию Кубани. Рецензия на монографию: Соколов А.Ю. «Сведения о личном составе и награжденных казаках станиц Кавказского казачьего полка первоначального состава и 1-й бригады Кавказского линейного казачьего войска – Кубанского казачьего войска: исследование и справочные материалы» // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 3. С. 139–158.

A DISTINGUISHED CONTRIBUTION TO THE REGIONAL HISTORY OF KUBAN. REVIEW OF THE MONOGRAPH: SOCOLOW, A. YU. INFORMATION ABOUT THE PERSONNEL AND AWARDED COSSACKS OF THE STANITS OF THE KAVKAZ COSSACK REGIMENT OF THE ORIGINAL PERSONNEL AND THE 1ST BRIGADE OF THE KAVKAZ LINE COSSACK ARMY – THE KUBAN COSSACK ARMY: RESEARCH AND REFERENCE MATERIALS

Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Stavropol branch. Stavropol, Russia. kolesnikov-va@yandex.ru

Summary. The review is devoted to A.Y. Sokolov's research «Information about the personnel and decorated Cossacks of the villages of the Caucasian Cossack Regiment of the initial composition and the 1st brigade of the Caucasian Line Cossack Army – Kuban Cossack Army: Research and reference materials», published in 2026. The chronological framework of the work covers the period from the formation of the Caucasian Line Regiment in 1803 to 1913. Based primarily on original sources identified in the funds of the State Archives of the Krasnodar Territory, the work reconstructs the past of the Cossack linear villages and their settlements related to the regiment's history, examining both the settlement of the Kuban region and the subsequent migrations of the Cossacks of the Caucasian Regiment (Brigade) to the front lines. The main part of the work consists of personal reference materials on officers and lower ranks who were awarded various medals in the 19th century, primarily the Order of St. George. Special attention is paid to the military history of this Cossack formation. The symbols of military valor earned during the long-lasting Caucasian War, presented in the study, allow us to conclude that the representatives of the Caucasian linear regiment (brigade) surpassed other line formations in terms of the number of military awards received. The book contains a large amount of personal data, which allows many descendants related to the 15 Cossack villages featured in the publication to conduct genealogical research.

Key words: Caucasian linear Regiment, brigade structure, military-cossack and civilian colonization, one-householders, line Cossacks, cordon lines, insignia of the Caucasian troops.

For citation: *Kolesnikov V.A.* A worthy contribution to the regimental historiography of the Kuban region. Review of the monograph: Sokolov A. Yu. Information about the personnel and awarded Cossacks of the villages of the Caucasian Cossack Regiment of the original composition and the 1st Brigade of the Caucasian Linear Cossack Host – the Kuban Cossack Host (research and reference materials). Journal of the Kuban State University Historical Sciences.2026.No. 3. P. 139–159.

Длительные, системные и добросовестные исследовательские усилия, несомненно, приводят к весомому научному результату, что воочию и демонстрирует работа Александра Юрьевича Соколова, посвященная прошлому станиц Кавказского полка (а с 1845 г. – бригады) Кавказского линейного, а позднее – Кубанского казачьего войска. Начав более десятка

лет назад изучать жизнь ст-цы Воронежской и ее отселка (впоследствии – ст-цы Раздольной) XIX – начала XX в., что воплотилось в весьма информативное сочинение [45, 49], автор довольно быстро сфокусировал свой интерес на истории всего Кавказского линейного полка (бригады) и, несмотря на высокую степень изученности этого казачьего формирования, существенно дополнил известные наработки «мэтра» кубановедения Е.Д. Фелицына, таких полковых историков имперского периода, как Г.Ф. Судаков, Г.П. Головков, А.Д. Ламанов, а из современников – изыскания профессора О.В. Матвеева. Увидевшее свет в 2020 г. творение А.Ю. Соколова «Линейные казаки-кубанцы в XIX – начале XX в.: малоизвестные страницы истории» действительно обогатило историческую локалистику массой новых данных касательно боевых будней, быта, повседневности и прочих сторон жизни станичников Кавказского полка (бригады) в рамках и Линейного, и Кубанского войск [46].

В отличие от различных краеведческих нарративных опытов, зачастую создающихся вне научных рамок, а в последнее время все чаще приобретающих вид незатейливых генеалогических компиляций в виде очевидного преобладания в тексте посемейных списков, метрических книг и исповедных росписей [37], исследователь в своей практической деятельности опирается исключительно на архивные материалы самой различной направленности. Круг научных интересов Александра Юрьевича также оказывается достаточно широк и в тематическом, и в хронологическом отношениях, примерами чего выступают его глубокие изыскания по прошлому, например, ст-цы Шкуринской Черноморского войска [47], бело-зеленому движению на Кубани [43] или советской репрессивной политике по отношению к региональному казачеству [44], что превратило автора в заметного исследователя-кубановеда последних лет.

Однако, несмотря на такого рода вариативность, его постоянный интерес неизменно сохраняется по отношению именно к имперской истории станиц Кавказского полка (бригады), что и демонстрирует его новый, во всех смыслах выдающийся, труд, изданный в нынешнем 2026 г. [48] Сочинение, создававшееся не без консультативной помощи известного ученого-регионоведа А.М. Авраменко, являет собой замечательный образчик добротной, качественной работы по истории казачества, выделяющейся из, казалось бы, более чем обильной литературы по военному сословию Российской империи, заметно заполонившей читательское пространство за последние четверть века, и автор явно прибавил в собственном мастерстве.

Рассматриваемая работа состоит из введения, 4 глав, 3 приложений, списка источников и литературы, приводимых сокращений и карт. В предисловии, с опорой на теоретические изыскания по исторической локалистике последних лет, приводится подробный разбор полковой историографии «кавказцев» как имперских авторов, так и современников, и здесь же освещаются многочисленные недостатки ряда краеведческих

сочинений, увидевших свет относительно недавно. Нельзя не отметить, что в этой части своего труда Александр Юрьевич, «беспощадно» критикуя как любителей, так и лиц с академическими регалиями, вместе с тем объективен и к себе, указывая, что упущения и погрешности, в том числе и грубые ошибки, присущи и его собственным умозаключениям [48, с. 32].

Следующая глава «Заселение территории полка и бригады» освещает процесс возникновения будущих станиц Кавказского полка и их пополнения в первой половине XIXв. Совершенно справедливо делается акцент на преимущественно однодворческом происхождении поселенцев, затрагивается предыстория потомков служилых людей Московского государства на прежних метропольных территориях и причины их массовых миграций на южную окраину Российской империи. Отдельно предлагается глава «Переселения на вновь устраиваемые на Северном Кавказе линии», где на примере казачьих семей из станиц Кавказского полка (бригады) убедительно показана роль линейцев в колонизации передовых фронтиров Северного Кавказа в 1841–1864 гг.

Более объемными стали заключительные главы книги: «Создание полка и бригады, их личный состав (подразделения, структура полка и бригады: хронология)» и «Хронология и география участия казаков полка и бригады в событиях XIX века». Приводимый в них материал самым замечательным образом восполняет те пробелы в полковой истории, которые не успели изучить исследователи дореволюционной поры, да и немногие современные регионоведы. Автор, на основе тщательной проработки формулярных списков офицеров и нижних чинов, составил наиболее подробную на сегодняшний день боевую летопись «кавказцев», зафиксировав их подвиги в Закубанье, на Черноморском побережье, в Чечне и прочих уголках Северного Кавказа, не забыв и об их участии в известных внешних кампаниях России рассматриваемого периода: от Русско-иранской войны 1804–1813 гг. до столкновения с Японией уже начала XX столетия. Оказались не забыты и столь важные сюжеты полкового (бригадного) прошлого, как изменявшаяся с течением времени военно-административная подчиненность казачьих формирований, командиры, обер- и штаб-офицеры, чиновники Кавказских полков, пешего батальона и № 13 конно-артиллерийской батареи, принципы комплектования казачьих частей на протяжении XIX в.

Львиная доля страниц рецензируемого труда отведена под справочные данные, касающиеся награждения уроженцев Архангельской, Воронежской, Дмитриевской, Ильинской Казанской, Ладожской, Новодонецкой, Новомалороссийской, Новопокровской, Новорождественской, Темижбекской, Тифлисской, Тихорецкой, Усть-Лабинской станиц и их отселков знаками отличия военного ордена (ЗОВО) Св. Георгия и Св. Анны, крестом «За службу на Кавказе», медалями «За усердие» и памятными медалями, выдававшимися за окончание Кавказской войны, Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., походы в Польшу, Среднюю Азию и Китай и

прочими символами воинской доблести и образцовой службы. В итоге самый объемный раздел книги насчитывает несколько тысяч имен отличившихся казаков, и собранные автором бесценные сведения, безо всякого преувеличения, можно расценить как самый лучший подарок для многочисленных потомков станичников, рассеянных сегодня по просторам как необъятной России, так и ближнего, и дальнего зарубежья.

Примечательно, что А.Ю. Соколов не просто механически переносил сведения из архивных дел в собственную рукопись, но выяснял различные обстоятельства получения, а в некоторых случаях и лишения награды, уточнял номера, двойное награждение и прочие факты, хотя порой сами первоисточники не давали исчерпывающих сведений, что подтверждает во многих случаях отсутствие номеров тех же ЗОВО Св. Георгия. Самых искренних комплиментов достойны опубликованные исследователем в конце книги алфавитные выборки фамилий коренных жителей, что во многом облегчает работу по поиску отдельных персоналий.

Отдельно следует отметить фундированность представленного на суд читателей сочинения, где задействованы материалы как федеральных (РГИА, РГВИА, РГАДА), так и региональных архивохранилищ Астрахани, Ставрополя, Воронежа и Харькова, архивных отделов Кореновского и Усть-Лабинского районов Краснодарского края (ГАКК). Максимальное внимание исследователь уделил анналам Госархива Краснодарского края, особенно фонду 353 – «Полковое правление 1-й бригады Кубанского казачьего войска». Последний источник, имеющий в отличие от прочих полковых фондов наилучшую сохранность (2649 единиц) – это поистине «сокровищница» полковой истории периода 1843–1870 гг., лежавшая под спудом в течение многих десятилетий и зачастую выпадавшая из поля зрения казаковедов, в том числе и пишущего эти строки. Вместе с тем материал именно из данного фонда дает ответы на многочисленные вопросы, возникающие по различным аспектам прошлого «кавказцев», что и демонстрирует в своей работе А.Ю. Соколов, внося новые данные, почерпнутые во многих десятках изученных дел.

Признавая выраженную новизну и научную значимость для региональной истории новой книги по истории казачества, отмечая редкое трудолюбие и упорство автора в его стремлении к истине, все же нельзя не остановиться на ряде упущений, присущих в силу самой исследовательской практики даже самым выдающимся произведениям о прошлом. С этой неизбежной данностью соглашается и сам Александр Юрьевич, в частности, указывая, что: «... и эта работа не останется свободной от различных недостатков, а потому она позже будет продолжена и уточнена общими усилиями ученых и краеведов ...» [48, с. 39].

Прежде всего очевидны структурные нестыковки книги, выраженные в стремлении автора соединить три значимые, но все же разные темы. Если обширный справочный материал о награжденных офицерах и казаках Кавказского полка (бригады) логично сочетается с историографическим

обзором, очерком о наградах и военной историей, то такие направления, как колонизация будущих полковых земель, возникновение и существование станичных хуторов (отселков), нуждаются в отдельном специальном рассмотрении.

Происхождение первопоселенцев «старых» станиц Кавказского полка прослежено достаточно подробно, а по отношению к ст-це Воронежской, изначально ставшей объектом авторского поиска, эти усилия осуществились едва ли не на индивидуальном, пофамильном уровне, с глубоким экскурсом в прошлое еще Белгородской засечной черты, позднее – Украинской оборонительной линии и ее слобод, включенных в состав Екатеринославского войска [48, с. 42–44, 46–54]. Однако при рассмотрении возникновения однодворческих селений, включенных в полковые ряды с 1833 г., складывается далеко не столь подробная картина. Автор в данном конкретном случае крайне лаконичен, констатируя только то, что станицы Архангельская и Ильинская, например, населены в 1801 г. «из русских однодворцев Воронежской и Курской губерний» [48, с. 44], но этому выводу в действительности уже более века: он оказался сформулирован еще в конце XIX столетия известным подвижником кубанской старины Е.Д. Фелицыным, в работе, к сожалению, не учтенной А.Ю. Соколовым в историографическом обзоре [55].

В означенной публикации выдающимся кубанским ученым имперской поры еще были приведены факты пополнения этих и прочих селений, а также изначальных станиц Кавказского полка различными категориями жителей в лице русских и малороссийских крестьян и казаков, женатых солдат, анапских поселян и пр. Этот сюжет представлен в исследовании Соколова, но зато отсутствуют иные сведения, обнародованные в свое время Е. Д. Фелицыным, в частности, о зачислении в «старые» станицы полка находившихся в работниках у линейцев бродяг согласно Высочайше утвержденному положению от 12 февраля 1829 г., которых оказалось 237 душ мужского пола, а в 1832 г. – 16 душ мужского полка, лиц из числа польской шляхты и однодворцев Подольской губернии [56]. «Польский след» в прошлом Кавказского полка имел место и ранее, поскольку осенью 1813 г. по тамошним станицам распределили 132 души мужского пола военнопленных [9, л. 2–7], сражавшихся в корпусе Ю. Понятовского на стороне наполеоновских войск. Но данный эпизод никак не прослеживается на страницах книги.

Напрашивается внесение уточнений и по поводу возникновения слободы Новомалороссийской, состав населения которой А.Ю. Соколов кратко связал с «малороссиянами из государственных крестьян Воронежской, Харьковской и Курской губерний» [48, с. 44]. Однако, в действительности, большую часть местных жителей составили малороссы, прибывшие в 1802 г. из слободы Старомарьевской, не ужившись с позднее поселенными там однодворцами [14, с. 45–46], и они имели в изначальных местах своего жительства не только Воронежское, Харьковское и Курское,

но и Киевское, Черниговское, Екатеринославское наместничества и даже более западные территории бывшей Речи Посполитой (так называемые польские выходцы) [50, л. 1–15]. На фоне персональных подробностей при основании Ладожской, Тифлисской и прочих первых станиц, А.Ю. Соколов очень лапидарно освещает прошлое ст-цы Усть-Лабинской, ограничившись общеизвестной констатацией, что последняя основана в 1794 г. донскими казаками [48, с. 44]. И почему-то отсутствует всякая информация по поводу устройства и пополнения переселенцами с. Дмитриевского, хотя кавалеры уже ст-цы Дмитриевской приведены в соответствующем справочном разделе издания.

Неопределенность с прошлым однодворческих селений, преобразованных в линейные станицы Кавказского полка (бригады) в 1833 и 1849 гг., отчасти подтверждает помещенная в конце книги карта 2 «Станицы и хутора, находившиеся на территории Кавказского полка, впоследствии – 1-й бригады Кавказского линейного казачьего войска, с 1860 г. – Кубанского казачьего войска». В ней указана двойная датировка селений: Архангельского, Ильинского, Дмитриевского, слободы Новомалоросийской (1798 или 1801 гг.), а также селения Новорождественского (1797 или 1804 гг.). Однако эта двойственность региональной хронологии, порожденная известным двухтомным трудом Ф.А. Щербины, давно разрешена и никакой интриги не создает. Документы из Ставропольского и Астраханского госархивов, РГВИА, а также изданные на их основе работы вашего покорного слуги позволяют заключить, что селения Архангельское, Ильинское и слобода Новомалороссийская поселены в 1801 г. [28, л. 1–29; 36, л. 1–10; 31, л. 1; 3, л. 2об.–6;18, с. 66–67], Дмитриевское на своем нынешнем месте по течению р. Калалы, в силу сложившихся обстоятельств, водворилось в 1802 г. [17, с. 80–84], а селению Новорождественскому положила начало часть однодворцев, оставивших многолюдное с. Рождественское и осенью 1803 г. перебравшихся на р. Челбас [14, с. 59]. Рассмотрение заселения полковой территории и прошлого тех селений, что были причислены к Кавказскому полку в 1833 г., а равно и селений Тихорецкой волости, превратившихся в станицы с 1 января 1849 г., невозможно в полной мере ввиду объективного отсутствия в анналах ГАКК подробной информации за первую треть XIX в. Поэтому реконструкция данного хронологического промежутка потребует не только, как указывалось ранее, отдельных усилий, но и обращения к фондам нескольких прочих федеральных и региональных хранилищ.

Дальнейший анализ содержания позволяет сформулировать и такого рода замечание. Несомненно, важный сюжет прошлого «кавказцев», связанный с возникновением и существованием целого ряда отселков (хуторов), выделившихся как от изначальных станиц полка, так и от однодворческих селений, позднее получивших военный статус, при прочтении в целом воспринимается фрагментарно. А.Ю. Соколов совершенно справедливо упрекает краснодарских коллег (Н.И. Бондаря и

О.В. Матвеева) в том, что они весьма зримо сократили хронологию существования станиц Кирпильской и Восточной, выросших из прежних хуторов [48, с. 22–23], и опираясь на свидетельства имперских предшественников И.Л. Дебу и Ф.А. Щербины, настаивает на куда более раннем их появлении. Однако эта мысль в отношении указанных отселков, а равно и прочих хуторов «старых» и «новых» станиц Кавказского полка (бригады), в представленном труде не получает дальнейшего развития.

В данном исследовательском направлении, безусловно, присутствует все та же очевидная источниковедческая проблема, вновь вытекающая из документальной ограниченности фондов ГАКК первой половины XIX в. Но этот недостаток во многом компенсируется материалами хранилищ Москвы, Ставрополя и Владикавказа. Так, в частности, весьма иллюстративны карты из фондов Госархива Ставропольского края (ГАСК) и на изображении 1803 г. обозначены хутора от станиц Казанской и Тифлисской (на р. Бейсуг), ст-цы Ладожской (по р. Бейсужек), ст-цы Усть-Лабинской (на р. Кирпили и севернее на балке Крючкова, впадающей в Бейсужек) [5], а картографическое изложение за 1826 г. фиксирует еще большее их количество [4].

Анналы архива Республики Северная Осетия – Алания располагают замечательной статистикой по хуторам Кавказского полка за 1844 г. [54], в них даже обнаруживается,например, перечень всех именных хуторов, разновременно заведенных от ст-цы Ильинской [6]. Не меньшую, если не большую, значимость в поднятой «хуторской проблеме» сохраняет РГВИА, располагающий самым разнообразным спектром материалов, и в одном из дел, помимо прочих характеристик хозяйственного положения Кавказского полка за 1839 г., можно обнаружить свидетельство, что местные жители имеют 12 хуторов и 9 зимовников. Более поздние статистические подсчеты за 1855 г. (у автора самая ранняя статистика применительно к хуторам относится только к 1859 г.), в частности, фиксируют, что от ст-цы Усть-Лабинской на хуторах, состоящих «... при речках Кирпилях и Бейсюжке» насчитывается 125 дворов и проживает 212 душ мужского и 295 душ женского пола, а на хуторах от ст-цы Воронежской «при р. Кирпилях» 45 дворов с населением 129 душ мужского и 139 душ женского пола [7, л. 124об.; 53, л. 460об.–461; 48, с. 46].

Александр Юрьевич, серьезно проработав упоминавшийся фонд 353 ГАКК, приводит замечательные именные данные о некоторых владельцах полковых отселков [48, с. 23–25], и этот новаторский почин, вкупе с привлечением возможностей других архивохранилищ, явно таит в себе перспективу глубоко исследовать означенную проблему, учитывая, что и имперские, и нынешние исследователи писали об этом в самых общих чертах, а некоторые из них применительно к линейным станицам Кубани так и не смогли разобраться в данном вопросе [42, с. 275–279].

Как уже отмечалось, основную часть труда А.Ю. Соколова занимают представленные постанично справочные сведения о награждавшихся

нижних чинах и офицерах. Однако и этот раздел работы оказывается несвободным от некоторых упущений. Если следовать устоявшимся канонам полкового историописания, то сведения о кавалерах станиц Темижбекской и Дмитриевской следовало бы ограничить временем их нахождения в рядах Кавказского полка, составлявшим, соответственно, 16 и 13 лет. Александр Юрьевич пытается выйти за эти временные рамки и выявить награждавшихся темижбекцев и дмитриевцев в последующие годы, но имеющиеся в ГАКК на этот счет сведения оказываются не столь информативны, в отличие от станичников, оставшихся в рядах «кавказцев». В итоге только в ст-цы Темижбекской оказывается добрый десяток таких кавалеров, представлявшихся к ЗОВО Св. Георгия старого статута и упущенных автором, поэтому сведения по ним для удобства можно представить в виде таблицы [51; 58; 2; 40].

№ п/п	Звание. ФИО. Подразделение	Номер ЗОВО старого статута	Год награждения
1	Казак Авильцев Иона Иванович Кубанский казачий полк	№ 73545	За отличие против горцев в 1838 г.
2	Казак Васин Михей Иванович 2-й Кубанский полк	№ 84682	За отличие против горцев в 1848 г.
3	Казак Долгов Иван Иванович 2-й Кубанский полк	№ 84277	За отличие против горцев в 1848 г.
4	Казак Заруцкий Афанасий Трофимович Кубанский казачий полк	№ 71241	За отличие против горцев в 1836 г.
5	Казак Зенин Платон Никифорович 2-й Кубанский полк	№ 84218	За отличие против горцев в 1848 г.
6	Казак Кунин Иосиф Петрович 2-й Кубанский полк	№ 92906	За отличие против горцев в 1853 г.
7	Урядник Москалев Андрей Денисович 2-й Кубанский полк	№ 87490	За отличие против горцев в 1850 г.
8	Казак Окороков Ивлий Терентьевич Кубанский казачий полк	№ 82434	За отличие против горцев в 1845 г.
9	Казак Окороков Федот Харлампиевич 2-й Кубанский полк	№ 89920	За отличие против горцев в 1851 г.
10	Урядник Панов Герасим Тарасович 13-я конно-артиллерийская батарея	№ 89292	За отличие против горцев в 1851 г.
11	Казак Полянский Илья Дмитриевич	№ 82479	За отличие против горцев в 1844 г.

	Кубанский казачий полк		
12	Казак Чуйков Архип Иванович Кубанский казачий полк	№ 74056	За отличие против горцев в 1839 г.
13	Казак Ширяев Аким Иосифович 2-й Кубанский полк	№ 90560	За отличие против горцев в 1853 г.
14	Урядник Ширяев Алексей Игнатьевич 13-я конно-артиллерийская батарея	№ 82442	За отличие против горцев в 1845 г.
15	Казак Щеглов Савелий Петрович Кубанский казачий полк	№ 79329	За отличие против горцев в 1843 г.

Едва ли следует полагать полным приводимый Александром Юрьевичем список темижбекцев, участвовавших в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Привлечение дел из фонда 406 ГАКК «1-й Кубанский конный полк Кубанского казачьего войска» позволяет, в частности, выявить таких кавалеров этой станицы, как Василий Захарович Климов (ЗОВО Св. Георгия 4-й ст. № 22283) и Ивлий Васильевич Стаценков (ЗОВО Св. Георгия 4-й ст. № 49096), отсутствующих в авторском перечне [34, л. 106об.; 35, л. 75об.].

Несомненно, что аналогичные пропуски кавалеров при опоре на иные архивные документы обнаружатся и по ст-це Дмитриевской после 1845 г. В частности, одна из таковых фигур – это наиболее выдающийся герой станицы Михаил Тарасович Попов, об отце которого, Тарасе Алексеевиче, в книге Соколова приводится информация [48, с. 202], но нет ни слова о сыне, удостоенном ЗОВО Св. Георгия старого статута № 97186 за Крымскую войну и ЗОВО Св. Георгия 2-й степени № 230 за отличие против горцев и также вышедшем в офицеры [59, л. 89об.–90].

К числу досадных промахов следует отнести и то, что в справочных сведениях о награждавшихся станичниках из Темижбекской и Дмитриевской совершенно нет данных о медали «За покорение Западного Кавказа» и кресте «За службу на Кавказе» [48, с. 200–203, 353–357], что на фоне станиц Кавказского полка (бригады) выглядит не в пользу указанных уроженцев.

Очевидно, что отмеченные в справочном разделе исследования лакуны являются следствием все той же объективной данности, обусловленной неполнотой информации по линейцам в фондах ГАКК. Это весьма наглядно подтверждается и многочисленными примерами по всем станицам Кавказского полка (бригады), когда у казаков отсутствуют номера наград. Из содержащегося в книге научного аппарата очевидно, что автор активно обращался к «Базе кавалеров ЗОВО Св. Георгия из фонда Капитула в РГИА», размещенной на сайте «Кубанская генеалогия», но она фактически дает лишь самый общий ориентир. Вот почему даже в, казалось бы, досконально изученном исследователем личном составе «старых» станиц

Кавказского полка обнаруживаются носители высокой награды, не попавшие на страницы книги. В числе таковых, например, оказываются: казаки Кавказского полка Ульянов Савелий (Савва) Михайлович (ЗОВО Св. Георгия № 73413, получен в 1839 г.) и Деев Василий (вероятно, Иванович) (ЗОВО Св. Георгия № 73537, получен в 1838 г.), оба из ст-цы Усть-Лабинской; казак Кавказского полка Руднев Савелий Данилович (ЗОВО Св. Георгия № 72277, получен в 1838 г.) и канонир 11-й конно-артиллерийской батареи КЛКВ Рыжонков Иван Васильевич (ЗОВО Св. Георгия № 75747, получен в 1840 г.), оба из ст-цы Казанской; казак Кавказского полка Кабатов Михей Иванович (ЗОВО Св. Георгия № 72275, получен в 1838 г.) из ст. Ладожской [52; 39, л. 1630 об.; 11, л. 662; 10, л. 701; 41, л. 23об.; 21, с. 385].

Из указанных кавалеров отдельного внимания заслуживает С.М. Ульянов, отличившийся в делах против горцев «у Ахты и Рутула», что означает привлечение некоторых казаков-кавказцев в составе сборных линейных сотен к экспедиции генерал-лейтенанта Е.А. Головина, проходившей в мае – июне 1839 г. в земли Южного Дагестана и завершившейся после ряда столкновений с горцами построением Ахтынского укрепления на р. Самур [8, с. 187–194]. Данный факт, не указанный в исследовании А.Ю. Соколова (в 1839 г. отображено участие «кавказцев» в действиях в Закубанье и на Черноморском побережье), позволяет, таким образом, дополнить полковую летопись. В этой связи в нее можно добавить и такой сюжет, оставшийся за рамками авторского знания, а именно: участие представителей полка в 1805–1806 гг. в действиях за Тереком, сопровождении транспортов и курьеров между Моздоком и Владикавказом [30, л. 5–6]. Известно, что в одной из возникших стычек в Тагаурском ущелье 1 июля 1805 г. был убит казак ст-цы Ладожской Никифор Симонов [22, л. 61 об.].

Благодаря тщательному изучению уже упоминавшегося фонда 353 ГАКК исследователь установил сотни нижних чинов 1-й бригады уже Кубанского войска, представленных по окончании более чем затяжной кампании на юге империи к серебряной медали «За покорение западного Кавказа 1859–1864 гг.» и бронзовому кресту «За службу на Кавказе», но данный реестр также может быть расширен благодаря сведениям, хранящимся в РГВИА. Так, в частности, к таковым обладателям нагрудных знаков воинской доблести в ст-це Архангельской еще относятся: Белокопытов Иван Петрович, Стрельников Егор Ильич, Лобанов Емельян Михайлович, Затолокин Яков Иванович, по ст-це Усть-Лабинской: Корольков Василий Прокофьевич, Рассветаев Афанасий Петрович, Веденков Иван Тарасович, Гренадеров Константин Васильевич; в ст-це Воронежской: Ефремов Никита Иванович и Харь Михаил Васильевич; в ст. Новорождественской: Шаповалов Филипп Тимофеевич и Смяцкий Тимофей Власович и т.д. [33, л. 49, 65, 93, 122, 154, 178, 193, 203, 209, 236, 313, 325].

Осуществление любой объемной научной работы, при всем стремлении к наилучшему результату, в большинстве случаев приводит к тем или иным недоработкам и недочетам не только в области фактологии, но и по ряду прочих позиций. В исследовании А. Ю. Соколова это также имеет место, начиная с историографии вопроса. Трудно, например, согласиться савторским утверждением, что такой полковой историк имперского периода как Н.М. Могилевцев лишь одну работу посвятил «кавказцам» [48, с. 8], поскольку перу Николая Михайловича в действительности принадлежит, помимо упомянутой, еще несколько статей, что в свое время установил профессор О. В. Матвеев [20, с. 6–27]. В одной из своих публикаций Могилевцев, например, обратил внимание, что переселения «кавказцев» на передовые линии начались все же в 1840 г., когда в станицы Владикавказского полка направили 15 казачьих семей и 3 офицерские семьи [23] (у А.Ю. Соколова первые переселения связываются исключительно с Лабинской линией) [48, с. 68]. В том же историографическом обзоре А.Ю. Соколов не приводит работы о георгиевских кавалерах В.И. Шкуро; командирах Кавказской бригады, биографии которых изучали Н.Д. Николаенко и О.Б. Емельянов; сочинение рецензента о ранней истории ст-цы Дмитриевской [60, с. 39–50; 27, с. 91–96; 25, с. 34–37; 42, с. 101–104; 26, с. 100–105; 17, с. 80–84]. Часть представленного справочного материала – это повторение сведений из работы о казаках-линейцах, изданной в 2020 г., что, понятно, не добавляет новизны.

Излишни сомнения Александра Юрьевича, высказанные в отношении даты образования такой части, как Сборно-линейный полк [48, с. 76]. Как вытекает из архивных документов, именно в 1808 г. главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане, генерал-фельдмаршал, граф И. В. Гудович распорядился на основании Высочайшей воли сформировать на Линии один казачий полк из линейных поселенных казаков и «... отправить оной в половине марта в Грузию» [38, с. 135]. Непосредственно от Кавказского полка в новое формирование отрядили 88 пятидесятников и казаков при офицерах, есауле Петине и зауряд-хорунжем Ватулине [29, л. 17] и эта полусотня как раз и участвовала в перипетиях Русско-иранской войны 1804–1813 гг. в окрестностях Эривани (правда, само подразделение именовалось тогда «Линейный казачий полк») [1, с. 243, 257, 263].

Не одну страницу своего объемного труда Александр Юрьевич отводит для критики творений предшественников, отмечая как принципиальные расхождения с архивными первоисточниками, так и куда более мелкие погрешности в виде опечаток и технических недоработок. Выражая благодарность за внимательное прочтение различных работ и стремление автора к достижению более идеального результата, все же нельзя не отметить, что не во всех случаях он оказывается прав. Так, в частности, полагает ошибкой обнаруженную в монографии В.А. Колесникова фразу, что 1 августа 1861 г. в ст-цу Михайловскую съехались представители всех 7 линейных бригад, вошедших в состав нового Кубанского войска, упирая на

общеизвестный факт включения в ККВ только 6 бригад [48, с. 30]. Во-первых, данная цитата была позаимствована из сочинения одного из самых признанных кубанских историков имперской поры П.П. Короленко, являвшегося современником описываемых событий и, безусловно, разбиравшегося в устройстве войска [19]. Во-вторых, приказом Главнокомандующего Кавказской армией, генерал-фельдмаршала, князя А.И. Барятинского от 1 апреля 1861 г. № 128 сформирована 7-я бригада Кубанского войска (22-й и 23-й полки) из станиц Вознесенской, Владимирской, Подгорной, Преградной, Зассовской и пр. [57], в основании которых деятельное участие принимали линейные казаки и она, таким образом, также вошла в войсковой состав, а ее представители, наряду с посланцами прочих бригад, позднее приняли участие в вышеозначенном сборе 1 августа. Позднее Именным Высочайшим указом от 19 октября того же 1861 г. произошло изменение постаничного состава в 5-й и 7-й бригадах с прицелом на образование еще и 8-й бригады [32, № 37502].

Очевидно, что в рецензируемой работе можно продолжить изыскивать всевозможные «мелкие» недочеты в виде, например, страниц, где монотонно перечисляются фамилии, имена и отчества переселенцев, что следовало бы просто вынести в приложения; целогоряда искаженных географических терминов (например, указанный за 1844 г. аул Тламбгай в действительности назывался Тлябгай; река Бурунта, упомянутая в 1852 г. – это на самом деле р. Бугунта в районе нынешних Кавказских Минеральных Вод; а р. Гуфабо, приводимая в описании экспедиций 1862 г., правильно звучит как Руфабго в современной Адыгее и т.д.); неверно прочитанных фамилий (например, первопоселенческая фамилия ст-цы Усть-Лабинской «Калитвинцев» подана автором как «Калатванцев», хотя она имеет вполне понятную географическую привязку к территории войска Донского р. Белая или Большая Калитва, левому притоку Северского Донца; или данные георгиевского кавалера Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из ст-цы Дмитриевской, указанного как Старев или Старцев Яков Алексеевич [48, с. 50–67, 68–72, 125, 131, 143, 204, 475], а в действительности – это Сигарев Яков Семенович, воевавший в Болгарии и отмеченный ЗОВО Св. Георгия 4-й ст. № 70745 [60, с. 41]).

В качестве сюжета для будущих изысканий автору рассматриваемой монографии следует обратить внимание на предысторию появления первых станиц Кавказского полка, т.е. на прежде существовавшие редуты, давшие свои названия казачьим поселениям, устроенным бывшими казаками Екатеринославского войска. Об этом в исследовании, как, впрочем, и в прежних работах имперской поры, не говорится ни слова, хотя Александр Юрьевич энергично развенчивает ничем не подкрепленные домыслы краеведа Ф.С. Дергунова в отношении истории Ладожского форпоста конца XVIII в.

Имеющиеся замечания и упущения, присущие, как подчеркивалось ранее, любому масштабному исследовательскому проекту, ни в коей мере

не умаляют значение кропотливо созданного Александром Юрьевичем Соколовым далеко не рядового труда. Уникальный архивный материал, представленный на страницах книги, уже дает возможность дать ответ на относительно недавно сформулированную проблему коллег-казаковедов. В статье Ю.Ю. Клычникова и К.В. Скибы авторы задаются риторическим вопросом «... насколько «бывшие мужики» уступали «старожилым» или «природным» казакам в своих боевых качествах и удали в бою?» [12, с. 16–19]. Далее, по ходу своих размышлений, они приходят к выводу, основываясь исключительно на мнении имперских авторов, что бывшие казенные крестьяне, оказавшиеся на Северном Кавказе и поверстанные в линейцы, ни в чем не проиграли «старым» казакам.

Однако из работы А.Ю. Соколова следует куда более практический вывод, по степени своей убедительности явно преобладающий над сугубо умозрительными заключениями указанных региональных ученых. Этот тезис, очевидно, подтверждает подсчет георгиевских кавалеров, приведенных в книге. Однодворческое селение Ильинское только в 1833 г. перешло в военное ведомство, но за весь период Кавказской войны жители и уроженцы уже ст-цы Ильинской Кавказского полка (с 1846 г. – 1-го Кавказского полка КЛКВ и с 1861 г. – 10-го конного полка ККВ) оказались отмечены 96-ю ЗОВО Св. Георгия, и 9 человек из них удостоились еще и 3-й степени этой престижной награды [48, с. 205–231]. Для сравнения: нижние чины главной станицы Хоперского полка, признанного старейшим в ККВ – Баталпашинской стали удостаиваться высокой наградой еще с 1828 г., но к концу продолжительной Кавказской кампании общее число награжденных составило 88 человек и 2 из них приобрелиеще награду 3-й степени [15, с. 79–90].

Не менее заслуженная станица, основанная хоперцами, но с 1833 г. «влившаяся» в состав Ставропольского казачьего полка (бригады) – Барсуковская – за всю эпоху Кавказской войны дала 75 георгиевских кавалеров, из которых трое обрели еще 3-ю степень, а один – 2-ю степень [16, с. 16–17; 13, с. 44–50]. Но в то же время жители ст-цы Новопокровской той же Кавказской бригады КЛКВ, только с 1849 г. приступившие к казачьей службе, даже уже в заключительной фазе известного военного противостояния (всего за 15 лет) удостоились 61 георгиевской награды, в том числе 3 человека снискали еще кресты 3-й степени [48, с. 21–338]. Вне всяких сомнений, достоинства добросовестно написанного труда А.Ю. Соколова с лихвой перекрывают отмеченные недостатки, а саму книгу можно уверенно отнести к заметному вкладу в полковую историографию Кубани.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского,

1869. Т. III.: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича 1806–1809.

2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 15044. Оп. 1. Д. 25.

3. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18571.

4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 255.

5. ГАСК. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 44.

6. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 3. Оп. 1. Д. 18.

7. РГВИА. Ф. 15044. Оп. 1. Д. 28. Л. 124об.

8. Из военного журнала о действиях главного отряда в Южном Дагестане с 27 мая по 12 июня 1839 г. [не ранее 12 июня 1839 г.] // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сб. документов. М.: Эхо Кавказа, 2005.

9. РГВИА. Ф. 5189. Оп. 1. Д. 2.

10. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 599. Оп. 2. Д. 7148.

11. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 3283.

12. Клычников Ю.Ю., Скиба К.В. «Подтянулись мужики, из мужланов вышли бравые казаки …» К вопросу о формировании частей Кавказского линейного казачьего войска // Из истории и культуры Линейного казачества Северного Кавказа: материалы XIII Междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф., посвященной 190-летию основания Кавказского линейного казачьего Войска. Армавир: РИО АГПУ, 2022.

13. Колесников В.А. Георгиевские кавалеры станиц Ставропольского линейного казачьего полка (бригады) 1833–1866 гг. М.: Изд. Надыршин, 2022.

14. Колесников В.А. Однодворцы-казаки: к 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. СПб.: Нестор, 2000.

15. Колесников В. А. Офицерский корпус и георгиевские кавалеры станицы Баталпашинской эпохи Кавказской войны // Баталпашинские чтения, 2022: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, приуроченной к 100-летнему юбилею образования Карачаево-Черкесской Республики, 100-летию подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской при изъятии церковных ценностей, 190-летию образования Кавказского линейного казачьего войска. г. Черкесск, 29–30 сентября 2022 г. Карачаевск; Черкесск: Изд-во КЧГУ, 2022.

16. Колесников В.А. Первые георгиевские кавалеры линейных станиц Кубани 1810-1832 гг. М.: Изд. Надыршин, 2020.

17. Колесников В.А. Ранняя история станицы Дмитриевской сквозь призму нарратива и архивных источников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы XIV Междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир: РИО АГПУ, 2024.

18. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801–2001): К 200-летию со дня основания. Ставрополь: ЮРКИТ, 2001.

19. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация Северо-Западного Кавказа. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1910.

20. Матвеев О.В. «Дорогой мне полк…»: к историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска // Мир казачества: сб. науч. тр. Краснодар: Мир Кубани, 2006. Вып. 1.

21. Гусев В.А. Материалы по истории и генеалогии казачества. Служба донских казаков. XVIII в. Отставные казаки Войска Донского, 1777 г. Волгоград: Панорама, 2012.

22. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 6905.

23. Могилевцев Н. М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска в до-Ермоловское время // Кубанские областные ведомости. 1892. № 20.

24. Николаенко Н.Д. Иван Антонович Синявский – офицер Эриванского карабинерного полка, командир первого пешего батальона Кавказского линейного казачьего войска // Из истории и культуры Линейного казачества Северного Кавказа. материалы XIII Междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конференции, посвященной 190-летию основания Кавказского линейного казачьего войска. Армавир: РИО АГПУ, 2022.

25. Николаенко Н.Д. Командир первого пешего батальона Кавказского линейного казачьего войска Иван Николаевич Нелидов (краткие сведения о служебной деятельности) // Университетские чтения – 2020: 9–10 января 2020 г.: материалы региональной межвуз. науч.-практ. конф. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2020. Ч. XIII.

26. Николаенко Н.Д. Федор Александрович Момбелли – офицер Куринского егерского (пехотного) полка, командир пеших батальонов Кавказского линейного и Кубанского казачьего войск // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы XIV Международной Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир: РИО АГПУ, 2024.

27. Николаенко Н.Д., Емельянов О.Б. Краткие сведения о служебной деятельности офицеров Х. Е. Попандопуло и А. Ф. Камкова – командиров первой бригады Кавказского Линейного казачьего войска // Отрадненские историко-краеведческие чтения, 2015.

28. ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 227.

29. ГАСК. Ф. 838. Оп. 1. Д. 33.

30. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 175.

31. ГАСК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1180.

32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1861. Т. XXXVI.

33. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1865.

34. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 406. Оп. 1. Д. 8.

35. ГАКК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 14.

36. ГАСК. Ф. 84. Оп. 1. Д. 11.

37. Пузиков В.И., Новиков Ю. В. Станица Беломечетская на Кубани. Документальные очерки. Б/м: б/и, 2025.

38. ГАСК. Ф. 838. Оп. 1. Д. 24.

39. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422.

40. ГАСК. Ф. 459. Оп. 2. Д. 60.

41. ГАСК. Ф. 459. Оп. 2. Д. 59.

42. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанские курени и станицы: повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX в. Новочеркасск: Лик, 2022.

43. Соколов А.Ю. Бело-зеленое движение на Кубани: вооруженное противостояние. 1918–1923 гг. Ставрополь: Изд. Надыршин, 2022.

44. Соколов А.Ю. Бывшие линейные станицы Кавказского и Екатеринодарского отделов ККВ в период 1918–1936 гг.: красный и белый террор, движение бело-зеленых, коллективизация, раскулачивание, голод – как это было (архивные данные). Ставрополь: Бюро новостей, 2022.

45. Соколов А.Ю. Воронежская Раздольная 1804 (забытые фамилии): в 2 т. Краснодар: Экоинвест, 2018.

46. Соколов А.Ю. Линейные казаки-кубанцы в XIX – начале XX в.: малоизвестные страницы истории. М.: Изд. Надыршин, 2020.

47. Соколов А.Ю. Очерки истории станицы Шкуринской. Краснодар: Диапазон-В, 2024.

48. Соколов А. Ю. Сведения о личном составе и награжденных казаках Кавказского казачьего полка первоначального состава и 1-й бригады Кавказского линейного казачьего войска – Кубанского казачьего войска (исследование и справочные материалы). Ставрополь: Эконивест, 2026.

49. Соколов А. Ю. Семьи станицы Раздольной. М.: Изд. Надыршин, 2021.

50. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Т. 1. Д. 33.

51. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 496. Оп. 3. Д. 751. – 757.

52. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 751 – 752.

53. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 474.

54. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132.

55. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. 1897. № 60.

56. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. 1897. № 62.

57. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. 1897. № 93.

58. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 304, 1159.

59. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1159.

60. Шкуро В. И. В поисках балканских героев из 2-го Кубанского конного полка // Освобождение Болгарии и славянский мир: материалы науч.-практ. конф., посвященной Освобождению Болгарии от османского ига. Краснодар: КубГУ, 2008.

REFERENCES

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission / Edited by A. P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1869. Vol. III. The Caucasus and Transcaucasia during the administration of Field Marshal Count Ivan Vasilyevich Gudovich, 1806-1809. 760 p.

2. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 15044. Inventory 1. File 25.

3. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 18571.

4. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 1253. Op. 1. D. 255.

5. GASK. F. 1253. Op. 1. D. 44.

6. The Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TSGA RSO-A). F. 3. Op. 1. D. 18.

7. RGVIA. F. 15044. Op.1. D. 28. L. 124ob.

8. From the military journal regarding the actions of the main detachment in Southern Dagestan from May 27 to June 12, 1839. [No earlier than June 12, 1839] // The People's liberation struggle of Dagestan and Chechnya under the leadership of Imam Shamil: Collection of documents M.: Echo of the Caucasus, 2005. - 549 p

. 9. RGVIA. F. 5189. Op. 1. D. 2.

10. The State Archive of the Astrakhan region (GAAO). F. 599. Op. 2. D. 7148.

11. GAAO. F. 599. Op. 2. D. 3283.

12. Klychnikov Yu. Yu., Skiba K. V. "The peasants pulled up, brave Cossacks came out of the peasants ..." On the formation of units of the Caucasian linear Cossack army // From the history and culture of the Linear Cossacks The North Caucasus. Proceedings of the 13th International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference, dedicated to the 190th

anniversary of the founding of the Caucasian Linear Cossack Host. Armavir: RIO AGPU, 2022. 290 p.

13. Kolesnikov V. A. St. George's Cavaliers of the Stanitsas of the Stavropol Linear Cossack Regiment (brigade), 1833–1866. Moscow: Publishing House. Nadyrshin, 2022. 200 p.

14. Kolesnikov V. A. One-Dwelling Cossacks: To the 200th Anniversary of the Founding of the Rozhdestvenskaya, Kamennobrodskaya, Sengileevskaya and Novotroitskaya Stanitsas. St. Petersburg: Nestor, 2000. 318 p.

15. Kolesnikov V. A. Officer corps and St. George cavaliers of the Batalpashin village of the Caucasian War era // Batalpashin Readings, 2022: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Karachay-Cherkess Republic, the 100th anniversary of the feat of the New Martyrs and confessors of the Russian Church during the seizure of Church valuables, 190-anniversary of the formation of the Caucasian linear Cossack army. Cherkessk, September 29-30, 2022. Karachaevsk; Cherkessk: Publishing House of the KCHSU, 2022. 370 p

. 16. Kolesnikov V. A. The first St. George cavaliers of the linear villages of the Kuban 1810-1832. Moscow: Ed. Nadyrshin, 2020. 40 p.

17. Kolesnikov V. A. The Early History of the Dmitrievskaya Stanitsa through the Lens of Narrative and Archival Sources // From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus: Proceedings of the 14th International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference. Armavir: RIO AGPU, 2024. 304 p.

18. Kolesnikov V. A., Fedosov P. S. Two Centuries of the Stanitsa Raschevskaya (1801-2001): To the 200th Anniversary of Its Founding. Stavropol: YURKIT, 2001. 367 p.

19. Korolenko P. P. The Resettlement of the Cossacks beyond the Kuban. Russian Colonization of the North-Western Caucasus. Yekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Administration, 1910. 112 p.

20. Matveev O. V. "A Regiment Dear to Me…": On the Historiography of the 1st Caucasian Viceroy, Ekaterinoslav, Field Marshal Prince Potemkin-Tauride Regiment of the Kuban Cossack Host // The World of the Cossacks: Collection of Scientific Papers. Krasnodar: Mir Kubani, 2006. 175 p. Issue 1.

21. Gusev V.A. Materials on the History and Genealogy of the Cossacks. Service of the Don Cossacks. XVIII Century. Retired Cossacks of the Don Army, 1777. Volgograd: Panorama, 2012. 391 p.

22. GAAA. Fund 599. Inventory 2. File 6905.

23. Mogilevtsev N. M. Brief historical information about the Caucasian Cavalry Regiment of the Kuban Cossack Host in the pre-Yermolov period // Kuban Regional Gazette. 1892. No. 20.

24. Nikolaenko N.D. Ivan Antonovich Sinyavsky – an officer of the Erivan Carabineer Regiment, commander of the first foot battalion of the Caucasian Linear Cossack Host // From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus. Materials of the 13th International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference dedicated to the 190th anniversary of the founding of the Caucasian Linear Cossack Host. Armavir: RIO AGPU, 2022. 290 p.

25. Nikolaenko N.D. Commander of the First Foot Battalion of the Caucasian Linear Cossack Host, Ivan Nikolaevich Nelidov: (brief information about his service activities) // University Readings – 2020: January 9–10, 2020: Proceedings of the regional inter-university scientific and practical conference. Pyatigorsk: Publishing House of Pyatigorsk State University, 2020. – 127 p. Part XIII. Proceedings of sections 5–7 of Symposium 3. 2020.

26. Nikolaenko N.D. Fyodor Alexandrovich Mombelli – an officer of the Kurinsky Jaeger (Infantry) Regiment, commander of foot battalions of the Caucasian Line and Kuban Cossack troops // From the History and Culture of the Line Cossacks of the North Caucasus:

Proceedings of the 14th International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference. Armavir: RIO AGPU, 2024. – 304 p.

27. Nikolaenko N. D., Emelyanov O. B. Brief information about the service activities of officers Kh. E. Popandopulo and A. F. Kamkov – commanders of the first brigade of the Caucasian Linear Cossack Host // Otradnenskie Historical and Local History Readings, 2015. 383 p. Issue VIII. Materials of the Interregional Scientific Conference dedicated to the 160th anniversary of the formation of the Kuban Cossack Host and the 100th anniversary of the Exodus of the Russian Army from the Kuban and Crimea. 2020.

28. GAOO. Fund 1. File 9. Document 227.

29. GASK. Fund 838. File 1. Document 33.

30. GASK. Fund 1305. File 1. Document 175.

31. GASK. Fund 105. File 1. Document 1180.

32. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two. St. Petersburg. Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1861. Vol. XXXVI. – 534 p.

33. RGVIA. F. 330. Op. 55. D. 1865.

34. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 406. Op. 1. D. 8.

35. GAKK. F. 406. Op. 1. D. 14.

36. GASK. F. 84. Op. 1. D. 11.

37. Puzikov V. I., Novikov Yu. V. The village of Belomechetskaya in the Kuban. Documentary essays. N/A: n/a, 2025. – 380 p.

38. GASK. F. 838. Op. 1. D. 24.

39. RGVIA. F. 13454. Op. 1. D. 422.

40. GASK. F. 459. Op. 2. D. 60.

41. GASK. F. 459. Op. 2. D. 59.

42. Skorik A.P., Fedina I.M. Kuban kurens and villages: the everyday settlement life of the Kuban Cossacks and the historical forms of settlements in the Kuban at the end of the XVIII – first third of the XX centuries. Novocherkassk: Lik, 2022. 1336 p.

43. Sokolov A. Yu. The White-Green Movement in the Kuban: Armed Confrontation. 1918-1923. Stavropol: Publishing House Nadyrshin, 2022. 598 p.

44. Sokolov A. Yu. Former linear stanitsas of the Caucasian and Ekaterinodar departments of the Kuban Cossack Host in the period 1918–1936: Red and White terror, the White-Green movement, collectivization, dekulakization, famine — how it was: (archival data). — Stavropol: News Bureau, 2022. 431 p.

45. Sokolov A. Y. Voronezhskaya Razdolnaya 1804 (forgotten surnames): in 2 volumes. Krasnodar: Ecoinvest, 2018. Vol. 1. 398 p. Vol. 2. 412 p

. 46. Sokolov A. Y. Linear Kuban Cossacks in the XIX – early XX centuries: little-known pages of history. Moscow: Ed. Nadyrshin, 2020. 704 p.

47. Sokolov A. Yu. Essays on the History of the Shkurinskaya Stanitsa. Krasnodar: Diapazon-V, 2024. 598 p.

48. Sokolov A. Yu. Information about the personnel and awarded Cossacks of the Caucasian Cossack Regiment of the original composition and the 1st Brigade of the Caucasian Linear Cossack Host – the Kuban Cossack Host (Research and Reference Materials). Stavropol: Ekonivest, 2016. 492 p.

49. Sokolov A. Yu. Families of the Razdolnaya Village. Moscow: Publishing House. Nadyrshin, 2021. 163 p

. 50. GAAO. F. 13. Op. 1. Vol. 1. D. 33.

51. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 496. Op. 3. D. 751, D. 752, D. 753, D. 754, D. 755, D. 756, D. 757

52. RGIA. F. 496. Op. 3. D. 751, D. 752.

53. RGVIA. F. 1058. Op. 1. D. 474.

54. TSGA RSO-A. F. 2. Op. 1. D. 132.
55. Felitsyn E. D. Materials for the history of the Kuban Cossack army // Kuban regional Gazette. 1897. No. 60.
56. Felitsyn E. D. Materials for the History of the Kuban Cossack Host // Kuban Regional Gazette. 1897. No. 62.
57. Felitsyn E. D. Materials for the History of the Kuban Cossack Host // Kuban Regional Gazette. 1897. No. 93.
58. RGVIA. F. 330. Op. 55. D. 304, d. 1159.
59. RGVIA. F. 330. Op. 55. D. 1159.
60. Shkuro V. I. In search of Balkan heroes from the 2nd Kuban Cavalry Regiment // Liberation of Bulgaria and the Slavic World: materials of the scientific and practical conference dedicated to the Liberation of Bulgaria from the Ottoman yoke. Krasnodar: Kuban State University, 2008. 112 p..

Сведения об авторе

Колесников Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ставропольский филиал, ул. Лермонтова, 189, 355002 г. Ставрополь, Российская Федерация.kolesnikov-va@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-9654-463

About the author

Kolesnikov Vladimir Alexandrovich, Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor atthe Department of Law and Special Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Stavropol Branch, 189 Lermontov St., 355002 Stavropol, Russian Federation. kolesnikov-va@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-9654-463

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ В КНИГАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ТРАДИЦИЯ»

Шевченко Алина Андреевна
Издательство «Традиция», Краснодар, Россия.
id.tradition2006@mail.ru

За двадцать лет плодотворного сотрудничества с историками, архивами и музеями Кубани издательство «Традиция» успешно закрепило за собой позицию лидера на книжном рынке края. Как и прежде, основная часть большой библиотеки издательства принадлежит книгам по истории кубанской земли.

В последние годы отдельным направлением работы «Традиции» является историко-просветительская деятельность в контексте участия в грантах губернатора Кубани. Так, совместно с историками, архивистами, краеведами, учреждениями культуры, музеями и архивами издательство содействует повышению уровня патриотизма, сохранению историко-культурного наследия через доступ к структурированной архивно-исторической информации по средствам издания фотодокументальных альбомов и сборников документов.

В начале 2025 г. издательство «Традиция» участвовало в гранте губернатора Кубани «Кубань в годы военных и революционных катаклизмов 1914–1922 гг.». В рамках данного гранта, совместно с партнёрами проекта – Управлением по делам архивов Краснодарского края и Государственным архивом Краснодарского края – было выпущено два издания. Фотодокументальный альбом «Кубань в годы Великой российской революции и Гражданской войны (1917–1922)» и «Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918)».

В фотодокументальном альбоме помимо сканированного изображения к каждому документу прилагается краткий пояснительный комментарий и археографическая запись. Также книга оснащена интересными статьями к главам, которые погружают читателя в эпоху тех лет. Автор вступительных текстов и научный консультант проекта – кандидат исторических наук А.А. Зайцев. Второе издание, выпущенное в рамках данного гранта «Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918)», представлено в виде сборника документов, в который вошло 354 архивных материала. С точки зрения содержания, это научное осмысление периода Первой мировой войны, через интереснейший справочный аппарат и сноски, созданные авторами-составителями сборника, открываются малоизвестные

страницы истории Великой войны. Научным консультантом проекта и автором вступительной статьи выступил доктор исторических наук, профессор О.В. Матвеев.

В год 80-летия Великой Победы над немецко-фашистскими захватчиками издательство «Традиция» приняло участие в гранте губернатора Кубани «Хранить вечно! Кубань в годы Великой Отечественной войны». Результатом плодотворного сотрудничества с историками, архивистами и краеведами стали два издания: популярная книга «Хранить вечно! Кубань 1941–1945» и фотодокументальный альбом «Кубань в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)».

На страницах книги «Хранить вечно! Кубань 1941–1945» год за годом воспроизведены доблестные подвиги героев Великой Отечественной войны в тылу и на полях сражений. На основе оперативных сводок, рапортов и отчётов буквально поминутно восстановлены события Кущёвской атаки, Пашковской переправы, обороны Новороссийска, Туапсе и Краснодара, Малой Земли, Голубой линии и Таманского полуострова во время освобождения края от немецко-фашистских захватчиков в 1943 г. Описание этих событий дополнили карты, специально разработанные для данного издания: «Оборона Кубани», «Новороссийско-Таманская оборонительная операция», «Туапсинская оборонительная операция», «Новороссийско-Таманская наступательная операция / рубеж обороны противника „Голубая линия“», «Освобождение Кубани». Без внимания не осталась и тяжёлая жизнь тыла: фотографии и дневниковые записи наглядно проиллюстрировали суровые будни в дни оккупации, путь восстановления промышленности и сельского хозяйства края, а также счастливые минуты победного мая 1945-го. В концептуальном плане издание разделено на четыре главы, которые наполнены документами Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Государственного архива Краснодарского края. Авторы-составители книги: историк, заслуженный работник культуры Кубани Н.Н. Суворова, кандидат исторических наук, доцент И.В. Киселёв и И.Т. Краев.

Хронологические рамки фотодокументального альбома «Кубань в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» охватывают не только период военных действий, но и более позднее время восстановления мирной жизни. Так, в книгу вошли документы за 1946, 1948, 1949, 1982 гг. С точки зрения содержания архивные материалы расположены по определённому тематическому принципу, описывают события, связанные с началом войны, проблемы и сложности тыла, а также боевые и трудовые подвиги. Всего в альбом вошло 355 документов из фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Государственного архива Краснодарского края, а также архива Управления Федеральной службы безопасности России по Краснодарскому краю, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики.

Авторы-составители фотодокументального альбома – сотрудники Центра документации новейшей истории Краснодарского края: Н.Г. Попова, Ю.В. Шевченко, И.С. Козыренко. Научным консультантом при создании альбома выступил доктор исторических наук, доцент Е.Ф. Кринко. Рецензенты издания: доктор исторических наук, доцент К.Г. Ачмиз икандидат исторических наук, доцент И.В. Киселёв.

Продолжает военную тематику книга П.М. Гаврилова «Сражается крепость», вышедшая в «Традиции» в 2025 г. Издание приурочено к 125-й годовщине со дня рождения Петра Михайловича Гаврилова – защитника Брестской крепости, возглавившего её оборону в 1941 г. Герой Советского Союза с волнением вспоминает о пережитом, пишет о товарищах, воевавших в Восточном форте, которые в самые первые дни войны проявили небывалую отвагу и мужество. Впервые эта книга увидела свет в 1975 г., а затем была издана в 1980 г. В 2025 г. увидело свет второе дополненное издание с послесловием председателя Совета ветеранов ОВД и ВВ Краснодарского края полковника внутренней службы в отставке В.П. Зайцева – «Наш земляк П.М. Гаврилов».

Специально для читателей, интересующихся биографиями героев ВОВ, в 2026 г. вышел биографический словарь-справочник «Педагоги Краснодарского края – участники Великой Отечественной войны» [6] автора-составителя кандидата исторических наук А.П. Кары (под общей редакцией Е.В. Воробьёвой). В книге представлена информация о педагогах Краснодарского края – участниках Великой Отечественной войны, которые после Победы над фашизмом продолжили заниматься педагогической деятельностью в образовательных организациях Кубани, а также их воспоминания о событиях грозных военных лет.

Среди подарочных книг издательства «Традиция», посвящённых дореволюционной истории столицы Кубани, отдельного внимания заслуживает издание «Сердечный привет из Екатеринодара», вышедшее в канун 232-летия города. Авторами-составителями выступили историк, заслуженный работник культуры Кубани Н.А. Корсакова и коллектив издательства. Книга повествует о былых временах города; через уникальные фотографии и документы, дневниковые записи, воспоминания, письма и газетные очерки, ранее никогда не публиковавшиеся, читатели смогут увидеть первых жителей войскового града, уютные екатеринодарские улочки и кафе, насладиться эклектикой кубанской архитектуры и окунуться в повседневный быт горожан.

Первая глава книги «При реке Кубани в Карасунском куте» получила своё название исходя из исторического документа – письма атамана Захария Чепеги войсковому судье Антону Головатому о сыске места под войсковой град. Вторая глава «Из города войскового в гражданский» повествует о важных преобразованиях Екатеринодара в XIX в. Интерес представляют не только исторические документы, но и новые фотографии городской жизни. Третья глава «Город Екатеринодар в 1900–1917 годы» рассказывает о

расцвете южной столицы как надёжного и делового центра для торговли и жизни. Четвёртая, завершающая глава книги – «Гражданская война и эмиграция», рассказывает о том, как раскололось российское общество после событий 1917 г. Большой интерес представляет письмо Софии Иосифовны Бабыч, жены атамана Кубанского казачьего войска Михаила Павловича Бабыча, о её жизни в эмиграции и розыске останков супруга с целью дальнейшего захоронения с почестями. В книге представлены фотографии и документы из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына, Литературного музея Кубани, а также из личных коллекций потомков известных екатеринодарцев – Бабычей, Яловых, Лебедевых, Бардижей и т.д.

Ещё одно подарочное издание, увидевшее свет в издательстве «Традиция» в 2026 г., посвящено непростому периоду в истории Русской Православной Церкви – XX столетию, времени тяжёлых испытаний и жестоких гонений на священнослужителей и мирян. Книга «Новомученики земли Кубанской» священника Андрея Небавского и Никиты Кияшко – это результат многолетних исследований комиссии по канонизации святых Екатеринодарской и Кубанской епархии. В основу подарочного издания вошло множество фотографий и документов из государственных архивов и частных коллекций, ранее нигде не публиковавшихся.

Книжную линейку издательства «Традиция», посвящённую дореволюционной истории, в период с 2025 по 2026 г., пополнили труды известного краснодарского исследователя в области органов внутренних дел И.В. Сирицы. Автор выпустил две книги в качестве продолжения сборника популярных очерков «Криминальный Екатеринодар». Следующие два издания из этой серии посвящены А.П. Пришельцеву и Ф.А. Засыпкину.

Книга «Криминальный Екатеринодар. Александр Пришельцев, труженик уголовного сыска» повествует о начальнике Екатеринодарского сыскного отделения и о его сыщиках, которые раскрывали самые дерзкие уголовные дела города с 1900 по 1914 г. Особый интерес представляют воспоминания Александра Петровича Пришельцева о раскрытии отдельных преступлений. В третьей книге «Криминальный Екатеринодар. Полковник Засыпкин, охотник за террористами» речь пойдёт о полковнике Фёдоре Андреевиче Засыпкине, организовавшем и возглавившим с 1907 г. по 1908 г. Екатеринодарский охранный пункт. Под началом Засыпкина охранный пункт не только выполнял свои функции по ликвидации радикальных организаций уголовно-террористической направленности, но и противостоял низвергателям государственно-монархических основ Российской империи.

Представленные в статье книги – это совсем небольшая часть большой историко-просветительской работы краснодарского издательства «Традиция». Каждое издание на историческую тематику – это невидимый мост между прошлым и настоящим, позволяющий читателям увидеть ту или иную эпоху в истории Кубани своими глазами.

Информация об авторе

Шевченко Алина Андреевна, главный редактор издательства «Традиция», ул. Зиповская, 9, 350072, г. Краснодар, Российская Федерация, id.tradition2006@mail.ru

InformationAbouttheAuthor

Shevchenko Alina Andreevna, Editor-in-Chief of the “Traditsiya” Publishing House, Zipovskaya St., 9, 350072, Krasnodar, Russian Federation, id.tradition2006@mail.ru